Петр Маслов

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

(Аграрный вопрос в России, т. II)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Издание Товарищества „МИР"
МОСКВА
1923.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
400
38

Библиотека
Аграрного
института

„Главлит" № 9995. Тираж 3.000

Типография Центросоюза, Москва, Денисовский пер., 30.

Предисловие.

С начала двадцатого века аграрный вопрос приобрел особенно большое значение, крестьянство сразу выдвинулось на авансцену русской истории и в политической жизни страны стало играть огромную роль.

Естественно, что является потребность научного анализа не только аграрных отношений, но и потребность выяснить отношение крестьян ко всему укладу жизни, проследить и сделать анализ изменения этих отношений, выяснить роль и участие крестьян в общественной жизни страны, в борьбе общественных классов за свои интересы и проч.

Для этого нужно было прежде всего дать анализ сложившихся в России сельско-хозяйственных отношений. Эту задачу автор и стремился выполнить в первом томе „Аграрного вопроса". В предлагаемой вниманию читателя работе автор пытался осветить поставленные выше вопросы, т. е., исходя из анализа сложившегося хозяйственного строя, выяснить отношение крестьян к различным сторонам общественной жизни, найти связь между формами крестьянского движения и экономическими отношениями и т. д., и т. д.

Для исторического анализа крестьянских движений, с одной стороны, требовалось дать хотя бы краткий очерк тех земельных отношений, которые влияли на формы крестьянского движения, с другой стороны, дать более или менее живую его картину. Поэтому автор, на ряду с краткой характеристикой земельных отношений, старался по возможности подробно описать различные формы крестьянского движения, не стремясь к исчерпывающему перечню *всех* фактов, и более кратко характеризовать отношения других классов общества к аграрному вопросу. Автор полагает, что одно подробное описание какого нибудь факта, иногда с мелочными деталями, даст более ясное и яркое представление о данном общественном явлении, чем краткое перечисление десятка подобных же фактов. Иногда детали лучше всего характеризуют то или другое явление. Насколько удалось это—пусть судит читатель...

Первое издание этой книги под заглавием „Аграрный вопрос в России, т. II. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение“ было выпущено в свет в начале 1908 года. С 1907 года, в течение целого десятилетия, вплоть до революции 1917 года, крестьянство не проявляло никакой активности, как будто реформы Столыпина действительно успокоили и удовлетворили крестьян. Лишь революция 1917 года, развившаяся потом в ожесточенную гражданскую войну, показала, что аграрный вопрос в 1906 году не был решен и не мог быть решен без перехода большей части помещичьих земель в пользование крестьянства.

Крестьянское движение в эпоху революции и участие его в гражданской войне представляют большой интерес, но об'ективное изучение этой эпохи пока преждевременно и почти невозможно в настоящий момент.

Апрель 1923 года. *Автор.*

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Борьба крупного и мелкого хозяйства.

В истории развития общественных отношений крестьянское движение сыграло большую роль. Крестьянские «бунты» были одним из сильнейших факторов, заставивших правительство осуществить реформу 1861 года. Крестьянские волнения 1902—1905—6 г.г. не только заставили всех, в том числе и правительство, обратить внимание на аграрный вопрос, но и были одним из сильнейших факторов всего общественного движения последнего времени.

Естественно, что прежде всего является вопрос, какие причины вызвали крестьянское движение? Агитация?

Дальше мы рассмотрим роль агитации политических партий в крестьянском движении; теперь же напомним лишь, что в 70-х годах, когда интеллигенция с энтузиазмом шла в народ, при меньших внешних препятствиях, ее агитация не имела никакого успеха. Очевидно, сама по себе агитация бессильна вызвать какое бы то ни было крестьянское движение, если нет более глубоких причин, вызывающих его.

Может быть, крестьянское движение вызвано революцией в городах? Но оно началось раньше, еще в 1902 году.

Неурожаи, голод? Но в 1891—2 годах были страшные неурожаи, за которыми не последовало движения. Напротив, мы видим, что во время урожайных 80-х годов отношения крестьян к помещикам обостряются.

Малоземелье? Но оно началось с 61 года и постепенно обострялось, причем последние годы в этом отношении ничего не изменили. При том, некоторые категории крестьян уже после реформы 61 года получили или нищенские наделы или остались совсем без земли, а аграрного движения не было.

Очевидно, для понимания крестьянского движения, для выяснения его причин нужно анализировать хозяйственные отношения в

деревне и в этих отношениях найти причину, которая неизбежно должна была в определенный момент развития крестьянского хозяйства толкнуть его на тот или другой путь борьбы за улучшение своего положения.

В первом томе «Аграрного вопроса» мы пытались выяснить условия развития сельского хозяйства и условия борьбы крупного и мелкого земледельческого хозяйства. Эти условия определяют и формы борьбы за свое существование того и другого типа хозяйства. Формы борьбы бывают различными, и одним из ее видов является крестьянское движение, которое в свою очередь принимает различные формы в зависимости от экономических и политических условий.

Следовательно, чтобы понять крестьянское движение, чтобы выяснить его причины, а также причины, вызывающие ту или иную форму движения, нужно прежде всего выяснить общие условия развития сельского хозяйства и общие условия борьбы различных хозяйственных типов.

Хотя первый том «Аграрного вопроса» в данном случае дает теоретические предпосылки, с помощью которых мы можем легче ориентироваться и понять крестьянское движение, тем не менее этих общих предпосылок недостаточно.

Нужно не только знать условия развития и борьбы различных типов хозяйства, но и выяснить, почему именно в данный момент началось аграрное движение, почему оно принимало в той или другой местности те или иные формы, почему в одном случае (напр., после реформы 61 г.) оно быстро стихало, а в другом случае продолжалось в течение нескольких лет.

Для решения этих вопросов нужно, руководствуясь полученными выводами из общего теоритического анализа сельско-хозяйственных отношений, проследить, какими были эти отношения в различные моменты хозяйственного развития страны и как они отражались на крестьянстве. Мы знаем законы борьбы капиталистической и некапиталистической ренты. Но в данном случае нужно еще выяснить, как эта борьба проявлялась в различные периоды хозяйственного развития страны. Поэтому прежде, чем приступить к изложению истории крестьянского движения, нужно остановиться на изучении процесса экономической борьбы различных типов хозяйства в пореформенную эпоху.

С этого мы и начнем.

Прежде, чем характеризовать процесс борьбы крупного и мелкого хозяйства, который привел последнее к экономическому кри-

зису и вызвал аграрное движение 1905—7 г.г., мы напомним читателю общие условия борьбы крупного и мелкого хозяйства.

Капиталистическое земледельческое хозяйство, т.-е. хозяйство, которое пользуется наемным трудом для получения прибыли, ведет постоянную борьбу из-за земли с крестьянским продовольственным хозяйством, которое ведется для добывания предметов потребления крестьянской семьи. Эта борьба ведется потому, что мелкое хозяйство, не имея достаточно земли, принуждено арендовать земли у крупных землевладельцев. На этих землях, следовательно, может вестись и л и капиталистическое хозяйство землевладельца, капиталиста-арендатора, и л и мелкое хозяйство посредством продовольственной аренды.

Победа того или другого типа хозяйства зависит исключительно от того, какая форма аренды, т.-е. какой тип хозяйства дает землевладельцу большую ренту. Если повысится капиталистическая рента, если капиталист-арендатор уплатит большую ренту, чем мелкий арендатор, то землевладелец сдаст землю капиталисту или будет вести свое хозяйство, чтобы в нем получить капиталистическую ренту, сверх обычной предпринимательской прибыли. Если продовольственная рента будет значительно выше капиталистической.—землевладелец будет сдавать землю в аренду крестьянам, ведущим продовольственное хозяйство. Следовательно, законы роста капиталистической и продовольственной ренты определяют исход борьбы крупного и мелкого хозяйства. Условия, ведущие к повышению капиталистической ренты, приводят к победе капиталистического хозяйства, условия же, ведущие к повышению продовольственной ренты, дают победу продовольственному хозяйству, которое будет вытеснять капиталистическое.

Законы роста капиталистической и продовольственной ренты изложены нами в первом томе и здесь мы только кратко их формулируем.

Капиталистическая рента растет при повышении производительности труда в земледелии и при повышении хлебных цен. При этом в обоих случаях рента растет в большей степени, чем повышается производительность труда или хлебные цены.

Продовольственная рента растет при противоположных условиях. Для продовольственного хозяйства необходимость аренды возрастает по мере падения производительности земледельческого труда в собственном хозяйстве, по мере того, как при росте количества рабочих рук в хозяйстве количество добываемых продуктов не увеличивается

ими, а если и увеличивается, то не в такой степени, в какой растут рабочие силы крестьянской семьи.

Но рост продовольственной ренты не может продолжаться безгранично. Крестьянское хозяйство может из года в год продолжать продовольственную аренду только в том случае, если по уплате аренды ему остаются необходимые средства для существования.

Допустим, что крестьянское хозяйство с двух десятин посева на своей земле получает 100 пудов хлеба и на арендованной земле с двух десятин посева получает также сто пудов хлеба. Если для прокормления семьи и скота, а также удовлетворения других потребностей, необходимых для существования семьи, нужно 150 пуд. хлеба, то из общей суммы в 200 пуд. хозяйство может уплатить 50 пуд., или по 25 пуд. с десятины в виде арендной платы, может поддерживать хозяйство в прежних размерах и продолжать аренду. Если капиталистическая рента повысится настолько, что будет превышать эту максимальную продовольственную ренту, то крестьянское хозяйство будет принуждено или бросить аренду и добывать средства существования каким-либо другим путем, *или уплачивать продовольственную ренту из своих средств производства*. Например, сокративши количество скота, *проедая* его, хозяйство некоторое время может продолжать аренду земли, уплачивая больше 50 пуд. Очевидно, что такая аренда продолжаться долго не может.

Например, если, сокращая постепенно свои средства производства, хозяйство можно получить, благодаря этому, еще 10 пуд. ежегодно, то оно может существовать, уплачивая в виде аренды не 50 п., а 60 пуд., так как у него останутся те же 150 пуд., необходимые для существования крестьянской семьи. Этот схематический пример показывает, что некоторое время продовольственная аренда может держаться даже при условии, если продовольственная рента превышает разницу между валовым доходом хозяйства и суммой продуктов, необходимых для существования семьи.

Далее мы остановимся на кризисе продовольственного хозяйства, который произошел, благодаря такому повышению продовольственной ренты. Теперь мы рассмотрим, какие хозяйства могут успешнее бороться за свое существование.

В приведенном выше примере при двух десятинах посева на наделе и при двух работниках хозяйство может арендовать 2 десятины, уплачивая 50 пуд. хлеба.

Если хозяйство при таких же размерах семьи имеет посева только 1 дес. на собственной земле и принуждено арендовать 3 дес., то, получивши всего 200 пудов и со своей и с арендованной земли, он может платить в виде аренды за 3 десятины только 50 пуд., так как 150 пуд. необходимы для существования. Но если продовольственная аренда поднялась до 25 пуд. за десятину, то первое хозяйство, имеющее на своей земле посев в 2 десятины, как мы видели, может продолжать аренду, не сокращая свои средства производства, так как оно будет уплачивать за 2 арендуемые десятины 50 пуд. из общей суммы в 200 пуд. Между тем хозяйство, имеющее посева 1 десятину на своей земле и 3 дес. на арендованной, чтобы уплатить за каждую арендованную десятину по 25 пуд., а всего 75 пуд. из всего валового дохода в 200 пуд., должно сокращать свои средства производства, так как для пропитания необходимо 150 пуд. хлеба. Таким образом, при повышении продовольственной аренды, для хозяйств, имеющих меньшие наделы, должен раньше наступить и кризис, так как сокращение средств производства не может долго продолжаться.

Отсюда ясно, что кризис продовольственного хозяйства наступает не одновременно для всех мелких хозяйств, а для различных категорий хозяйств в различное время, потому что размеры наделов в различных общинах не одинаковы. Хозяйства с большим количеством надельной земли могут продолжать еще аренду в то время, когда часть крестьянских хозяйств уже потерпела кризис, разорилась и попала в безвыходное положение.

Когда повышение продовольственной ренты, происходящее вследствие конкуренции капиталистической аренды и вследствие взаимной конкуренции продовольственных хозяйств, разоряет и выбрасывает из числа конкурентов только наиболее слабые хозяйства, кризис последних не так чувствителен, так как рабочие руки из этих хозяйств еще могут найти заработок или в индустрии, или в сельскохозяйственном найме. Но, когда повышение продовольственой ренты достигает такой степени, что ведет к сокращению средств производства у большинства земледельческого населения, когда последнее, при невозможности дальнейшей аренды по повышенным ценам, принуждено отступить перед капиталистической рентой, положение массы населения становится безвыходным. Тогда наступает общий кризис продовольственного хозяйства.

ГЛАВА II.

Кризис продовольственного хозяйства.

После отмены крепостного права освободившееся от его тисков население не могло развернуть своих производительных сил при усиленной эксплоатации крестьян помещиками, у которых приходилось арендовать земли, и при непосильных налогах правительства. Политический и экономический гнет давили население. Чем больше развивался обмен, тем больше хлеба крестьянин был принужден отчуждать на рынок, тем большую долю из вырученных сумм он должен был отдавать правительству и землевладельцам. Лишь на окраинах, на юге и востоке Европейской России и в части Сибири переселившееся туда от малоземелья и эксплоатации население расширяло запашки, и лишь там на почве экономического под'ема развивались прочные крестьянские полукапиталистические и чисто капиталистические земледельческие хозяйства.

Центральный земледельческий район все больше и больше разорялся, причем процесс разорения постепенно захватывал и те области, которые, как редко населенные, после отмены крепостного права экономически развивались. Постепенно, к 90 годам экономический упадок захватил такие губернии, как Самарская и Саратовская, считавшиеся житницей России, а после девяностых годов и в части южного района у крестьян стало сокращаться количество скота, необходимого для земледельческого хозяйства.

Сравнение военно-конских переписей за 1888—901 г.г. показывает, что процесс обнищания населения только за одно десятилетие далеко подвинулся вперед. По 31 губернии Европейской России, за исключением южного новороссийского, восточного и юго-восточного районов, т.-е. окраин России, количество лошадей сократилось таким образом, что, принимая число хозяев в 1888 году за сто, в 1899—901 году оказалось:

безлошадных	122
с 1 лошадью	125
с 2 лошадьми	96
с 3 „	65
с 4 „	57
с 5 „	45
с 6 и более	41

Если принять во внимание, что лошадь является одним из наиболее ценных средств производства в крестьянском хозяйстве, то важное значение такого сокращения числа лошадей станет ясным.

Очевидно, что по какой бы причине ни сократилось количество лошадей, это сокращение произошло вследствие недостатка валового дохода хозяйства для удовлетворения потребности хозяйства в продовольствии, для уплаты налогов и аренды. Т.-е. и уплата податей, и уплата аренды совершаются не только из валового дохода, но и на счет сокращения средств производства.

Пополняется ли валовой доход хозяйства сокращением средств производства или продовольственной помощью, и в том и в другом случае является возможность возобновить аренду земли, так как меньшая часть валового дохода идет на продовольствие и большая часть может быть затрачена на арендную плату. Таким образом процесс разорения крестьян давал возможность продолжать продовольственную аренду до тех пор, пока являлась возможность пополнять бюджет хозяйства сокращением средств производства.

Постепенно разорение массы крестьян привело к страшному голоду 1891—2 г.г., после которого голодовки то в том, то в другом районе не прекращались. Правительство, одной рукой собиравшее последние крохи в виде налогов, другой рукой должно было постоянно подкармливать часть крестьян, которым грозила и которых уносила голодная смерть.

Нищета и связанные с ней бедствия разливались по всей России; на крестьянах накопились огромные недоимки, а между тем арендные цены на землю все росли и росли, и крестьяне продолжали арендовать земли по повышенным ценам. Благодаря этому, оказывалось менее выгодным для землевладельцев ведение капиталистического хозяйства, и большая часть из них предпочитала получать с голодных мужиков повышенную аренду.

Наряду с обеднением крестьянства росли арендные цены и цены на землю.

Из изложенной выше теории борьбы крупного и мелкого хозяйства на почве повышения капиталистической и продовольственной ренты видно, что эта борьба должна обостряться по мере увеличения земледельческого населения, что повышение арендных цен на землю должно повести в конце концов к разорению сначала наиболее малоземельных крестьян, а потом, при дальнейшем повышении арендных цен, к разорению широких слоев крестьянства.

Арендные цены отражаются на продажных ценах на землю, потому что при продаже земля оценивается по капитализации ее средней доходности. Поэтому повышение продовольственной аренды должно было вызвать и повышение цен на землю при ее продаже. И. действительно, цены на землю быстро росли наряду с обеднением все более и более широких слоев крестьянства [1]).

Продовольственное хозяйство удерживало в своих руках большую часть аренды помещичьих земель, но от этого оно теряло все больше и больше. Рост средних цен за десятину земли в течение 40-летия, вплоть до начала широкого крестьянского движения, показывает, что «доход» землевладельцев возрастал, возрастала рента и что продовольственное хозяйство должно было все больше и больше терять.

Это видно из следующей таблицы: (см. стр. 13).

Вычисляя среднюю продажную земельную цену, выведенную из погуберских величин, средний прирост цен в черноземной полосе по пятилетиям был следующий:

Прирост цен в процентах к предыдущему 5-летию:

к 1868— 72 г.г.—28,1%
„ 73— 77 „ —21,9%
„ 78— 82 „ —14,9%
„ 83— 87 „ —**38,2**%
„ 88— 92 „ —16,8%
„ 93— 97 „ —17,3%
„ 98—902 „ —**36,1**%

Данные [2]) о покупке земель через кр. банк показывают колоссальное повышение цен на землю в текущем столетии в районе, где в 1902 году начались аграрные беспорядки. Так, в Полтавской губ.

---

[1]) При изучении крепостного хозяйства, заметивши расширение барщинного хозяйства, увеличение дворовых людей и т. д. в черноземном районе и увеличение числа оброчных крестьян в нечерноземном, я пришел к заключению, что цена крестьянских „душ“ должна относительно понизиться в черноземном районе, а цены на землю подняться. Статистические данные вполне подтвердили этот вывод.

При изучении крестьянского движения обнаружилось резкое обострение отношений между землевладельцами и крестьянами в 80-х годах, выражавшееся в потравах, самовольных покосах и т. п. Это дало основание заключить, что в 80-х годах должно было произойти резкое повышение арендных цен и цен на землю, которое должно было особенно тяжело отразиться на экономически более слабых хозяйствах крестьян из числа арендаторов и обострить отношения между землевладельцами и крестьянами. Проверка этого вывода данными о продажных ценах на землю вполне подтвердила т кое предположение.

[2]) „Сб. стат. экон. свед. по сельск. хоз.“. 1907 г.

Средние цены за десятину в рублях за 40-летие 1863—1902 г.г. (по данным сенатских об'явлений) [1]).

СРЕДНЯЯ ПО РАЙОНУ.	Ср. за 5 л. 1854/58 г.г.	Ср. за 5 л. 1863/67 г.г.	Ср. за 5 л. 1868/72 г.г.	Ср. за 5 л. 1873/77 г.г.	Ср. за 5 л. 1878/82 г.г.	Ср. за 5 л. 1883/87 г.г.	Ср. за 5 л. 1888/92 г.г.	Ср. за 5 л. 1893/97 г.г.	Ср. за 5 л. 1898/02 г.г.	Ср. за 10 л. 1863/72 г.г.	Ср. за 10 л. 1873/82 г.г.	Ср. за 10 л. 1883/92 г.г.	Ср. за 10 л. 1893/902 г.
Области нечерноземные.													
Центральные	14,82	16,49	17,44	16,74	20,05	24,41	28,62	34,00	**56,25**	17,07	18,48	26,46	44,78
Северные	6,88	4,98	9,79	8,54	7,55	11,73	16,19	18,02	22,39	6,93	17,91	13,42	20,36
Западные	15,63	14,15	10,96	9,06	12,48	17,32	21,33	28,10	**42,76**	11,66	12,41	19,47	35,74
Черноземные													
Центральные	24,41	26,44	34,83	41,38	48,83	**59,81**	**69,03**	73,62	**96,11**	31,29	45,22	64,27	87,42
Малороссийские	17,76	20,86	30,54	37,06	40,22	**65,81**	75,07	91,41	**119,80**	26,53	38,76	70,62	107,60
Юго-западные	12,75	28,58	29,03	35,91	41,85	**52,33**	61,37	57,03	**99.12**	28,90	38,90	57,34	79,85
Южно-степные	11,34	15,93	22,55	28,43	28,23	**42,99**	**63,61**	39,56	**123,97**	20,00	28,30	52,89	109,11
Восточные	5,82	6,87	6,77	6,24	11,99	15,04	14,39	16,81	**32,05**	6,82	8,72	14,73	26,29
СРЕДНИЕ ПО ПОЛОСАМ.													
Нечерноземные	10,56	10,20	13,09	11,53	12,80	17,06	22,29	25,62	37,11	11,70	12,23	19,45	31,54
Черноземные	13,99	19,27	25,81	27,84	33,58	**46,91**	57.01	66,72	**92,11**	23,19	30,87	52,00	81,67
По 45 губерниям	12,69	14,73	20,44	19,44	22,29	31,11	40,27	44,37	66,22	17,96	20,99	35,50	56,44
Воронежская	24,16	33,88	45,10	51,48	52,78	**71,54**	83,67	84 00	100,61	41,07	52,08	76,42	94,39
Рязанская	28,97	28,87	34,57	33,92	47,32	**64,61**	71,10	81,01	101,69	32,58	40,17	67,64	92,58
Саратовская	16,50	21,99	28,24	35,94	37,97	38,50	46,71	58,36	78,10	25,48	36,88	42,07	70,03
Тамбовская	23,31	25,58	36,63	56,35	56,71	**69,61**	71,67	63,80	107,06	30,40	56,56	70,66	87,81
Полтавская	20,12	21,37	28,39	41,25	45,00	**77,80**	87,81	104,51	**139,40**	25,38	43,27	83,27	125,29
Черниговская	18,47	18,27	21,97	26,15	31,60	**54,33**	52,38	71,79	88,59	21,79	29,14	53,34	81,15
Екатеринославская	13,64	14,97	21,97	28,83	30,49	**43,11**	62,05	100,61	146,10	19,90	29,87	51,14	125,84
Харьковская	14,80	22,34	30,71	45,66	43,34	**63,40**	78,30	96,22	**125,47**	30,71	44,28	70,90	**112,48**

[1]) „Матер. по стат. движ. землевл. в России".

продажные цены с 103 руб. за дес. в 1897 г. поднялись в 1902 г. до 207 р., а в 1905 г. до 236 р.; в Харьковской г. с 85 р. в 97 г. до 138 р. в 1902 г. и 161 р в 1905 г. В Курской и Орловской губ., где начались волнения в 1905 г., цены на землю с 122 руб. и 111 руб. в 97 г. поднялись до 207 р. и 158 р. в 1905 г.

Из приведенных таблиц видно, что при общем росте цен на землю особенно резкий под'ем цен замечается в черноземном районе в половине восьмидесятых годов и в последнее пятилетие. В половине же 80-х годов начинается обострение отношений между землевладельцами и крестьянами, а с 1902 года начинается уже широкое крестьянское движение.

Мы выписали отдельно те губернии, в которых в половине 80-х годов отмечаются столкновения крестьян с землевладельцами, а также Полтавскую и Харковскую г.г., где было движение в 1902 г., и здесь мы видим в пятилетие 83—87 г.г. особенно высокий под'ем цен, который должен был тяжелее всего отразиться на малоземельных арендаторах, на хозяйствах экономически слабых крестьян и повести к сокращению средств производства у более зажиточных.

Даже в районах, относительно многоземельных, с более зажиточным населением, арендная плата в последние годы так повысилась, что должна была повести к сокращению средств производства у арендаторов. Так, в Херсонской губ. арендная плата значительно повысилась. Между тем как в 1886 году средняя сдаточная плата была 5 р. 65 к., с 1898 по 1900 г. за трехлетие средняя плата была 8 р. 57 к., а за последнее 4-летие с 1901 по 1905—11 р. 04 к. «Особенно заметно повышение цен в последнее четырехлетие: в 1901 г., весьма урожайном, плата была 9 р. 55 к., а весной 1905 г., несмотря на низкий урожай в губернии, она поднялась до 12 р. 50 к.» По словам докладчика Херсонскому губ. собр. [1]), «в последние годы арендатор должен был доплачивать за снятую землю из своих сбережений за прежние годы». А так как эти сбережения заключались в средствах производства—в скоте и мертвом инвентаре, то и нужно заключить, что арендная цена уплачивалась из средств производства.

Безземельные и малоземельные находятся в худшем положении, чем середняки, крестьяне, имеющие средний надел, так как при недостатке средств для уплаты аренды они должны уплачивать высшую цену, которая достигла до 25 руб. Так же поднимались цены и

[1]) „Об экономических нуждах сельского населения". Рукопись, принадлежащая „В.-Э. Общ.".

за выпас скота. «В последние годы плата за выпас коровы была 6—7 руб., доходя местами до 10 руб. за штуку, т.-е. достигая четверти стоимости ее» [1]). Неудивительно, что в конце концов коровы пошли на уплату аренды под посев и под выпас для этих коров...

Повышение ренты может происходить не только от конкуренции продовольственных хзяйств между сбою, но и вследствие повышения капиталистической ренты.

Развитие сети железных дорог должно было повысить на окраинах хлебные цены, так как дороги облегчали доставку хлеба к рынку. Поэтому на окраинах, реже населенных, повышение цен на землю произошло вследствие повышения капиталистической ренты, вследствие повышение арендных цен капиталистами-арендаторами [2]). На окраинах в больших размерах и развивалось капиталистическое хозяйство. Но и там продовольственные хозяйства, арендовавшие земли, должны были повысить продовольственную ренту вследствие повышения капиталистической.

В центральном черноземном районе, если повышение арендных цен и произошло вследствие повышения капиталистической ренты, то за это поплатилось только продовольственное хозяйство, которое принуждено было продолжать аренду по повышенным ценам, вздутым повышением капиталистической ренты. Аренда оставалась в руках мелкого хозяйства, но эта победа должна была повести к выпадению беднейшей группы, к увеличению группы беспосевных и к разорению более зажиточных групп арендаторов. Таким образом, для мелкого хозяйства было одинаково тяжело, повышались ли арендные цены, благодаря повышению капиталистической ренты или благодаря повышению ренты продовольственной. Ибо в том и в другом случае крестьяне принуждены арендовать по повышенным ценам, хотя бы приходилось доплачивать аренду из средств производства.

Из таблицы видно, что повышение цен происходило как в районе капиталистической аренды (южные, степные, восточные губернии), так и в районе продовольственной аренды, причем в первом районе повышение происходило даже в большей степени.

Изменения хлебных цен показывают, что капиталистическая рента должна была повыситься в 80-х годах во всех районах, так как на центральном рынке, в Москве, произошло в начале 80-х годов

---

[1]) Ibid. стр 16.

[2]) Во время аграрного движения крестьяне часто и в своих приговорах и при столкновениях с землевладельцами заявляли жалобы на то, что аренда достается богатым арендаторам, и требовали сдачи земли всем крестьянам по пониженным ценам.

значительное их повышение. В Москве цены на рожь (за куль) по соответствующим пятилетиям были следующие:

в 73—78 г.г.	—	7 руб.	1	коп.
„ 78—82 „	—	9 „	60	„
„ 83—87 „	—	7 „	50	„

После пятилетия 78—82 г.г. с высокими хлебными ценами капиталистическая аренда должна была повыситься в последующее пятилетие. Это повышение угнетало больше всего продовольственное хозяйство, которое не могло полностью учесть на рынке повышения хлебных цен, так как реализовать на рынке оно могло только незначительную часть урожая. Дальнейшее повышение арендных цен приводило к тому, что все более и более широкие слои крестьянства, для удержания в своих руках необходимой для существования аренды, должны были возобновлять аренду при помощи сокращения средств производства, потому что дальнейшее сокращение личного потребления было невозможно.

Особенно убийственно должно было подействовать на крестьянское хозяйство громадное повышение арендных цен в конце девяностых годов, накануне революции. Высокие арендные цены в предыдущие десятилетия обессилили крестьянские хозяйства; сокращение средств производства (лошадей, коров и т. д.), на счет которых стала возобновляться аренда, все более и более ее затрудняло. А тут происходит еще новый небывалый под'ем цен, и уже широкие слои крестьянства оказываются в таком же положении, в каком раньше были экономически наиболее слабые хозяева.

Разорение крестьянства настолько общеизвестный факт, что на нем мы не будем останавливаться, и отметим лишь влияние этого факта на борьбу крупного и мелкого хозяйства и влияние его на продовольственную аренду.

Во всей центральной России и даже на юге и востоке констатируется обеднение крестьянства, которое, тем не менее, продолжает арендовать земли, повышая все более и более арендную плату.

Только в тех районах, где было выгодно ведение интенсивного хозяйства (свекло-сахарный, юго-западный и малороссийский районы, Прибалтийский край, Польша), или там, где относительное обилие земли не допускало повышаться продовольственной аренде (южный и юго-восточный районы), капиталистическое хозяйство и капиталистическая аренда развивались, и велось батрацкое хозяйство как у помещиков, так и у многих крестьян.

Каким же образом могла повышаться продовольственная мелкая аренда при большем и большем разорении крестьян?

Некоторое время продовольственная аренда может продолжаться при условии, если продуктов, получаемых со своей и с арендованной земли, недостаточно для продовольствия крестьянской семьи, уплаты налогов и аренды. Мы уже упомянули, что продовольствие, уплата налогов и аренды могут производиться не только из валового дохода хозяйства, но частью и из хозяйственного живого инвентаря (основного капитала,—по терминологии капиталистического хозяйства), при сокращении лошадей, коров, овец и проч.

Это явление мы и наблюдаем в течение последних десятилетий. Количество скота у крестьян уменьшилось, но этот исчезнувший из рук крестьян скот не реализовался в других средствах производства, а проедался или шел на уплату налогов и аренды [1]).

Чем выше поднимались арендные цены, тем больше чувствовался крестьянами недостаток средств продовольствия, тем быстрее шло сокращение средств производства, тем больше стала сокращаться в черноземном районе площадь кормов для скота и площадь выгонов, тем больше падала производительность крестьянского земледельческого труда.

Создалось без'исходное противоречивое положение. При падении производительности труда доля отчуждаемых продуктов увеличивалась. Пока возможно было сокращать средства производства, главным образом количество скота, и на счет этого сокращения продолжать полуголодное существование, крестьяне продолжали платить аренду; но ясно, что такое положение не могло долго продолжаться. Там, где (вследствие неурожая) сокращение инвентаря не могло уже помочь, правительству приходилось подкармливать крестьян, чтобы расходы на продовольствие взыскать впоследствии или с тех же крестьян, которые ссужались, или с тех, которые еще платежеспособны.

Между тем при увеличении числа безлошадных и одлошадных, производительность земледельческого труда падала, и платить повышенную аренду становилось труднее. «Подкармливание», продовольственное содействие правительства, хотя и поддерживало возможность дальнейшего продолжения аренды, тем не менее при разоре-

[1]) Разумеется, скот может быть продан за недоимки или сведен, а аренда уплачена из других сумм, но это безразлично, потому что в конечном счете аренда окажется оплаченной при пополнении бюджета продажей средств производства.

нии населения конкуренция с капиталистической арендой, с капиталистическим хозяйством стала все труднее и труднее.

Чем больше крестьянская нужда, тем необходимее, при малоземелии, аренда. Между тем малая производительность труда и сокращение количества скота в хозяйствах отрезывали возможность платить в будущем аренду и продовольствоваться при помощи постепенного сокращения своего инвентаря.

Продовольственная рента, вследствие конкуренции крестьян-арендаторов, может повыситься до разницы между суммой необходимых для существования населения продуктов и суммой продуктов, которые крестьяне производят на своей и на арендованной земле. Когда производительность труда падает (неурожаи), приходится уплачивать аренду уже из основного капитала (инвентаря), под угрозой потери аренды. Но при разорении, когда нечего продавать, этот путь сохранения аренды становится невозможным, и у крестьян является только два выхода во избежание голодной смерти: первый выход—понижение аренды законодательным или насильственным путем и другой выход—отобрать совсем землю от помещиков. Но так как понизить аренду при конкуренции капиталистического хозяйства чрезвычайно трудно,—капиталист дает высшую аренду,—и так как это путь, мало облегчающий положение, но вместе с тем сложный, к которому можно прийти только после продолжительной экономической и политической борьбы, то крестьянам представлялся единственный путь,—переход помещичьих земель в пользование крестьян посредством их раздела.

Крестьяне неизбежно должны были бороться за землю или тем или другим путем, так как иного выхода не было. Они и хватались за первый повод, за каждую соломинку, которая, казалось им, может помочь.

Пока крестьянство не дошло до крайности, пока сокращение скота, урожая не дошло до такой степени, что уплата аренды даже из основного капитала стала невозможной, крестьян не могла сдвинуть никакая агитация, никакие прокламации, несмотря на постепенное, очевидное разорение широких масс, несмотря на голодовки. Но к началу текущего столетия, продовольственное хозяйство дошло до конца кризиса, в результате которого могло быть одно из двух: или потеря аренды массой мелких хозяйств, вследствие невозможности платить повышенную аренду, и голодная смерть миллионов людей, или понижение платежей за землю, посредством ли понижения арендной платы каким-нибудь путем или посредством передачи

крестьянам помещичьих земель. Как увидим, местами крестьянам временно удалось понизить арендную плату, но это понижение только временное, и этот выход для крестьян является только на короткое время.

Правда, и после полного обнищания, был еще выход для продолжения продовольственной аренды, но выход на очень короткое время: крестьяне, не имея возможности уплачивать аренду, арендовали землю в кредит,—разумеется, на самых тяжелых условиях,—и накопили огромные долги. И к этому средству крестьяне прибегали.

Следствие и процесс по делу о разгроме долбенковской экономии показали, что крестьяне накопили в течение последних 12—15 лет долг экономии в 15 тыс. рублей и только потом, доведенные до отчаяния, стали громить.

Крестьяне села Долбенкина, Харланова и деревень Трубчиной и Погарища с давних пор арендуют землю в экономии. Сдается в аренду около 3.000 дес. земли и около 1.200 дес. лугов. За распашную землю под озимый посев арендная цена колеблется между 10—22 рублями, смотря по качеству земли, а под яровой посев от 4—6 руб. За луга цена колеблется от 4 до 40 руб. десятина, средняя цена 10—12 руб. Экономия в последние годы не только не уменьшила количества земли, отдаваемой в аренду крестьянам, но даже с каждым годом увеличивала.

Крестьяне брали в экономии хлеб под работу. В течение последних 12—15 лет за забранный хлеб на крестьянах образовался долг в 15 тысяч рублей. Некоторые крестьяне—из заемщиков хлеба—не платят своих долгов ни деньгами, ни работой. На заработки, преимущественно в Украйну, уходит большая часть населения—остаются дома старики и подростки.

Долбекинские крестьяне при освобождении получили по 3 десятины надела на ревизскую душу, но земли плохой, состоящей из глины и оврагов. С течением времени при увеличении семейств, земли не стало доставать, чтобы всем прокормиться, и в последние годы очень много крестьян уходят постепенно на юг на заработки. На своей же земле не получается достаточно ни хлеба, ни кормов для скота; в некоторых семействах не хватает своего хлеба иной раз до Покрова.

Урожайность вообще на их землях, на тех землях, за которые они платят громадные деньги, крайне слаба; не более 40 пуд. ржи снимают они с десятины, за аренду которой должны заплатить рублей около 20, и не больше 20 пуд. овса при 4—6 рублях арендной платы. Стоимость своего труда идет не в счет. В 1904 году целый

ряд напастей рушится на эти деревни. Гречиха в этом году почти пропала. В конопле, главном подспорье хозяйства, большой недобор. Отхожие заработки пали: война устранила спрос на рабочие руки.

Все это крайне обострило и без того худое положение дел; «отсутствие местных заработков, малоземелье, невозможность на сходных условиях арендовать землю,—все это вместе взятое делало положение крестьян положительно безвыходным».

Таким образом, обнищалое население при первом неурожае попадает в положение, при котором грозит голодная смерть. Ясно, что приходит то безвыходное положение, которое мы характеризовали, как кризис продовольственного хозяйства, при котором дальнейшее его ведение на старых началах становится невозможным: исчерпаны все средства, при помощи которых возможно было бы продолжать продовольственную аренду. Средства производства, сокращением которых можно было пользоваться для доплаты аренды и для продовольствия, сократились до минимума, кредит был исчерпан. «Измученные, доведенные до крайности,—говорил защитник крестьян в своей заключительной речи на суде,—пришли долбенкинцы 27-го февраля, в воскресенье на масляной, вечером, к воротам Долбенкинской экономии. «Дайте нам хлеба»,—было их первым и главным требованием. Хлеба теперь же, потому что нечего было уже есть. Хлеба—не даром, потому что они не нищие и не грабители, но и не за деньги, которых у них не было. Хлеба—под работу и при том по сколько нибудь сносной цене Уже на втором месте стояло желание обеспечить себе и в будущем возможность быть сытым—отсюда требования уволить некоторых служащих и уничтожить штрафы. Утомленные непрерывной 20-летней междоусобицей, крестьяне просили «перемирия», как передал их просьбу сам управляющий.

Разумеется, до такого разорения дошли не все крестьяне даже в центральном черноземном районе. Но когда значительное количество крестьян оказалось в безвыходном положении, когда оно толкнуло их на отчаянную борьбу за существование, это должно было вызвать движение и в той массе крестьянства, которое рано или поздно должно было попасть в такое же положение, которому также, благодаря повышенным арендным ценам, приходилось сокращать свои средства производства.

При начале крестьянского движения, когда оно еще не осложнилось политической борьбой, крестьяне довольно точно формулировали в своих приговорах и петициях ту основную причину, которая при-

вела их хозяйство к кризису. Крестьяне Воронежской губ. в своей петиции обращают внимание на высокую арендную плату, поднявшуюся за последнее время с 7—8 руб. до 25—35 руб. в год. На то же указывают крестьяне из Елисаветградского у., Херсонской губ., с. Чирикова, Сарат. губ. и д. Петровки той же губ. и т. д. и т. д.

На ряду с повышением арендных цен отмечается и повышение цен на лес, необходимый крестьянам для отопления. Так как и стоимость леса входит в бюджет крестьянского хозяйства и действует так же разорительно, как и аренда, то повышение цен и того и другого должно было еще тяжелее отразиться на крестьянском хозяйстве. Наконец, реальная заработная плата (выраженная в пудах ржи) к 1905 г. значительно понизилась. Следовательно, пополнение бюджета продажей своего труда для крестьян стало затруднительнее.

В первом томе «Агр. вопр.» мы приводили данные, из которых видно, что в центральном земледельческом районе реальная заработная плата понизилась до начала текущего столетия вследствие падения производительности труда в продовольственном крестьянском хозяйстве. В 1905 г. наступило новое резкое падение реальной заработной платы вследствие повышения цен на хлеб. Таким образом вся совокупность хозяйственных условий, явившихся результатом кризиса продовольственного хозяйства, еще более обострила этот кризис и лишила массу населения всякого выхода: острый конфликт неизбежно должен был наступить.

Принято думать, что крестьянское движение вызвано движением в городе. Это справедливо только в том смысле, что во многих местах город бросил первую искру, павшую на готовый, горючий материал. Но крестьянское движение 1902 года показывает, что крестьянство дошло до безвыходного положения как раз перед эпохой революции, и движение вспыхивало до нея. Японская война и движение в городе лишь дали общий толчок крестьянскому движению, которое перед революцией проявлялось лишь в отдельных местностях, но почти во всей черноземной России и на Кавказе.

Оно назрело потому, что продовольственная аренда по тем ценам, до каких она поднялась, стала невозможной, так как сократились до minimum'а средства производства, на счет которых крестьяне доплачивали аренду. В другом месте [1]) мы более подробно останавливались на том положении, что хозяйства безземельные и с недостаточными средствами производства должны раньше отступить в конкуренции с капиталистическим хозяйством. Когда хозяйство производит мало продуктов на своей и на арендованной

[1]) „Агр. вопр.", т. I, гл. о продовольственной ренте.

земле, у него остается слишком мало продукта для уплаты аренды сверх продуктов, необходимых для продовольствия, для поддержания жизни. Если уже невозможно дальше сокращать свои средства производства, наступает кризис, становится невозможно продолжать аренду на прежних условиях.

Итак, до начала текущего столетия мелкое продовольственное хозяйство «с успехом» боролось с капиталистическими, арендуя помещичьи земли и вытесняя в большинстве случаев и капиталистическую аренду, и капиталистическое помещичье хозяйство. Но это мелкому хозяйству стоило страшно дорого и было достигнуто ценой полного разорения и обнищания. Между тем иным путем победить при свободной конкуренции мелкому хозяйству было невозможно. Развитие индустрии задерживалось бесконтрольным хозяйничаньем бюрократии и недостаточным развитием внутреннего рынка, вследствие обнищания населения. Земледельческое население принуждено было держаться за землю, так как других заработков для широкой массы крестьянства не было. «Победа» мелкого продовольственного хозяйства над капиталистическим, победа, которой восторгались наши народники, привела мелкое хозяйство к кризису, из которого крестьянство и искало выхода в различных формах аграрного движения. Выход, разумеется, найдется. Тем или другим путем крестьянство расширит свое землепользование для развития производительных сил своего хозяйства. Но это развитие ведет не к тем результатам, к каким ведет пауперизация крестьянства. Если последняя вела к сохранению экономического равенства, тормозила развитие капитализма, то развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве приведет к обратным результатам, к развитию капитализма и в индустрии, и в крестьянском хозяйстве.

Для того, чтобы составить правильное представление о характере и значении крестьянского движения и даже об его причинах, нужно сравнить его с формами и харктером движения в предыдущие периоды. Только заглянувши в прошлое и осветивши другие стороны жизни крестьянства—его идеологию и влияние на него интеллигенции,—можно составить более правильное представление о крестьянском движении. Поэтому, прежде всего, мы остановимся на харктеристике крестьянского движения в XIX столетии и накануне революции, на идеологии крестьянства, ознакомимся с влиянием политических партий на крестьянство до революции и только тогда перейдем к крестьянскому движению в эпоху революции.

Крестьянское движение в XIX веке.

ГЛАВА III.

Крестьянское движение до отмены крепостного права.

1.

Развитие хозяйственной жизни страны требует соответственного изменения тех правовых норм, которые регулируют хозяйственные отношения. Между тем господствующий класс, обыкновенно, бывает не склонен к этим изменениям, пока не найдет их для себя выгодными.

Хозяйственные отношения в конце эпохи крепостного права слагались таким образом, что противоречия между правовыми и хозяйственными отношениями становились все глубже и глубже.

В первом томе «Аграрного вопроса» мы подробно останавливались на том, как рост товарного крепостного хозяйства в черноземном и промышленном районах привел к тому, что даже для помещиков, особенно крупных, отмена крепостного права была выгодной: рост цен на землю в черноземном районе, занятую крестьянами, превышал цену крестьянских «душ», пользовавшихся землей для удовлетворения своих потребностей. Уменьшение площади земель, занятых крестьянами для потребностей своего хозяйства, при существовании крепостного права возможно было только в ограниченных размерах,— приходилось переводить крестьян в число дворовых людей. Помещики, насколько было возможно, использовали этот способ расширения своей запашки, увеличивая число дворовых и таким образом захватывая их землю до барщинной запашки.

Производство хлеба для широкого рынка заставило конкурировать хозяев-землевладельцев из различных районов страны. А это повело к победе тех хозяйств, которые располагали более плодородной землей. Таким образом, развитие товарного обмена внесло существенные изменения в хозяйственные отношения крепостной эпохи.

На плодородных землях черноземa помещики, сокращая крестьянское землепользование, стремились расширить барщинную распашку и увеличить число дворовых и издельных крестьян.

На менее плодородных землях промышленного нечерноземного района собственное хозяйство помещика, при конкуренции черноземного района, стало менее выгодным, и помищик предпочитал отпускать своих крестьян на оброк.

Это в свою очередь побуждало крестьянское население искать заработка в промыслах, так как уплата денежного оброка в нечерноземном районе была легче при занятии промыслом.

Таким образом, развитие барщинного хозяйства и его гнет находились в связи с условиями производства хлеба для рынка. Чем плодороднее была земля, тем тяжелее чувствовался экономический гнет крепостного права. Количество дворовых и издельных крестьян было в прямом соответствии с хозяйственными условиями, в которые было поставлено помещичье хозяйство.

Разделивши по районам число дворовых, издельных и оброчных крестьян, мы находим:

	Двор.	Издельн.	Оброчн.
В центральн. черноземн. [1]) районе . . .	11,3 %	72 · %	16,7 %
„ вост. и южн. черноз. [2]) „ . . .	10 „	83,5 „	6,5 „
„ юго-западном [3]) „ . . .	1 „	98 „	1 „
„ западном [4]) „ . . .	5 „	81 „	14 „
„ северном [5]) „	4,8 „	60 „	35,2 „
„ промышл. черноземн. [6]) „ . . .	6 „	50 „	44 „
„ „ нечерноз. [7]) „ . . .	4 „	29 „	67 „

Из распределения дворовых, издельных и оброчных крестьян по районам мы видим, что в черноземных районах значительно больше дворовых и издельных крестьян, чем в районах нечерноземных, что в

[1]) Симбирская, Черниговская, Харьковская, Воронежская, Полтавская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Орловская, Курская.

[2]) Астраханская, Казанская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Самарская, Оренбургская (с Уфимской), Обл. войска Донского.

[3]) Киевская, Волынская и Подольская.

[4]) Минская, Могилевская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Смоленская.

[5]) Псковская, Вятская, Новгородская, Вологодская, Олонецкая. Пермская.

[6]) Нижегородская, Рязанская, Тульская, Калужская.

[7]) Петербургская, Костромская, Московская, Тверская, Владимирская, Ярославская.

тех районах, где больше развиты были промыслы, больше было и оброчных крестьян.

В XIX веке сравнительно с XVIII процент оброчных крестьян в имениях, имеющих более ста душ, повысился в следующих губерниях [1]).

1. В Московской . .	на 44 %	8. В Ярославской . .	на 13 %
2. „ Владимирской .	„ 42,5 „	9. „ Псковской . . .	„ 12 „
3. „ Рязанской . . .	„ 29 „	10. „ С.-Петербургск. .	„ 12 „
4. „ Олонецкой . .	„ 23 „	11. „ Курской . . .	„ 9 „
5. „ Тверской . . .	„ 22 „	12. „ Смоленской . .	„ 4 „
6. „ Тульской . . .	„ 19 „	13. „ Костромской . .	„ 4 „
7. „ Новгородской .	„ 16 „	14. „ Калужской . .	„ 1 „

Уменьшение количества оброчных крестьян произошло, напротив, в черноземных губерниях, а именно:

В имениях, имеющих более ста душ, число оброчных сократилось:

1. В Пензенской	губ.	на 33,5%
2. „ Орловской	„	„ 8 „
3. „ Нижегородской	„	„ 8 „
4. „ Воронежской	„	„ 5 „
5. „ Вологодской	„	„ 3 „

Хотя развитие промыслов в промышленном районе давало возможность помещикам повышать оброки с крестьян, тем не менее уже самый факт перехода крестьян с барщины на оброк облегчал их положение. Развитие промышленности значительно повышало заработки крестьян, и, как помещики ни старались учесть это повышение увеличением оброков, крестьянам было все-таки легче уходить на промыслы при переходе с барщины на оброк. И обратно, увеличение барщинного хозяйства в черноземном районе на счет оброчного ухудшало положение крепостных и часто служило причиной крестьянских бунтов.

Между тем, как при переходе на оброк крестьяне, обыкновенно, пользовались всей землей, находившейся в распоряжении помещика, расширение барщинной запашки сокращало земельный фонд, находившийся в пользовании крестьян.

---

[1]) См. И. Игнатович. „Помещ. крест. накануне освобождения" „Р. Б", 1900. 10.

Кроме того, пользуясь в большинстве случаев всеми угодьями, принадлежащими помещику, крепостные крестьяне промышленного района имели более высокие заработки, чем крестьяне черноземного непромышленного района. Сопоставляя заработную плату в 50-х годах в промышленных уездах, например, Владимирской губ. и в Казанской губ., мы видим огромную разницу.

В промышленных уездах Владимирской губ. плата за летнее время земледельческому рабочему была 21 руб. [1]), а в Казанской губ.—12,73 руб. Поденная плата косцу во Владимирской губ.—41¾ коп., в Казанской губ.—17 коп.

Но главные заработки в промышленных губерниях у крестьян были от промыслов. При этом р е а л ь н а я заработная плата была, сравнительно, довольно высокой.

Так, в Московской губ., при цене хлеба (среднее за 14 лет до 1854 года) 3 руб. 34¾ коп. за четверть, плата фабричным была.

Рисовальщики, узорщики-колористы и т. п. по		70	р.	в	год
Ткачи сукон	„	75	„	„	„
„ шелка	„	70	„	„	„
„ шерсти и бумажных тканей	„	55	„	„	„
Прядильщики	„	60	„	„	„ и т. д

Костромские чернорабочие (плотники, маляры, штукатуры, печники и т. д.) получали в столицах по 66 руб. 85 коп. за сезон и т. д., и т. д.

Сравнительно с районами, где промыслы не развились, эти заработки давали огромное преимущество. Развитие индустрии и капитализма не только дало заработок задавленному крепостным гнетом населению и помогло ему подняться, но и подняло его личность. Жизнь в столицах и блуждание по России промышленников, совместная работа иногда нескольких сотен рабочих расширили и кругозор промыслового населения. С улучшением экономического положения и с поднятием личности крестьянина, крепостной гнет стал еще невыносимее.

Итак, развитие товарного хозяйства при крепостном праве должно было в различных районах неодинаково отражаться на положении крестьян. В черноземном районе положение крестьян ухудшалось, в промышленном районе, напротив, переход на оброк и к занятиям промыслами или дома или на стороне, несомненно, привел к некоторо-

[1]) „Статист. свед. о России“, 1858—61 г.г., вып. I—IV.

му улучшению положения крестьян. Данные о заработной плате на фабриках и в промыслах в промышленных губерниях перед отменой крепостного права показывают, что заработная плата там была относительно выше, чем в настоящее время. Занятия промыслами оброчных крестьян не только облегчали их экономическое положение, но, по крайней мере, на время освобождали от непосредственного гнета помещика, хотя бесправность крепостного чувствовалась еще сильнее. Крестьянин, уйдя на заработки в город или на фабрику, уже не соприкасался непосредственно с самим «барином» или его администрацией, но, вкусивши относительно свободной жизни, должен был постоянно помнить о своей зависимости от помещика.

Чем больше отхожие крестьяне соприкасались с городской и промышленной жизнью, тем чувствительнее была для них постоянная личная зависимость от «барина»: «свободно» живущий в городе рабочий или промышленник, привыкший там чувствовать себя «человеком», завтра мог быть возвращен в деревню по первому требованию своего барина. Оброк постоянно напоминал, что он все-таки раб, хотя и живет в условиях городской жизни, наемным трудом или другим каким-нибудь промыслом. Это противоречие хозяйственных и правовых отношений более сильно должно было чувствоваться в промышленной полосе России, чем в черноземном земледельческом районе, хотя, как мы заметили, здесь, в последнем, гнет крепостного права усилился, и положение крестьян ухудшилось. Эти условия были причиной крестьянских бунтов до отмены крепостного права.

Из 478 крестьянских волнений, территориальное распределение которых известно [1]), наибольшее количество приходится на промышленные, нечерноземные губернии. А именно: в течение 26 лет было всего волнений в Тверской губ. 24, в Костромской и Смоленской по 23, в Московской 21, Новгородской 20. Далее следуют черноземные губернии: в Саратовской и Черниговской по 20, в Киевской 19, в Тамбовской 18, в Воронежской 17. Из этих фактов становится ясным, что протест народной массы вызывается не столько степенью гнета и эксплоатации, сколько сознанием массой этого гнета и его противоречием с новыми хозяйственными отношениями.

Таким образом крестьянские волнения в крепостную эпоху в двух различных районах происходили при противоположных условиях: при ухудшении положения крестьян в черноземном районе и при улучшении их положения, но при большем обострении противо-

[1]) В И Семовский. Крестьянский вопрос в России, т I. Стр. 596

речий между хозяйственными и правовыми отношениями в промышленном районе.

В Западной Европе в различных странах мы можем наблюдать те же самые причины, вызывавшие крестьянские движения.

В Англии, Италии и Богемии промышленное развитие страны и экономический под'ем улучшили положение крестьян и рабочих, но вместе с тем сделали невыносимыми правовые отношения, которые раньше забитое население терпеливо сносило. Промышленная жизнь ломала старый уклад жизни и толкала на борьбу с ним.

В Германии крестьянское движение во время реформации, как и у нас в черноземном районе, было вызвано усилением эксплоатации крестьян со стороны помещиков, вызванным развитием товарного хозяйства. Сбыт на рынок продуктов помещичьего хозяйства побуждал дворянство всеми мерами усиливать эксплоатацию крестьян, отбирать у них пастбища и леса для расширения своего хозяйства. Усиление гнета в конце концов вызвало крестьянское восстание.

Те противоположные причины, которые, действуя в разных странах Западной Европы, вызвали крестьянское движение, у нас в России, в эпоху перед отменой крепостного права, действовали одновременно только в различных районах. Но следствие получалось одно и то же. Крестьяне по самым различным поводам волновались, подхватывая иногда самые нелепые слухи, которым верили, потому что хотели освободиться от рабства.

2.

Как способы борьбы с гнетом, так и поводы, которые вызывают эту борьбу, зависят от тех условий, в которых находятся угнетаемые. Крестьяне, угнетаемые помещиками, постоянно пытались жаловаться администрации на гнет и произвол помещиков, но, разумеется, жалобы не приводили ни к каким результатам. В отчетах министра внутренних дел в 40—50 годах ежегодно указывается на массу жалоб со стороны крестьян [1]) на обременительность оброка и барщины, на жестокое обращение и на плохое продовольствие, но, разумеется, «по строгому исследованию жалобы оказываются неосновательными».

Гораздо больше правительством было обращено внимание на произвол помещиков после того, как участились случаи убийств помещиков их крепостными. «Многочисленные случаи убийств крепостными помещиков и управляющих и покушения на их жизнь обратили

[1]) Ibid, стр. 572 и след.

внимание администрации и, по словам отчета министра внутренних дел за 1842 год, вызвали необходимость приводить в известность... побудительные причины, особенно в том отношении, не происходят ли они от злоупотребления помещичьей власти и не допускается ли в сем последнем случае послабление помещикам со стороны местного начальства».

Убийств крепостными людьми их господ, по сведениям мин. вн. дел, было совершено в 1835—54 г.г. 144. В течение 9 лет (1835—1843 г.г.) было всего сослано в Сибирь крепостных за убийство помещиков 398 мужчин и 18 женщин; итого 416 чел. [1]).

Часто крепостные в раздражении бросались на своих господ, наносили им раны или просто колотили их, а иногда и секли. Так, в 1840 году крестьяне Новгородской губ. высекли батогами своего владельца помещика Головина. В 1843 года дворовые капитана Шлихтинга высекли его розгами. в 1848 г. дворовые высекли арапником князя Еникеева. В 1850 г. крестьяне высекли розгами в его комнате полтавского помещика камергера и статского советника Базилевского. «По частным и достоверным сведениям,—пишет Ю. Самарин,—в последние годы в некоторых подмосковных губерниях—Тульской, Рязанской, Тверской—крестьяне стали довольно часто подвергать своих помещиков телесным исправительным наказаниям, чего прежде не было». Наконец, единоличные действия крестьян против помещиков проявлялись в частых поджогах или из мести, или по каким-либо другим мотивам.

Все эти формы протеста беспокоили правительство и помещиков, но наибольшее значение в этом смысле имели, разумеется, крестьянские волнения. Крестьянские волнения вызваны были главным образом стремлением добиться освобождения от крепостного права. Из 275 случаев крестьянских волнений (в 1836—49, 51 и 54 г.г.), причины которых известны, «почти в половине случаев (132 волнения) беспорядки происходили от того, что крестьяне уже считали себя вольными или еще домогались свободы на каком-нибудь казавшемся им справедливым основании; в 73 случаях—вследствие жалоб на притеснения, обременение барщиной, жестокость помещиков или управляющего и т. п.; в 12 случаях—вследствие несправедливых слухов о возможности так или иначе освободиться от крепостного права или о предстоящем освобождении; в 11 (в 1848 г.)—вследствие введения инвентарей; в 10—вследствие предстоявшего или уже совершившегося переселения; в 10—вследствие «подстрека-

[1]) Максимов. Сибирь и каторга.

тельств»; в 5—по недостатку продовольствия, и в остальных единичных случаях по различным поводам.

Особенно сильные волнения возникли во время Крымской войны после указов о морском ополчении в 1854 году и о народном ополчении в начале 1855 года. Волнения начались в Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской и Пензенской губерниях, откуда крестьяне шли в Москву в ополченцы. Были посланы войска для их усмирения и возвращения обратно. Волнения в 1855 г. распространились на Киевскую, Нижегородскую, Саратовскую, Симбирскую и Воронежскую губернии. Только в одну Киевскую губернию было послано 16 эскадронов кавалерии, 2 роты сапер, 1 дивизион и резервный батальон.

Таким образом, в течение десятилетий крестьяне то там, то тут волновались по разным поводам, но с надеждой избавиться от крепостного ига.

К сожалению, сохранилось слишком мало подробных описаний крестьянских волнений, чтобы возможно было сделать более тщательный анализ условий их возникновения, но и из тех данных, которые имеются, ясно видно, как развитие нового хозяйственного строя в недрах крепостного права давило крестьян и вызвало у них протест в той или другой форме. Заимствованное Семевским у С. Славутинского («Отрывки из воспоминаний») описание волнений крестьян в имении кн. Л. М. Голицына ярко рисует характер крестьянского движения того времени.

Лет за пять до волнения имение (1.400 ревизских душ) в Данковском уезде, Рязанской губ., досталось кн. Л. М. Голицыну по наследству от его деда, гр. А. И. Остермана-Толстого. При прежнем помещике вся земля в имении, весьма плодородная, находилась в пользовании крестьян, плативших необременительный оброк. Новый владелец нашел, что имение доставляет мало дохода, и приказал перевести крестьян на барщину [1]).

Мы указывали уже, что на плодородных землях при развитии рынка гораздо выгоднее было вести барщинное хозяйство, и что этот процесс перехода имений в черноземном районе на барщину и процесс ее расширения тесно был связан с развитием внутреннего хлебного рынка. В данном случае мы имеем лишь живое описание единичного факта и тех последствий, к которым привел переход к барщинному хозяйству.

---

[1]) Семевский, Крест. вопр.

Итак, помещик решил завести барщинное хозяйство, несмотря на просьбы крестьян, предлагавших увеличить оброк. И вот, лучшая часть земли в имении, вовсе не многоземельном, поступила под помещичью запашку; отобрана была также от крестьян часть луговой и пастбищной земли, и, наконец, все сельское начальство было переменено и на его место было назначено неугодное миру. Весной 1847 г. Л. М. Голицын, перед поездкой за границу, посетил имение. Он провел здесь трое суток, и в продолжение этого времени флигель, в котором он остановился, был даже по ночам окружен крестьянами. Неотступно просили они отменить барщину (по их словам, крайне для них разорительную), неотступно просили сменить ненавистного им приказчика, который не только замучил их непосильной работой на барщине, но и беспрестанно наказывал всех и каждого, не щадя даже беременных женщин. Помещик на все эти просьбы отвечал отказом, наконец, они ему надоели и вот на мужицкие причитания. «умилосердись ты над нами, батюшка, ваше сиятельство, мы ведь ровно дети ваши, а вас завсегда почитаем, как за отца родного!..»— кн. Л. М. Голицын с гневом отвечал: «Вздумали еще, родством со мной считаться! Какие вы мне дети, что я за отец ваш!.. Я просто помещик ваш, власть имею по закону над вами, а вы—крепостные мои и обязаны повиноваться. Вы же не повинуетесь, все хотите по-своему... Да вы так надоели мне, что я даже бы готов отказаться от вас»... Быть может, при этих словах князю пришло на мысль, как хорошо было бы совсем разделаться с крестьянами на тех выгодных условиях для помещика, какие были изложены в его проекте [1]), но крестьян поразили слова князя, что он готов совсем от них отказаться, и они заявили приказчику, что если так, то и они от помещика отказываются и больше на барщину ходить не будут. Так началось волнение, на которое местная губернская администрация обратила строгое внимание из опасения, чтобы оригинальная мысль голицынских крестьян не сообщилась крепостным крупных соседних имений. Губернатор отправил в бунтующее имение три роты рязанского батальона внутренней стражи (около 700 солдат) и вслед за военным отрядом поехал туда и сам. Вооруженного сопротивления крестьяне не оказали, и дело окончилось жестокой экзекуцией. И здесь не обошлось без эпизодов, какие, несомненно, случались нередко. Перед экзекуцией одна старуха попросила чиновника особых поручений пощадить ее сына, больного, малорослого, тщедушного

[1]) Князь Голицын представил проект освобождения крестьян, очень выгодный для помещиков.

парня; чиновник доложил об этой просьбе губернатору. Тот спросил парня: «Будешь ли повиноваться беспрекословно своему помещику, кн. Л. М. Голицыну?»—«Как мир, так и я!»—чуть внятно отвечал парень.—«А! вот как!.. Его первого!.. двадцать пять розог и горячих!» Когда его подняли, и губернатор повторил свой вопрос, тот опять, даже тверже прежнего, отвечал: «Как мир, так и я»! И еще два раз его секли, и опять спрашивали то же самое, и ответ все был тот же, а в последний раз он выговорил эти слова, хотя и слабым голосом, но с видимым озлоблением. И после него нашлось довольно таких, которые или отвечали подобно этому парню или ничего не отвечали. Особенно страшно было наказание одного из «зачинщиков» волнения. Когда его положили, он широко открытым ртом схватил землю, для того ли, чтобы легче было не кричать (и действительно, он не кричал во все время наказания), или же этим он хотел выразить, что страдает за землю-кормилицу. В это время бабы бросились в пруд, но на губернатора это не произвело ни малейшего впечатления; утонувших не было. Многие после первых ударов из'являли полную покорность, немало было и таких, что прямо покорялись и тем избегали наказания. Впрочем, несколько человек, в том числе и указанный выше парень, так-таки не покорились. Начальство признало, что бунт окончательно усмирен, но вследствие того, что не все поголовно из'явили покорность помещику, на некоторое время, для наблюдения за порядком, оставлена была в имении рота солдат. Признанных зачинщиками бунта, а также непокорившихся (всего таких было более 20 человек) отправили в данковский острог, о причине же бунта назначили формальное следствие. Рота простояла в имении около полугода и, так как спокойствие не нарушалось, то она была удалена.

Дело этим, однако, не кончилось, и бунт повторился в следующем году. Поводом к нему послужила проповедь священника, в которой он упомянул о том, что многие из его прихожан «в узах, в темницах... они и теперь, может быть, страдают от тех истязаний, какие довелось им вынести». Вероятно, проповедник из этого сурового урока выводил необходимость беспрекословного повиновения властям, но действие его слов было совершенно иное. В церкви все навзрыд плакали, но затем в тот же день крестьяне сменили всех сельских начальников, а на другой день за усердную службу их помещику жесточайшим образом наказали розгами и палками и прекратили все барщинные работы. Это было весной 1848 года, когда везде свирепствовала холера. Рязанская губерния была в числе наиболее пострадавших, кроме того, урожай в этом году был самый скудный, да и

пожары сильно свирепствовали. Отправившись для нового усмирения голицынской вотчины, губернатор узнал, что все взрослые крестьяне, предвидя новую экзекуцию, разбежались из деревни и укрылись в соседних казенных селениях, куда перетащили все ценное имущество и угнали весь скот. Чиновник, об'езжая голицинские деревни, нашел их совершенно безлюдными; пусты были и крестьянские гумна, в прошлом году полные хлебом... Губернатор подверг волостных и сельских начальников казенных крестьян, за слабый надзор за подчиненными, телесному наказанию, несмотря на то, что по закону они были избавлены от него во время своей службы Хотя этот факт и вызвал неудовольствие министра государственных имуществ Киселева, но все-таки для губернатора прошел безнаказанно. После этой меры была собрана часть крестьян кн. Голицына (большинство продолжало укрываться), и над ними произведена была новая экзекуция. Кроме того, по приказанию губернатора, дома пятерых главных зачинщиков были разметаны тут же до основания, а семейства их были увезены; в имении опять поставили роту солдат. Беглецы, понуждаемые предстоящими полевыми работами, вновь собрались, хотя и знали, что дома им придется подвергнуться наказанию, которым распоряжалась местная уездная полиция.

Если читатель сравнит описанный эпизод из эпохи крепостного права с многочисленными эпизодами во время последних крестьянских волнений, то найдет при сравнении много общего не только в способе воздействия на «бунтовщиков», но и в условиях, вызвавших крестьянское движение, в действиях крестьян и их психологии.

Описанный бунт вызван был малоземельем, созданным расширением барщинной запашки, отобранием угодий, которыми пользовались крестьяне, и, кроме того, разумеется, нежеланием работать на барщине. Характерно то, что «бунт» для постороннего наблюдателя был явно безнадежный.

Тем не менее достаточно было одного случайно брошенного помещиком или священником слова, чтобы крестьянам мелькнула какая-то надежда на избавление. Как увидим, и в настоящее время поводы к крестьянскому движению бывают не более основательны, если в социальных условиях кроются непримиримые противоречия, которые должны быть рано или поздно разрешены жизнью.

Во время крепостного права, несмотря на жестокие репрессии, крестьянские волнения из года в год повторялись, и в конце-концов, даже правительству стало ясно, что, если не отменить крепостного

права сверху, то его заставит отменить крестьянское движение. Как ни легко расправлялось правительство с «бунтовщиками», но из года в год в разных губерниях движение снова проявлялось в той или иной форме, и самые жестокие репрессии ни к чему не привели. Точно также и «исправительные» наказания помещиков розгами со стороны крестьян, разумеется, правительство не оставляло безнаказанными. Тем не менее «упорство» крестьян усиливалось, несмотря на все репрессивные меры [1]). Вытолкнутый из устойчивого равновесия, старый порядок толкал крестьян на борьбу в той или иной форме, часто до очевидности не целесообразной.

Эти расправы с помещиками и бунты крестьян невольно напрашиваются на сравнение с крестьянским движением начала XX в. В это время непосредственные притеснения крестьяне терпят и от мелких представителей администрации, являющихся на защиту земледельцев. Поэтому насилия над личностью, убийства и т. д. со стороны крестьян в начале века совершаются большею частью по отношению к ним. Но как причины крестьянских бунтов, так и насилий над личностью кроются и прежде и потом в том невыносимом положении, которое создалось тогда, когда общество выросло из рамок старого уклада жизни.

Вызванное этими причинами крестьянское движение не могло успокоиться и исчезнуть, пока не исчезли причины, его вызвавшие.

Между тем во время крепостного права, как и в начале XX в., правительство прибегало к самым суровым мерам, чтобы отбить у крестьян охоту «бунтовать». Из 261 волнения, способы усмирения которых известны, 132 волнения были подавлены с помощью военной команды, причем за усмирением, само собою разумеется, следовала экзекуция. В остальных случаях беспорядки были прекращены или одним сечением крестьян, или их удалось успокоить словесным убеждением, обычно с преданием суду зачинщиков.

Выше было замечено, что крестьянские волнения происходили в большинстве случаев, когда крестьяне *считали* себя правыми, когда они были убеждены, что они отстаивают свое *право* на почве существующих отношений. Впоследствии вплоть до революции 1905—1906 годов крестьянские волнения происходили также на

[1]) Характерно, что „исправительные наказания" розгами по отношению к помещикам крестьяне стали применять главным образом в промышленном районе, где население, очевидно, считало сечение розгами наиболее тяжким наказанием. Сделавшись наиболее чувствительными к унизительности рабского положения, крестьяне мстили тем же, рискуя попасть на каторгу.

этом основании Столкновения с землевладельцами вплоть до революции происходили большею частью из-за земель, которые крестьяне считали своими. Только революция сдвинула крестьянские массы и пробудила у них инициативу к изменению существующих хозяйственных отношений, хотя, как увидим, и во время революции многие крестьяне считали,-что они действовали согласно воле высшей правительственной власти. .

ГЛАВА IV.

Крестьянское движение во время крепостной реформы.

Реформа 1861 года не порывала сразу крепостных отношений В основание нового законодательства было положено сохранение существовавшего в имениях порядка в продолжение 2-х лет, но с тем, чтобы в имениях, состоящих на барщине, мужская работа ограничивалась тремя днями с тягла, а женская была уменьшена на два дня, чтобы в имениях оброчных платимый до этого времени оброк не был возвышаем, и чтобы дворовые люди, уже находящиеся на оброке, не требовались для личной обязательной службы.

Все права крепостной власти, не относящиеся к требованию узаконенной работы, прекращаются, и как крестьяне, так и дворовые люди приобретают немедленно личные права свободных сословий.

Два года, о которых мы упомянули, по толкованию «Положения» не составляют отсрочки преобразования, но только время, назначенное для его совершения.

В продолжение этого времени должны быть учреждены губернское, уездное, волостное и сельское управление и составлены самими помещиками и утверждены кем следует так называемые «уставные грамоты» по каждому имению. В этих грамотах должны быть подробно определены все отношения между владельцами земли и крестьянами, получающими известную часть этой земли (под названием надела) в постоянное пользование.

Что касается хозяйственных отношений, то, не дожидаясь приведения уставной грамоты в действие, крестьяне начинают пользоваться, со дня обнародования манифеста, следующими «правами и льготами».

Они сохраняют усадьбу и полевые угодья, которыми они до того пользовались.

Они освобождаются от мелких поборов—птицей, баранами, маслом, яйцами, грибами, холстом, сукном и т. д. (Сборы зерновым хлебом и свекловицей, где они были, не отменяются).

Обнародование «Положений» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, вызвало в некоторых местах сильное крестьянское движение. Крестьяне, вместо ожидаемой ими свободы, увидели, что их зависимость от помещиков остается и только принимает новую форму. Хотя из «Положений» они узнали, что эта зависимость является временной, что через два года они получат новые облегчения, но это мало утешало крестьян, так как ближайшее будущее было неприглядно, да и дальнейшие отношения не сулили блестящих перспектив для крестьян. Особенно тяжело было крестьянам признать дальнейшее сохранение барщины и допустить отрезку земель, которые им были необходимы.

Начались крестьянские «беспорядки», бунты, которые разлились широкой волной в период 61—63 гг.

О характере движения в этот период можно судить по следующим фактам.

В Казанской губернии, по получении «Положений» в деревнях Спасского уезда, крестьяне, «разумев под освобождением их от крепостной зависимости совершенное прекращение обязательных отношений к помещикам, обращались сперва для прочтения и истолкования новых правил к помещикам, священникам и местным властям; но, видя, что об'яснения этих лиц не удовлетворяют их предположениям и потому не доверяя им более, стали искать других чтецов».

Естественно, что в конце-концов крестьяне нашли таких толкователей, которые об'яснили «Положение» так, как хотелось крестьянам.

Один из таких толкователей, крестьянин Спасского уезда, с. Бездны, принадлежащего действительному тайному советнику Мусину-Пушкину, Антон Петров стал толковать «Положение» так, как крестьянам и должно было понравиться. «Будучи приглашен крестьянами в дер. Болховскую для прочтения «Положений», Антон Петров, искажая смысл статей, об'яснил крестьянам, что он доискался в Положениях чистой воли, которую до него будто бы многие видели, но никто не сумел понять, и которая, как нельзя более, согласовалась с ожиданиями крестьян» [1]).

Раз'яснивши в течение двух дней жителям этой деревни «Положение», Петров прибыл вместе с ними в с. Бездну. Здесь Петров

[1]) „Отеч. Зап.“ 61 г., май.

обратился сначала к сельскому священнику с требованием дать им присягу в том, что они совершенно свободны. Когда тот отказался, Петров «начал призывать крестьян к открытому нарушению порядка, об'ясняя им, что освобождение, или чистая воля, которую он им вычитал из «Положения», означают совершенную независимость не только от помещиков, но и от местного начальства; внушал крестьянам не бояться никаких угроз и не доверять никаким распоряжениям и убеждениям властей, потому что они подкуплены помещиками».

По разным отдаленным деревням и даже другим уездам губернии разошлись сторонники Петрова для агитации. Крестьяне соседних деревень примкнули к крестьянам села Бездны.

Немедленно, по получении известия о волнении крестьян с. Бездны, туда прибыл спасский предводитель дворянства и чины земской полиции, а потом и командированный в Казанскую губ для содействия местному начальству при введении новых «Положений» о крестьянах ген.-майор граф Апраксин. Но на убеждения властей крестьяне отвечали криком «воля!» и даже (!) отказались явиться в контору селения, куда требовал их граф Апраксин «Такое упорство» со стороны крестьян, «в виду возрастания сторонников Петрова, являвшихся даже из Самарской и Симбирской губ., побудило гр. Апраксина потребовать находившиеся вблизи военные команды», местом сбора которых было назначено село Никольское. 11 апреля (1861 г.) в распоряжении Апраксина было 231 чел. войска. Усиление этого отряда можно было ожидать только через четыре—пять дней. Апраксин нашел, что ожидать столько времени опасно, «так как скопище волновавшихся крестьян возрастало с неимоверной быстротой», и храбрый граф начал военные действия, не ожидая подкрепления. 12 апреля Апраксин прибыл в Бездну уже с вооруженной командой Здесь он нашел усилившееся за несколько дней волнение; толпа стояла. числом до 5 тыс. челов., против дома Петрова и увеличивалась постоянно вновь прибывающими крестьянами.

«Оставив команду на некотором расстоянии, Апраксин послал для увещания крестьян сперва двух ад'ютантов, но увещания их и священника не имели действий». Тогда граф сам подъехал к толпе. убеждал выдать Петрова и разойтись по домам. угрожая в случае дальнейшего сопротивления употребить в дело войско, но крестьяне на это отвечали криком.

Это признано было достаточным основанием, чтобы было приказано одной шеренге войска дать залп. Потом последовали еще залпы, и, наконец, толпа рассеялась. Когда Петров увидел, что дело проигра-

но, он вышел из дома к войску, неся «Положение» о крестьянах над головой, был взят вместе с сообщниками и отправлен в тюрьму. Крестьян было убито 55 и ранено 71 человек

Мы привели описание типичного волнения крестьян при отмене крепостного права Крестьян расстреливали, потому что они «упорно» стояли и «упорно» кричали. Разумеется, раз'езжавшие по всей России флигель-ад'ютанты не могли терпеть, чтобы крестьяне, «быдло», могли позволить себе такую дерзость, тем более, что опасались более активного движения.

По обнародовании манифеста экземпляры его были разосланы по всем концам России. Вместе с манифестом разосланы были крестьянские «Положения», но, «по невозможности (!!) напечатать их в достаточном количестве», они не могли быть прочтены всем крестьянам одновременно с манифестом. Таким образом правительство местами само вызвало недоразумения с крестьянами, которые, по прочтении манифеста, могли ожидать настоящей «воли», а не новой формы «обязательных» отношений к помещикам и не отрезки земли в пользу последних.

До обнародования манифеста в губернских городах все было приготовлено к открытию губернских по крестьянским делам присутствий; но сельское управление не было устроено, а потому не были выбраны и мировые посредники. До их избрания были посланы в каждую губернию доверенные лица—генерал- и флигель-ад'ютанты, которые должны были по открытии мировых присутствий и мирских управлений вернуться назад.

Мировые посредники и мировые с'езды учреждены были «для рассмотрения на местах недоразумений и споров, могущих возникнуть при исполнении новых положений». Как мы видели, генерал- и флигель-ад'ютанты содействовали «устранению» недоразумений. В одних местах волнения были «подавлены без кровопролития (если не считать кровопролитий при сечении крестьян), в других случаях военною силою», а в некоторых случаях увещаниями предводителей дворянства, на которых возложены были мировые обязанности впредь до назначения мировых посредников

Волнения крестьян в эту эпоху носили скорее пассивный характер.

Они, например, «упорно» не хотели выбирать старшин для образования сельского управления, в другом месте они «упорно» настаивают на выборе старшин, заявляя, что прежних не будут слушать. И то и другое принималось, как бунт

Насколько пассивный характер имело крестьянское движение этого времени, можно судить по следующему инциденту. В Ставропольском у., Самарской губ., «возникло неповиновение крестьян вследствие ложного толкования «Положения», и крестьяне не хотели выбирать старшин.

Увещания исправника остались без успеха. Предводитель дворянства Тургенев в течение нескольких часов безуспешно убеждал крестьян. Тогда он сказал им: «Видно, мы крепко согрешили перед богом, что не понимаем друг друга: нам нужно помолиться богу», и, став на колени, вполголоса стал читать молитву. Крестьяне один за другим последовали его примеру. Окончив молитву, Тургенев сказал: «Ну, теперь, братцы, выбирать старшину», и начались выборы [1]).

Разумеется, такое «снисхождение» к крестьянам представляло исключительный случай [2]). Обыкновенно с ними не церемонились. «В некоторых местах увещания местного начальства остались безуспешными. Напр., крестьяне помещицы Нарышкиной, во Владимирской губ., отказались платить оброк на том основании, что ими было подано несколько жалоб на вотчинное управление. Хотя некоторые жалобы были удовлетворены, тем не менее крестьяне, несмотря на «внушение» губернатора, «остались при своем упорстве» и не только не хотели платить оброка, но и засевать находящегося в их пользовании ярового поля. «По введении в имение роты владимирского гарнизонного батальона, по об'явлении крестьянам, что они будут заставлены запахать землю строгостью военной дисциплины, и по «полицейском» (!) наказании нескольких крестьян, оказавших непослушание и грубости, крестьяне из'явили покорность»...

В той же губернии, в Гороховском уезде, в имении помещика Кокошкина, при открытии сельского общества, крестьяне обратились к уездному предводителю дворянства с требованием сменить их бурмистра.

Это было требование законное. Получив отказ, «они стали шуметь, грозя выкинуть бурмистра из правления. Предводитель «предлагал» (излагается, резумеется, по сведениям, полученным не от крестьян) взять под стражу одного из самых дерзких, но сын этого крестьянина «хотел» броситься на предводителя. В имение была введена стража: «крестьяне приведены к повиновению и из'явили раскаяние». Виновные в «дерзости» предводителю преданы следствию..

---

[1]) „Отеч. Зап." 1861 г., июнь.

[2]) Современная печать и отметила этот случай, как исключительный, в пример другим, скоропалительным администраторам.

Судогодского уезда крестьяне села Святцев помещицы Алалыкиной отказались от исполнения барщины. Увещания пристава, а потом исправника и предводителя ни к чему не привели. Неповиновение закону обнаружилось и в других селениях. «Дабы прекратить волнение в самом начале, признано необходимым ввести в имение военную команду [1]).

В Симбирской губ. были следующие случаи. Буинского уезда, в имении Аргамакова, крестьяне также «вышли из повиновения» и отказались работать, но по приводе роты солдат «порядок был восстановлен».

Сенгилеевского уезда, в селе Шигонах, помещицы Кротковой, крестьяне об'явили, что на работу никто не выйдет и что хотят выбрать сами старшин, а прежних слушать не будут. Все это произошло (пишет официальный летописец) вследствие ложного толкования манифеста, распространению которого особенно способствовал крестьянин Трухлов... Были приведены 2 роты солдат; крестьяне, по взятии под стражу Трухлова и по наказании главных зачинщиков, повиновались». Трухлов упорствовал и был наказан шпицрутенами.

Военные команды посылались для усмирения еще в Сызранский и Корсунский уезды.

«Самое упорное, и, можно сказать, неодолимое неповиновение оказывают наши крестьяне в тех случаях, когда дело касается хозяйственных распорядков или юридических понятий народа; при насильственном переселении крестьян с одной земли на другую, при замене и размежевании их земель и, наконец, спорных делах о праве на свободу по завещанию или обещанию помещиков»—резюмируют «Отеч. Зап.» положение крестьянского дела в 1861 году.

В том же году отмечаются волнения, усмиренные военными командами в Угличском, С.-Петербургском, Петергофском, в разных уездах Подольской и Орловской губ. и других местах.

Крестьянские волнения вызвали циркуляр мин. вн. дел, из которого видно, какой характер имело крестьянское движение того времени: «Из доходящих... сведений о положении крестьянского дела видно, что дальнейшему успешному ходу его и, в особенности, составлению уставных грамот во многих местах препятствуют распространившиеся между крестьянами превратные толки и укоренившиеся в них ложные надежды. Они ожидают так называемой ими **новой воли**, с об'явлением которой по истечении двух лет они получат будто бы

---

[1]) „Спб Вед", № 117

какие-то новые льготы, в положении 19 февраля не указанные и от пользования коими будто бы будут устранены крестьяне, заключившие добровольные сделки с помещиками и подписавшие уставные грамоты. Для прекращения таких ложных ожиданий государю императору благоугодно было, во время путешествия в Крым, неоднократно и в разных местах... лично раз'яснять (старшинам) сущность дела и напоминать о лежащих на них обязанностях... что никакой другой воли не будет, кроме той, которая дана»... Министр просит губернаторов предложить мировым посредникам сообщать крестьянам при всяком случае об этих отзывах.

В другом циркуляре мин. вн. дел говорится, что «крестьяне смотрят на (издельную) повинность, как на исключительную принадлежность крепостного состояния». Министр просит раз'яснять, что «как издельная повинность, или так называемая, по установившемуся обычаю, «барщина», так и оброк признаются за вознаграждение в пользу помещика».

В большинстве случаев крестьяне не видели и не понимали опасных для них сторон крепостной реформы. Выражая протест против барщины, они соглашались во многих местах принимать дарственные наделы, чтобы не платить за них. Помещики, напротив, прекрасно понимали свои выгоды, и наделение крестьян произошло, как мы видели, так, как было выгодно помещикам. В нечерноземном районе, где земля была малоценной, а оброки высоки, крестьяне получили больше земли, между тем как в черноземном районе, где оброк был ниже, многие кретьяне не получили дарственных наделов, так как земля представляла большую ценность, чем капитализированный оброк.

Помещики прибегали ко всяким приемам, чтобы ликвидировать крепостное право на самых выгодных для себя условиях. Употреблялся или «волчий зуб, или лисий хвост».

Мельгунов в своих «Письмах из дороги» рисует, напр., следующую картину... «Помещик, барин добрый и любимый своими крестьянами, выставил им 12 ведер вина и сказал: «Ну, пейте и веселитесь, а к вечеру отправимся в Коломну по делам». Мужички, подгуляв, пошли провожать его до города, выхватили его из экипажа и ну качать под песни... Казалось бы, живут душа в душу с помещиком, а, между тем у него та же с ними история, что и у меня. Все хотят выждать, да посмотреть на других». Обе стороны «обхаживают» друг друга, чтобы побольше выгадать, но в большей части случаев выиграли только помещики.

Там, где не помогала «ласка», помогали угрозы. Многие помещики, чтобы сократить крестьянские наделы там, где земли были плодородны, как только стало известно о предстоящей реформе, старались обезземелить крестьян, другие прибегали и к другим приемам. Так, в Рязанской губ., в селе Дашковой—Песочне в имении кн. Черкасской «находились близ реки Оки очень хорошие поемные луга, до такой степени хорошие, что княгиня, как только последовал указ «об улучшении быта крестьян, подарила их своей дочери, баронессе Бюллер, чтобы эти луга не перешли в надел крестьянам. Мировой посредник отказал крестьянам в прирезке им этих лугов, и начался процесс, причем три члена [1]) губернского по крестьянским делам присутствия высказались против удовлетворения просьбы крестьян, мотивируя это тем, что крестьяне своей просьбой обнаруживают, что они «встретят» (со стороны губернского присутствия) если не сочувствие, то безнаказанность» [2]). Таким образом даже жалоба на «экспроприацию» крестьян считалась дерзостью, подлежащей наказанию!

При подобном характере ликвидации крепостных отношений неудивительно, что крестьяне получали овраги и другие негодные земли; неудивительно также, что крестьянские «бунты» происходили почти во всех губерниях, где приходилось ликвидировать крепостные отношения.

Таким образом крестьянские волнения при отмене крепостного права имели совершенно другой характер, чем до отмены крепостного права и чем волнения 1902 и 1905—1907 годов. Крестьяне пытались по возможности больше взять от крепостной реформы и наталкивались на сопротивление властей и помещиков. Но эти волнения не были результатом резкого противоречия, которое образовалось к концу крепостного права между существовавшими правовыми отношениями и слагавшимся новым хозяйственным строем.

Крестьяне еще не были приведены в то тяжелое положение, к которому привело дальнейшее развитие народного хозяйства к началу текущего столетия. У них не было безвыходного положения, при котором никакие увещания не могут помочь, хотя они предчувствовали, повидимому, тяжелые последствия от создавшихся, при отмене крепостного права, условий. Все-таки отмена крепостного права давала им относительную свободу, и, подчиняясь силе, крестьянство на несколько десятилетий наружно успокоилось. Как увидим, в глуби-

[1]) Губернский предводитель дворянства и два члена присутствия.
[2]) „Отеч. Зап." 1862 г., июнь „Деревенские письма"

не народной жизни происходил перелом народного миросозерцания. народная мысль упорно работала в поисках за выходом из тяжелых условий, но активных проявлений крестьянского движения не было вплоть до половины 80-х годов.

Разница положения, в котором находились крестьяне до и после отмены крепостного права, отразилась, следовательно, на крестьянском движении таким образом. До отмены крепостного права, хотя не происходило одновременно такого широкого крестьянского движения, как после реформы 61 года, но движение из года в год возобновлялось то там, то здесь в течение десятилетий. После отмены крепостного права широкое крестьянское движение через два-три года, сравнительно с периодом 61—63 гг., стихло и успокоилось на 4 десятилетия, проявляясь только изредка в виде конфликтов из-за притеснений отдельных помещиков.

Только в течение следующих четырех десятилетий назрел кризис крестьянского продовольственного хозяйства. Этот кризис снова толкнул крестьян на упорную борьбу за улучшение своего положения.

ГЛАВА V.

Крестьянские волнения 70-х—90-х годов.

Ликвидация крепостного права явилась основанием всех дальнейших конфликтов крестьян с землевладельцами, конфликтов, которые во время революции проявились с такой силой почти во всей Европейской России.

Низкие арендные цены на земли при отмене крепостного права, казалось, давали возможность существовать безбедно и тем крестьянам, которые получили дарственный надел. И действительно, в 60-е и 70-е годы после введения реформы конфликты с помещиками стали очень редкими. Продовольственное хозяйство могло существовать при низких арендных ценах на земли.

Этим можно об'яснить согласие крестьян в черноземных губерниях на дарственные наделы. Впрочем, как мы видели, помещики эксплоатировали и неведение крестьян, и прибегали к прямому понуждению.

Как бы то ни было, крестьяне черноземного района потеряли при окончательной ликвидации крепостного права очень много земли.

По вычислениям А. Лосицкого [1]) размеры отрезков были·

	Землепольз. до 61 г	Сумма отрезков.	Проц.
в нечерноземной полосе (15 губ.) . .	14.550.000	1.437.000	9,9
„ черноземной „ (21 губ.) . .	14.619.000	3.825.000	26,2

Таким образом, в районе, где земледелие было почти единственным промыслом крестьян, земли было отрезано больше ¼ площади, находившейся в пользовании крестьян при крепостном праве В отдельных районах земли было отрезано еще больше: напр., в Поволжском 34,4 проц., в Малороссийском 31,6 проц., в Новороссии 30 проц.

В I т. «Аграрного вопроса» мы приводили данные, из которых видно, что особенно много потеряли (до 75 проц.) крестьяне в крупных имениях. При этом в некоторых губерниях (Самарская, Саратовская, Таврическая, Екатеринославская) больше ¼ части крестьян получили «даровые наделы».

Ясно, что крестьяне должны были прибегать или к аренде помещичьих земель, или к продаже своей рабочей силы.

Пока цены на земли не поднялись высоко, аренда земель крестьянами давала им возможность сносного ведения своего продовольственного хозяйства. Но по мере увеличения населения, по мере обострения нужды в земле, арендные цены стали повышаться, и все большая и большая часть крестьян стала попадать в безвыходное положение, все меньше и меньше стало оставаться для хозяйства продуктов от аренды земли.

Обострение крестьянской нужды стало отмечаться уже в 80-х годах, и к этому времени начинают снова обостряться отношения между крестьянами и землевладельцами; но до начала текущего столетия конфликты происходили лишь в отдельных случаях.

Основной причиной конфликтов является повышение продовольственной ренты до такой степени, что крестьянину приходится выплачивать ее из своего «основного капитала», сокращая количество скота, который у него имеется.

Положение крестьян в различных губерниях, в различных селах одной губернии и, наконец, в одном и том же селе неодинаково. При общем повышении арендных цен сначала отдельные малочисленные группы в отдельных деревнях приходят в такое положение; что разорение вследствие высокой аренды, платежей и т. д. не дает возможно-

[1]) „Хозяйственные отношения при падении крепостного права"

сти арендовать землю по повышенной цене, так как и скот и другой инвентарь ушел на продовольствие, уплату аренды и всех других платежей. Т.-е. повышенная аренда, поглощая основной капитал, на счет которого она местами возрастает, сначала становится недоступной для небольшого слоя крестьян, потом, по мере ее повышения, она начинает разорять более широкие слои крестьян в большем числе местностей и, наконец, ставит в безвыходное положение большинство крестьянского населения, занимающегося земледелием.

В 80-х годах продовольственная рента поднялась местами уже до такой нормы, что у крестьян постепенно сокращались средства, необходимые для ведения хозяйства. Общий кризис продовольственного хозяйства еще не наступил, но уже замечалось падение крестьянского хозяйства, а это неизбежно приводило к конфликтам, к борьбе за самосохранение тех крестьян, которые находились в худшем положении. «Народная Воля» отмечает обострение отношений в деревне и, по обыкновению, полагает на это преувеличенные надежды. Казалось, для этого имелись некоторые основания, потому что в предыдущий период в 70-х годах крестьянское движение проявлялось очень слабо. Кроме чигиринского дела, о котором мы будем говорить особо, были, разумеется, «бунты», усмиряемые войсками и розгами, но они не имели симптоматического значения. Причиной бунтов были или недоразумения на почве отмежевания помещичьих земель, или незнание крестьянами гражданских законов. Для характеристики бунтов этого времени приведем несколько случаев.

В Валуйском уезде, Воронежской губернии, происходят в 1875 г. беспорядки крестьян по следующему поводу.

В 1874 г. при производстве выкупных операций у государственных крестьян порешено было при наделе земли выделить крастьянам из их же леса в размере по 1 дес. на душу; потребованы были от крестьянских общин приговоры о том, как они желают,—получить ли отдельный участок на каждое общество, или одну отрубную дачу на всех. Крестьяне отказались составить приговор. Бывшие мировые посредники в последнее время их существования окончательно ничего не делали. Они не взяли на себя труда об'яснить крестьянам даже о законах на всякое заявление о полагаемых сроках. Крестьяне пропустили срок, и местное начальство порешило взять лес в ведение палаты государственных имуществ, при чем, прежде всего, окончить отмежевку лесных дач, принадлежащих частным владельцам, т.-е. разветвлениям рода Шадловских, в том числе валуйскому предводителю дворянства Струве и другим.

Крестьяне забунтовали. Они рассуждали так: если правительство признало право владения за лицами, которые свое владение основывали на данных от нас актах, то каким же образом отрицают наше право на этот же оставшийся нерозданным нам лес? Бунт крестьян состоял в том, что они делали порубки в лесу, несмотря на запрещение, и весною пускали на пастьбу скотину. При отмежевании леса частным владельцам, дела обделывались, разумеется, в пользу этих владельцев, особенно Струве. Крестьяне жаловались губернатору. Губернатор нашел какие-то неправильности в действиях местного мирового посредника. Решено было дело расследовать, но оно, как после оказалось, так и осталось под сукном. Бунтовали больше всего села: Рождественское, Никитовка по р Валую. Лесная стража по мере возможности стерегла лес. Раз лесная стража захватила всю череду (стадо) села Рождественского. Дали знать лесничему; лесничий явился, составили протокол, а крестьяне целой толпой (душ 200) явились отбивать скотину. Несмотря на увещания лесничего, толпа не унималась Одна баба ударила колом по голове лесного кондуктора и кинулась к лесничему. Последний отстранил ее револьвером и, когда она кинулась к нему, он выстрелил, баба пала от пули; пало еще 5 человек от руки защищавшегося лесничего, но в конце были убиты кондуктор и лесничий.

В первых числах сентября явился в Воронеж сенатор Клушин. Был послан в Валуйский уезд пехотный полк (каждый солдат был снабжен 38 патронами). Из Воронежа до станции Звекова провезли два вагона розог.

В бунтующих селах поставлены были на экзекуцию солдаты с платою от обывателей по 60 к в сутки на солдата. Старшинами и старостами поставлены были оставшиеся по сю пору унтер-офицеры из бессрочно отпускных. 5 человек сосланы куда-то, и более 50 человек высечено.

В конце сентября Клушин выехал из Воронежа. Вскоре в газетах была об'явлена ему «высочайшая благодарность за отличное исполнение возложенного на него поручения» [1]).

В Виленской губернии происходят беспорядки также на почве размежевания земель.

Крестьяне Свенцянского уезда, дер. Нефедя долгое время пользовались небольшим участком земли, право владения которым оспаривала у них соседняя помещица, генеральша Буксанина. Дело об

---

[1]) „Вперед", № 25.

этом спорном участке земли разбиралось в присутствиях по крестьянским делам, где оно впоследствии и решилось в пользу помещицы. Но когда уездный землемер с мировым посредником приехали исполнить решение суда, т.-е. отмежевать помещице сказанный участок земли, крестьяне с женами и детьми вооружились дубинами и земледельческими орудиями и не допускали к участку [1]). Скоро сопротивление получило более широкие размеры: крестьяне начали грозить землемеру и мировому посреднику; с оборонительного положения дело перешло в наступательное. На место происшествия немедленно прибыл бывший предводитель дворянства, на увещевания которого крестьяне отвечали: «Живыми не допустим себя в обиду!» Об этом дано было знать кому следует, и к бунтовщикам-крестьянам немедленно выслан был отряд воинской команды с чиновником особых поручений во-главе, который велел перевязать всех крестьян и прямо с поля отправить их в ближайший тюремный замок. В настоящее время, пишет корреспондент, в деревне Нефедя не находится ни единой души мужского пола за исключением разве несовершеннолетних мальчуганов.

В Никольском у., Вологодской губернии, происходит бунт половников из-за изменения условий аренды, о котором они не знали.

В Новосильковском у., Тульской губ., происходят беспорядки в селе Скворчеве из-за конфликта с арендатором мельницы, вследствие нарушения ими некоторых формальностей и т. д., и т. д. Вообще в эту эпоху крестьяне горьким опытом познают слагающиеся правовые отношения, значения «бумаги», формальностей. Там они пропустят какие-нибудь сроки, здесь не засвидетельствуют приговоров, в другом месте их просто обманут и в конце-концов водворять законность, и знакомить с новыми порядками являются солдаты и возы розог.

В начале 80-х годов положение крестьян настолько ухудшается, что на это начинает обращать внимание и правительство. Разумеется, для улучшения положения крестьян ничего не было сделано, но либеральные земцы начали говорить о необходимости дополнительного наделения малоземельных крестьян землею за выкуп.

Обострение отношений между крестьянами и землевладельцами вызвало у революционеров надежды, что начинается широкое крестьянское движение. «Толки о переделе помещичьих земель между крестьянами,—пишет «Нар. Воля» [2]),—становятся все настойчивее. Прежние надежды крестьянства на то, что передел этот совершится по указу царя, начинают мало-по-малу терять под собою почву, в кре-

[1]) „Вперед", № 26.
[2]) „Н. В." № 8—9 от 5 февр 1882 года

стьянстве все более и более развивается сознание необходимости насильственного захвата земель непосредственными усилиями народа. Первые шаги по этому пути уже сделаны». Эти выводы сделаны на основании очень немногочисленных случаев, значение которых в значительной степени преувеличено. В Саратовской губернии корреспондент отмечает несколько случаев нападения крестьян на экономии. Так, в Кузнецком уезде крестьяне свезли у арендатора весь хлеб с половинных посевов; в Саратовском уезде было увезено у помещика сено, удержанное за недоимки. В Аткарском уезде у помещика сожжено гумно с хлебом. Отмечаются факты избиения урядников в деревнях и т. п.

В 1883—84 году конфликты с землевладельцами обостряются до того, что уфимское дворянство даже потребовало от правительства «принятия чрезвычайных мер для защиты собственности и личности владельцев». В Уфимской губ. происходят лесные порубки, поджоги, убийства, сопротивления властям и т. п. Аграрное движение отмечается в Донской области, Екатеринославской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Черниговской и Полтавской. Здесь «практикуются поджоги помещичьего хлеба, сена и строений». В Черниговской и Тамбовской губерниях, происходили даже с т а ч к и сельско-хозяйственных рабочих «с целью оставления без уборки помещичьего хлеба или повышения заработной платы». В слободе Большинской, Донского округа, беспорядки приняли даже широкие размеры. Крестьяне увозили с полей хлеб, громили амбары, рубили лес и т. п. Для усмирения в слободу и соседние села явился с полицией окружной начальник, но полиция была избита и обратилась в бегство, а крестьяне бросились на окрестные усадьбы землевладельцев Произошла свалка, во время которой несколько человек было убито Несколько экономий было разграблено и разрушено Грабеж продолжался два дня, пока не прибыло войско. Во время столкновения с войсками несколько человек было убито.

В 1885 году особенно много крестьян арестуется за различные аграрные преступления. В Воронежской губернии у землевладельца, бывшего предводителя дворянства, произведен поджог, счетом тридцать пятый. В Чигирине, Киевской губ., военный суд рассматривает дело «о составлении преступного сообщества с целью производства потрав на помещичьих полях», причем обвинялось 14 человек. Аграрные столкновения происходят в Черниговской и Полтавской губерниях. В Коротоянске, Воронежской губ., предается суду 325 крестьян за самовольное разрытие плотины на мельнице. В Киевской губ, происхо-

дит столкновение с полицией, за которое 3-х крестьян ссылают в каторгу. В Могилевской губ. отмечаются аграрные волнения и слухи о даровых наделах. Являются самозванные землемеры, вооруженные астролябией из лучинок, и производят нарезку земли. В Кролевецком, Краснослободском, Старорусском уездах происходят убийства на почве аграрных столкновений, в Новомосковском уезде «усмиряют» крестьян казаки и солдаты. В Гайсинском у. волнение крестьян из-за спорной земли также усмиряется солдатами. В Курской губ. военная экзекуция была вызвана также волнением крестьян, которое произошло из-за спорной земли и чинимых крестьянами препятствий межеванию и т. д., и т. д. *). Такого же рода столкновения происходят и в 90-х годах, но не захватывают широких крестьянских масс.

В большинстве случаев мы видим, что крестьяне через двадцать слишком лет начинают находить спорные земли и волноваться из-за них, хотя раньше не волновались.

Пока аренда была для них не так тяжела, пока они могли вести кое-как свое хозяйство, столкновений не было. Расширение посевов на с ч е т выгонов, вызванное ростом населения и обострившимся малоземельем, побуждает крестьян выгонять скот на помещичьи поля, хотя это неизбежно вызывает столкновения, от которых в конце-концов терпят крестьяне. Очевидно, не имея возможности арендовать помещичьи поля под посев или под выгон при повышении арендных цен, крестьяне прибегают ко всяким способам, чтобы расширить свое землепользование: в одних случаях они заводят тяжбу из-за спорной земли, в других случаях просто пасут скот на помещичьих полях, пока не явятся «усмирители».

Как мы заметили, кризис продовольственного хозяйства подвигался неуклонно, но медленно и постепенно.

Повышение арендных цен, происходившее вследствие конкуренции крестьян и конкуренции капиталистического хозяйства, отбрасывало из числа арендаторов раньше других разорившихся крестьян. По мере того, как дальше повышались цены, по мере того, как крестьяне-арендаторы постепенно разорялись, увеличивались и группы хозяйств, лишенных возможности поддерживать свое хозяйство арендой земли. Восьмидесятые и девяностые годы расширяют все более и более эту группу крестьянских хозяйств и к началу текущего

*) Можно было бы привести еще несколько случаев столкновений, главным образом; из-за потрав помещичьей толоки, что указывает на сокращение крестьянских выгонов, так как потравы делаются систематически и большим количеством крестьянского скота.

столетия сокращение скота у всех групп крестьянства в большей части Евр России доходит до огромных размеров. К началу текущего столетия большинство крестьянства попадает уже в безвыходное положение, так как существовать без аренды земли оно не могло вследствие малоземелья. Развитие народного хозяйства неизбежно готовило конфликт, который разразился в 1905—1906 гг

ГЛАВА VI

Политические партии и крестьянство до революции.

Реформа 1861 года, вызванная общественным развитием в крепостную эпоху, внесла изменения в правовые и экономические отношения постольку, поскольку это было необходимо государственной власти для самосохранения и поскольку это было в интересах крупного землевладения. Не только материальный, но и политический выигрыш от этой реформы получило главным образом дворянство. Дворянство оставалось привилегированным сословием и пополняло собою ряды бюрократии. Земство также находилось всецело в руках дворянства. Только дворяне, не имевшие земли, оказались в таком же положении, как и городские сословия. Меньше всего политических прав получило крестьянство (если можно говорить о политических правах при самодержавно-бюрократическом строе). Поэтому среди отдельных представителей городских слоев, так же как и среди дворянства (главным образом не землевладельческого) появлялись отдельные личности, недовольные существующим строем и стремившиеся к более или менее радикальному его изменению.

В эпоху перед отменой, а особенно после отмены крепостного права появляются социалисты, которые начинают мечтать о введении социалистического строя в России.

Общинное землевладение в России, мало развитые капиталистические отношения давали основание думать, что русское крестьянство и рабочий класс обладает особенной склонностью к социализму, что «отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда и поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т.-е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизменная программа народных революционеров—социалистов (!). Пугачева, Разина и их

«подвижников.» Поэтому ее принимали и мы, революционеры-народники» *).

Как видит читатель, «социализм» революционеров 60—70 гг. довольно своеобразный. Революционеры приписывали народу воззрения, которые они сами разделяли, и естественно, что в народе они рассчитывали найти опору. До 70-х годов это революционно-социалистическое течение замыкалось лишь в узких кружках интеллигенции, хотя и в 60-х годах было выпущено несколько прокламаций к народу. Так, в 1862 г. была выпущена «мужицкая правда», в 63 г. воззвание «Долго давили вас братцы ..» и подложный манифест, в котором объявляется «земля и воля» крестьянам.

В революционном органе «Народное Дело», появившемся в 1867 г. задачи социалистов формулировались так: «Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа... Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками—земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы—работникам—рабочим ассоциациям.

Вся будущая политическая организация должна быть ничем иным, как свободною федерациею вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций [1]).

Эта программа «Народного Дела» не так решительно говорит о революционности народа, но она чрезвычайно абстрактна и показывает, что программу деятельности и свои задачи социалисты-революционеры вырабатывали в кабинете, будучи совершенно незнакомы с жизнью.

В настоящее время ясна, как фантастичность воззрений первой программы («Земли и Воли»), так и абстрактность программы «Народного Дела», но современники смотрели иначе. С полной верой в свое дело молодежь 70-х годов подготовлялась к пропаганде среди народа и отправлялась в «народ».

По словам одного из участников процесса 193 из кружка чайковцев, шли в народ потому, что «мы не имеем права учиться на народные деньги, сам народ мрет с голоду и потопает в невежестве.

Если бы мы и имели такое право, то воспользоваться им было бы нецелесообразно, ибо 1) народ ждет нас, 2) мы уже достаточно знаем, чтобы быть полезным ему даже теперь, 3) оставшись, окончить курс, мы обуржуазимся и в народ итти не захотим» [2]).

---

*) 1) „Земля и воля". № 1.
2) П. Л. Лавров Народники пропагандисты 1873—78 годов. стр. 16.
3) Ibid стр. 185.

Чайковцы, в отличие от «бунтарей», в своей программе не рекомендуют возбуждать частичные бунты, «чтобы не отвлекать ими народа от главной цели—всеобщего восстания во имя коренного переворота», хотя признается полезным не препятствовать частичным волнениями, возникшими естественным путем [1]).

С такими программами молодежь двинулась для пропаганды среди рабочих и крестьян.

«С 1873 г. масса молодежи пошла «в народ», кружки «самообразования» теряют свой первоначальный, т.-е. теоретический характер, и мало-по-малу переходят в сходки с ясно определенным направлением социального и демократического свойства. Направление это растет под влиянием появившегося около этого времени в первых выпусках издаваемого за границей Лавровым (Миртовым) журнала «Вперед». В начале 1874 г. кружки петербургские и московские приходят к убеждению, что пора «итти в народ», пора начинать действовать. «Сходясь в воззрениях относительно главных начал и конечных целей своих учений—уничтожения существующего порядка—деятели революционной пропаганды могут тем не менее быть разделены на три отдельные группы, отличающиеся друг от друга теми средствами и приемами, которые каждый из них признает за наиболее успешные и действительные.

Деятели первой группы утверждают, что никакой научной подготовки не нужно, что достаточно одной грамотности, самых элементарных познаний и что затем немедленно следует итти в народ, слившись с которым под видом простых рабочих, мастеровых и т. п., проповедывать в его среде революционные идеи и подготовлять его к открытому восстанию. Деятели второй группы утверждают напротив, что для серьезного агитатора в среде простого народа необходимы точные научные знания и некоторая опытность, причем, однако, отрицают ученые дипломы и всякие аттестаты, как средства крайне деморализующие и обращающие свободного человека в буржуа, т.-е. в раба известной обстановки. Наконец, представители третьей группы, быть может самой опасной, не только требуют самой серьезной научной подготовки и общего образования, причем не отвергают значения дипломов и аттестатов, но признают, что для действительного и возможно быстрого достижения предположенной цели разрушения существующего строя, отныне нельзя ограничиваться революционной пропагандой исключительно среди простого народа, а следует каждому

[1]) Шишко К характер движ. начала 70-х г.г. „Р Б.“ 1906, X.

революционеру действовать в той среде, где он находится,—независимо от того, будет ли это сфера простого рабочего, солдата, мастерового или же учителя, акушерки, врача, вообще государственной службы.

Таким образом в начале 1874 г. деятели революционной пропаганды начинают одновременно свою преступную деятельность в разных пунктах и сферах нашего общества» *).

«Хождение в народ» революционеров 70-х гг. проявилось, главным образом, в пропаганде среди крестьян и рабочих. Но попытки пропаганды в деревнях были немногочисленны и не имели никакого успеха.

Если семидесятники и говорили о «народе», то отожествляли при этом и крестьян и рабочих.

В 1875 году дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях. Выдающиеся черты деятельности пропагандистов выразились в следующем (в деревне): в Новгородской губ. сельская школа дочери генерал-майора Софии Лешерн-фон-Герфельд. В Тверской губ. кузница крестьянина Павла Григорьева, устроенная на средства пропагандистов одного из петербургских кружков; в Ярославской губ. обширная пропаганда, веденная в среде местных крестьян помещиком Иванчин-Писаревым и некоторыми другими лицами и открытая им столярная мастерская. В Полтавской губ. ферма на хуторе помещицы Колесниковой, в которой работали члены киевского и харьковского кружков. В Черниговской губ.: а) кружок Жебуневых, б) школы сельских учителей Сергея Жебунева, Михаила Каца и Трезвинского. В Ковенской губ. ферма помещицы Филипповой, устроенная членом киевского кружка Екатерины Бражковской. В Каменец-Подольской губ. сельская школа учительницы Александры Охроменко и учителя Топчаевского. Независимо от этого деятельность как отдельных личностей, так и членов, открытых в других местах кружков, обнаружена в губерниях: Херсонской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимирской и Земле Войска Донского. Всех привлеченных в качестве обвиняемых к дознанию, произведенному в этих губерниях было 770, из них 612 мужчин, женщин—158.

Из 37 губерний насчитывается несколько пунктов, в которых начиналась вестись пропаганда среди сельского населения. Большая же часть постоянной деятельности социалистов-народников сосредоточивалась в различных городах России. Заметных результатов деятельность семидесятников в деревне не оставила.

---

[1]) Записка гр. Панина, „Вперед“ 1875 г. № 5.

Наиболее энергичный и революционный деятель и пропагандист Войнаральский устраивает в различных городах кружки, агентуры и проч., но прочных связей в деревне не заводит. В своей переписке он упоминает лишь о том, что «среди плотников в Самаре устроил несколько чтений. Они просят книг для рассылки по домам, просят сходить туда, дают письма, указывают лучших людей и т. д. Далее, в Сызранском и Корсунском уезде... завел и укрепил два наших пункта..

В книгах страшный недостаток и от крестьян на них большой запрос.

Но эти связи были мимолетными, так как Войнаральский был вскоре арестован.

Судя по воспоминаниям Ек. Брешковской, энергичной пропагандистки, она и не старалась заводить прочных связей, а переходила из одной деревни в другую, и, разумеется, также не могла оставить прочного следа.

Некоторое влияние могла иметь только революционная литература, которая какими-то путями проникала даже в медвежьи углы, напр., на уральские заводы. По крайней мере, мне приходилось встречать людей на Урале из «простонародья», читавших брошюры «Чтой-то, братцы», «Колокол»[1]).

Но более или менее широкой или прочной организации среди

---

[1]) Некоторые пропагандисты забирались далеко в глушь и о деятельности многих из них, повидимому, никогда не будет известно. Например, в конце 60-х или в начале 70-х г. в Уйской станице Троицкого уезда, Оренбургской губ. в глуши поселились под фамилией Лавровых (была ли эта настоящая фамилия или нелегальная не знаю) мужчина и дама, построили там *паровую* мельницу, хотя ничего и не мололи, и занялись пропагандой. Лавров был отставной полковник или подполковник. Знавшие Лаврова рассказывают, что он разговаривал о „конституции", о религиозных вопросах, причем прямо не решался говорить о своих воззрениях на религию, заводил знакомство с казаками. Однажды, рассказывает один казак, Лавров приезжал к нам на Пасхе с женой, (кажется, замечает он, это была вовсе не жена) Входит—„Христос Воскресе!". Мы похристосовались.

„Ведь вы не верите, что Христос воскрес"?

— „Ну что же, я уважаю чужую религию, как христиан, так и магометан

— „А какая у вас религия"?

Лавров что-то спросил у жены по-французски и говорит:

— „Жена не велит говорить".

Повидимому очень образованный и интеллигентный пропагандист вел себя чрезвычайно тактично

Через год и даже раньше Лавров уехал, бросивши мельницу. Он оставил по себе хорошие воспоминания, но до сих пор мне не удалось узнать, кто это был. По словам лиц, его знавших в этом медвежьем углу, Лавров был человеком не только богатым, но и с большими связями в Петербурге.

крестьян не было, не было вызвано и никакого крестьянского движения, хотя большинство шло с бунтарской программой

Единственно выдающимся было чигиринское дело.

Пропаганда революционеров в Чигиринском уезде была наиболее успешной, но совершенно бесполезной и даже вредной. Условия для того плана, который выработался у Стефановича для организации восстания крестьян в Чигиринском уезде, были самые благоприятные и, несомненно, план был составлен под влиянием этих условий.

Крестьянские волнения начались раньше появления в Чигиринском уезде революционеров. Причина их, судя по корреспонденциям газеты «Вперед», заключалась в следующем:

Конфликт произошел между крестьянами из-за неравномерности землепользования и из-за неумелости и нежелания администрации считаться с потребностями крестьян. При ликвидации крепостных отношений очень часто простые недоразумения раздувались в бунт и вели к экзекуциям. То же произошло и в данном случае.

В 1870 г. губернской люстрационной комиссией были посланы в Чигиринский уезд особые чиновники с целью размежевания земли. Они разъезжали по всем деревням, староства собирали сходы, на которых читали крестьянам Высочайший указ о введении люстрационного акта и спрашивали их, какого надела они желают, гилового или душевого. Часть деревень требовала последнего, между тем как имевшие большие участки хотели их оставить за собой.

Крестьяне пускали в ход все средства для укрепления в своих собратьях в старостве мысли о единогласном учреждении акта и о необходимости требовать душевой надел. Сначала они думали (теперь многие из них уже начинают сомневаться в этом), что царь не знает о беззакониях, чинимых местной администрацией, и что, узнав об этом, он строго накажет панов—чиновников и разделит землю согласно требованиям крестьян.

Поэтому в 1873 г. они отправили в Питер к царю 12 ходоков (по одному из каждой волости) под предводительством одного очень умного, честного и необыкновенно энергичного крестьянина Фомы Прядко, чтобы хлопотать о душевом разделе земли. Но местные чиновники, узнав о дерзкой, по их мнению, мысли крестьян, сейчас дали знать об этом губернатору. Последний поспешил известить высшую инстанцию, которая распорядилась о немедленном арестовании ходоков. Фома ускользнул от ареста и стал обходить деревни, посылавшие ходоков, убеждая не уступать, не подписывать актов, так как, по его словам, царь скоро прикажет переделить землю.

Когда мировой посредник в апреле месяце явился в эти деревни с требованием уплаты оброка, то крестьяне, полагая, что уплатить оброк значило бы согласиться на принятие самого акта, отказались платить и настойчиво требовали душевого раздела земли.

Посредник поспешил довести до сведения киевского губернатора о случившимся бунте в старостве. Губернатор послал предписание Златопольскому полковнику двинуться со своим полком в отказавшиеся от платежа оброка и соседние с ними деревни, а сам через несколько дней прибыл в Чигирин.

Тут-то разыгралась сцена усмирения бунтующего народа, сцена, по жестокости исполнения, с успехом могущая конкурировать с средневековыми пытками. Обстановка ее была такова: молча и опустивши голову, стояла толпа народа на площади перед волостным правлением, куда подошел командуемый полк. Бабы, парни и дети стояли тоже невдалеке от волости». Полковник выехал вперед и, обращаясь к народу, закричал: «Скажите, чего желаете?» Ответа не последовало. Он несколько раз повторял вопрос. Наконец, крестьяне твердо и решительно сказали, что желают душевого раздела и, пока его не получат, не могут уплатить ни оброка, ни подписать акта. Полковник и слушать не хотел «этих безумных об'яснений», закричал по военному «не рассуждать и всем подписаться на акте!», угрожая в противном случае заколоть их на месте. Крестьяне, однако, не угомонились и об'явили, что не подпишутся, хотя бы их даже и перерезали.

Полковник, видя невозможность добиться от крестьян повиновения, не удовлетворивши их требования, приказал солдатам окружить крестьян. Это, однако же, не поколебало их решимости стоять на своем и не вызвало у них ни одного звука. «Что ж, подпишитесь на акте?», решительно спросил полковник. «Ні, ні»—послышалось со всех сторон. Полковник еще скомандовал и солдаты еще плотнее окружили крестьян, так что головы лошадей оказались у них на плечах. Солдаты замахнулись саблями, будто с целью перерубить их. Невыносимо тесно стало народу, и из толпы раздались крики: «Ляжем, братцы!»

Все лежали лицом к земле с твердым намерением лучше лишиться жизни, чем отступиться от своих требований. Водворилось гробовое молчание, перерываемое по временам лишь горьким плачем жен и детей. Наконец, некоторые крестьяне из любопытства подняли головы и посмотрели на полковника. Последний, принявши это движение за выражение желания повиноваться, опять спросил крестьян: «Что ж, примете акт?» На это последовал прежний ответ: «Ні, ні!» и при этом крестьяне, выведенные из терпения безконечными угрозами пол-

ковника, прибавили: «Не мучь нас; лучше заріж нас, як маешь нас мучити; хоть мі пропадем, то хоть нашим діткам дастанетця лучша земля». Полковник, не видя возможности добиться чего-нибудь от упорствовавших крестьян, закричал: «вставать!» Но крестьяне опять потребовали, чтобы с ними покончили разом, и не соглашались вставать.

Наконец, полковник решил переменить тактику: он сошел с лошади, подошел к одному крестьянину, поднял его и п р о с и л встать. Все встали. Но крестьяне не угомонились; вставши, решились покончить со всем тут же на месте: они все громче и громче протестовали. Полковник приступил к экзекуции. Схватили одного крестьянина, разложили на земле и начали сечь. Во время операции его от времени до времени спрашивали: «Что, будешь повиноваться?», «примешь акт?» и получали в ответ непоколебимое «ні». Высекли еще троих и получали тот же ответ.

До ста семейств, отказавшихся подписать акт, было отправлено в киевскую тюрьму [1]). Здесь в Киеве Стефинович и познакомился с чигиринцами и начал приступать к осуществлению плана восстания.

В охваченных волнением селах крестьяне делились на «актовиков», соглашавшихся подписать акт и находивших это выгодным для себя, и душевиков, которые «бунтовали» (актовики, опираясь на администрацию, преследовали душевиков и многие из них должны были скрываться). Стефанович познакомился в 1875 г. с чигиринцами, находившимися при полицейских участках в Киеве, под видом крестьянина Херсонской губ., Дмитрия Найды, отправлявшегося якобы ходоком к царю. Заручившись их доверием, по истечении некоторого времени, он представил им царскую грамоту, в которой всем крестьянам повелевалось соединиться в тайные общества («Тайные дружины») с целью восстания против панов. Эти «Тайные дружины» должны были организоваться по известному плану, изложенному в другом царском документе—«Устав Тайной дружины».

Согласно «Уставу», всякий, желающий сделаться «дружинником», должен был принести присяту в верности тайне и принималася в члены только за поручительством двух «дружинников».

Всякий дружинник должен был вносить ежемесячно по пяти копеек в кассу и иметь собственную пику на случай восстания.

Двадцать пять дружинников составляли одно старостве и выбирали своего старосту. Староста собирал денежные взносы, приводил к присяге вновь поступающих и т. д.

[1]) „Вперед", № 26.

Двадцать старост составляли атаманство. Атаман выбирался радой старост и был посредником между дружиной и комиссаром. В главе всех «тайных дружин» (которых, по всей вероятности, должно было быть много), стоял «совет комиссаров». Затея имела среди чигиринцев полный успех.

«Крестьяне стали записываться в такую дружину целыми десятками. Почти все «душевики», т.-е. стремившиеся к душевому переделу земли и враждовавшие с «акловиками», вскоре сделались дружинниками. В ноябре 1876 г. Стефановичем были пущены в дело «Грамоты» и «Устав», а уже к весне 1877 г. в рядах тайной дружины насчитывались сотни людей [1]). Этот быстрый успех явился и главной причиной неудачи. Тайна была открыта, начались аресты, кончившиеся арестом самого «комиссара» Найды, т.-е. Якова Стефановича.

Другие пропагандисты и бунтари не прибегали к таким приемам агитации, и попытка Стефановича не была одобрена даже Бакуниным. Но и результатов деятельности других пропагандистов и агитаторов почти никаких не было.

Крестьянское хозяйство еще не переливало того кризиса, который постепенно стал развиваться после отмены крепостного права. Кризис стал обостряться уже тогда, когда революционеры отвернулись от крестьянства и вступили в политическую борьбу с правительством, кончившуюся разгромом организации «Народной Воли».

Современникам, конечно, трудно было видеть те изменения, которые происходили в глубине народного хозяйства. Только теперь мы можем проследить связь между развитием крестьянского движения и состоянием крестьянского хозяйства, только теперь можно видеть, что когда революционеры отхлынули от деревни, как раз и начинают обостряться отношения между крестьянами и землевладельцами.

Только с половины 80-х годов конфликты обостряются и крестьянство начинает все чаще и чаще нарушать «право собственности» землевладельцев.

Среди социалистов, шедших в народ, намечалось два главных течения—пропагандистов (чайковцев) и бунтарей (бакунистов). Из последних наиболее энергичную пропаганду вели на Волге Ковалик и Войнаральский, который открыто читал на сходках крестьян революционные брошюры и призывал к восстанию. В это время в 1871 г. определенной программы мы не выработали,—пишет в своих воспоминаниях В.Л. Дебагорий-Мокриевич.—да и не могли выработать, так как это было не легко».

[1]) Деб. Мокриевич «Воспоминания» изд. 1906 г., стр. 128.

В то время, как задача пропагандиста являлась более или менее ясной, задача бунтаря оказывалась и трудной и неопределенной. «Пропагандист» занимался распространением революционных брошюр среди народа, иногда сам читал, иногда же только раздавал их... Для «бунтаря», не усматривавшего ничего серьезного в разговорах, как бы они ни были революционны, дело представлялось совсем иначе. Ему нужны были бунты и стачки. Но организовать стачку села, вызвать бунт,—об этом легко было рассуждать, но не осуществить на практике. Поэтому большинство «бунтарей», признававших в теории бунтовскую программу, потом, когда пошли в народ, на практике своей деятельности нисколько не отличались от «пропагандистов» и, подобно им, занимались распространением революционных брошюр в народе.

Но были и такие, которые не знали, что делать, и просто шли «в народ», чтобы ознакомиться с ним [1]).

Лозунг «итти в народ» захватил широкие слои передовой молодежи. При незнакомстве с народом, к которому шли, социалисты представляли его всегда готовым к восстанию. Хотя крестьянские движения происходили перед отменой и тотчас после отмены крепостного права, а в 70-х гг. их почти не было, тем не менее этому не придавалось значения. «Слепая вера в близость русской революции мешала нам сознавать, что народ наш далеко не так революционно настроен, как нам того хотелось... Передел земли для нас являлся исходной точкой при выработке наших последующих программ. В то время не приходило в голову возражения, делаемое теперь марксистами, что сущность дела заключается не в форме владения, а в характере производства, что одно отрицание личной поземельной собственности, наблюдаемое у наших крестьян, далеко не ведет еще к социализму, раз обработка этой земли совершается на началах индивидуалистических и орудия труда... являются предметами личной собственности» [1]). «Бунтарям» представлялась вся масса народа однородной и «почти готовой к поголовному восстанию». «Эта вера во всю народную массу настолько нас бодрила, что мы склонны были не особенно заботиться даже о создании организации. Всякий верил, что за ним стоят миллионы крестьян и эта вера неудержимо толкала вперед... Мы не сомневались, что народ «закидает своих врагов шапками»...

В 73—4 гг. многие ходили с рекогносцировочными целями, об-

---

[1]) Деб. Мокриевич. «Воспоминания» стр. 128.
[1]) Деб.-Мокр. «Воспом.», стр. 137.

любовать местечко для поселения, попробовать свои силы и, наконец, просто посмотреть на этот народ, о котором говорят так много.

Эта рекогносцировка большую часть молодежи охладила, и многие вернулись в город, чтобы уже никогда не пытаться повторять такой опыт. Но наиболее энергичные из социалистов приобрели кое-какой опыт.

Так, Стефанович, Дебагорий-Мокриевич, Дейч, убедившись, что крестьяне ждут передела от царя, убедившись, что самим крестьянам добиться передела не приходило и в голову, пришли к мысли воспользоваться этой верой в царя для организации бунта.

Из воспоминаний Деб.-Мокриевича видно, напр., что в киевском кружке только два-три человека устраивали связи с крестьянами. «Большинство из них ожидало, когда двум-трем человекам удастся завязать подходящие сношения с крестьянами, ждало, пока появятся откуда-нибудь средства, необходимые для закупки оружия. «Ах, как бы поскорее начинать уже!» восклицали те, которых терпение истощалось... «Пусть нас окажется всего двадцать человек,—явимся мы в какую-нибудь деревню, созовем сход, прочтем манифест от имени царя о переделе земли и уйдем с тем, чтобы появиться где-нибудь в другом месте». Предполагалось, что этим путем удастся взволновать крестьянскую массу. Таким образом чигиринское дело можно рассматривать как результат разочарования в том, что народ легко усвоит революционную пропаганду и взволновать его можно, опираясь на авторитет царя.

Но в 70-х гг. современникам казалось, что пропаганда имеет в деревне успех. Так, «Вперед» констатирует, что «многие корреспонденции приносили нам известия, что пропаганда в народе встречает весьма часто удобную почву и что пропагандисты из народа начинают уже появляться то там, то сям рядом с пропагандистами из привилегированых классов. Факты Дьяковского процесса подтверждают это бесспорно, тем более, что, очевидно, ни личности, которые тут действовали, ни среда, в которой они действовали, не были исключительны; между тем, эта среда оказалась восприимчива, два пропагандиста из народа успели даже скрыться от преследований». Между тем именно Дьяковский процесс показывает, как мало успеха имела пропаганда даже среди фабричных рабочих, среди которых вели ее обвиняемые по этому процессу.

Среди политических процессов 70-х гг., кроме процесса 193, можно указать еще «на дело ст. Сергеева», в котором несколько человек

судились за пропаганду среди крестьянства, на Долгушинский процесс и на известное чигиринское дело.

Насколько ничтожно было воздействие социалистов на крестьянскую массу, можно судить по тому, что чигиринскому делу, вызванному фальшивой «грамотой» и ложными слухами, придавали тогда исключительное значение. «В настоящее время, пишут в «Земле и Воле», мы имеем уже один факт первостепенной важности, знаменующий собою... переход социалистов на почву чисто народную. Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создает первую в нашей революционной истории народную организацию, безусловно революционную и народно-социалистическую (!), которая в несколько месяцев охватывает собою до 1½ тыс. крестьян. Революционеры-социалисты здесь становятся впервые действительными, признанными вождями (sic!) народных масс».

Чигиринские крестьяне не имели и понятия о социализме, организовались и предполагали, что этого хочет царь, и нужна была полная безуспешность пропаганды и агитации в деревне, чтобы видеть в чигиринском деле «первую революционную организацию».

К концу 70-х гг. «хождение» в деревню постепенно сокращается, и даже те связи, которые были установлены, порываются. «Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможной, революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню. Но... во второй половине 70-х гг. их настроение очень изменилось и «хождение в народ» потеряло в их глазах почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать, почти ребяческих надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «социальную революцию» сделать очень легко и что она очень скоро совершится—иные надеялись, что года через два-три. Но известно, что подобная легкомысленная вера представляет собою нечто до крайности хрупкое и разбивается при первом столкновении с жизнью. Народ перестал привлекать к себе потому, что «хождение в народ» перестало им казаться вернейшим и скорейшим средством повалить царствующий порядок [1]). Эта точка зрения, по-видимому, правильна, потому что привлекались к суду и были арестованы главным образом пропагандисты в городах.

[1]) Плеханов. Предислов. к книге Туна: „Ист. револ. движ. в России"

Пропагандисты в деревне оставались месяцами вплоть до последнего времени, но настроение революционной молодежи изменилось и большая часть активных элементов направила свою энергию на непосредственную политическую борьбу. Задачи пропагандистов в конце 70-х годов были следующим образом формулированы в программе Южно-Русского рабочего союза.

«1) Земля, фабрики, мастерские, предприятия переходят в исключительную собственность народа».

2) Работа будет исполняться сообща.

3) Правительственная организация будущего уделит каждому ровную долю участия в делах страны.

4) Неограниченная свобода личности, свобода слова, собраний, обществ и прессы.

5) Организация национальной милиции».

Средства, которые проповедуются социалистами-народниками для достижения этого следующие:

«Аграрный террор, который нужно вызвать, подымая крестьян, чиншевиков .. против земельных собственников, возбуждая их к завладению землей и лесами, прибегая к поджогам посевов, к убийству помещиков, как это происходит в Ирландии. Промышленный и фабричный террор, выражающийся в поджогах фабрик, мастерских, в убийстве директоров и хозяев.

Военный террор, политический террор и т. д.» [1]).

«Южно-русский союз» придерживался бунтарской программы. Другое течение с органом «Вперед» формулировало свои задачи иначе.

В конце 70-х г.г. редакция «Вперед» формулировала задачи социально-революционной партии следующим образом:

1. «Все усилия социалистов нашего времени должны быть направлены на замену нынешнего общественного строя другим, устроенным на началах р а б о ч е г о с о ц и а л и з м а, основание которого есть п р и н ц и п коллективизма: отдавай все силы общему делу, развивайся в процессе этой деятельности и бери от общества лишь необходимое для своего существования и развития.

2. Общежитие, осуществляющее этот принцип, предполагает:

а) Общность имущества.

б) Всеобщий коллективный труд для всеобщего развития.

в) Солидарность всех рабочих.

г) Свободную федерацию, как тип всякого общежития.

[1]) „Былое", вып. II 1903—4 гг.

3. Переворот, к которому стремятся социалисты нашего времени, не может быть совершен легальным путем, и потому требования рабочего социализма могут быть осуществлены лишь путем социальной революции.

4. Переворот этот может быть совершен лишь рабочим пролетариатом, и потому всякая революция, ставящая себе целью осуществление начал рабочего социализма, может быть успешна лишь в том случае, когда она будет *народной революцией*.

5. Социальная революция в России должна быть подготовлена тайной организацией революционных сил, действующих путем пропаганды и агитации, пока они не будут достаточно велики для производства обширного революционного взрыва.

6. Организация революционных сил, имеющая наиболее шансов достичь указанной цели, должна итти следующим путем.

а) Убежденные социалисты-революционеры из интеллигенции составят первый кадр этой организации.

б) Разместившись среди народа в нескольких наиболее удобных для этого областях России, они сгруппируют около себя все лучшие силы народа в этих областях в революционные группы.

в) Они соединят все социально-революционные русские группы, рассеянные в упомянутых областях и состоящие в большинстве случаев из народа, в обширную социально-революционную федерацию.

г) Пропаганда социальной революции настолько проникнет в войско, чтобы внести в него расстройство и разложение при народном восстании.

д) Когда социально-революционная организация будет достаточно сильна, то она воспользуется неизбежными волнениями и восстаниями в народе, чтобы обобщить эти бунты, до тех пор не имеющие значения, в революционный взрыв, долженствующий охватить большую часть России.

7. Местные неудачные бунты не могут считаться удобным способом подготовления общего революционного взрыва в России и, следовательно, убежденный социалист-революционер не имеет права вызывать их, пока социально-революционная организация недостаточно сильна для вероятной победы революции. Он должен противодействовать бесплодной трате народных сил в безнадежных вспышках по пустым предлогам и без всякой вероятности победы. Но когда в местности, где он действует, вспыхнул народный бунт независимо от его воли, вследствие экономической эксплоатации народа или притеснений и оскорблений его представителями правительства и лицами из

господствующих классов, то убежденный социалист-революционер, истощив усилия противодействовать неразумной вспышке, должен биться в рядах восставшего народа и разделить его судьбу.

8. Дело убежденных приверженцев рабочего социализма (большинство которых должно тогда принадлежать народу) в минуту победоносного взрыва революции будет заключаться в направлении этого взрыва к осуществлению революционным путем начал рабочего социализма.

9. Для пополнения и расширения первого кадра социально-революционной организации, а также для усиления последующей затем социально-революционной федерации групп, убежденные социалисты-революционеры должны до самого революционного взрыва всеми силами распространять среди народа социально-революционные идеи и воспитывать в нем привычки солидарности путем коллективной жизни, коллективной организации и постепенного введения всех способных на это лиц в социально-революционное дело».

Из всех имеющихся данных следует заключить (это подтверждает даже Лавров), что бунтарство имело среди интеллигенции в 70-х годах больше успеха.

Социалисты-народники старались вызвать среди народа в какой угодно форме протест, но, кроме чигиринского дела, ничего подобного не было. Прочной связи с крестьянами при такой пропаганде и не могло быть, так как если бы она была, то обнаружилась бы, особенно при бунтарских задачах пропагандистов. Деятельность пропагандистов-чайковцев также, повидимому, не оставила никаких следов в крестьянстве.

Мы не пишем истории всего революционного движения в России, поэтому не будем останавливаться на программных различиях отдельных групп социалистов 70-х г.г.

После 1-го марта 1881 г. исполнительный комитет партии «Народной Воли» выпустил прокламации к крестьянам, в которых сельские общества приглашались посылать в уездные города и прямо в столицу ходоков с заявлениями о своих нуждах и требованиях, но этот призыв был безуспешен. Хотя в различных местностях России по деревням жило много социалистов, но, повидимому, они не имели нигде особенного влияния на окружающую среду.

Постепенно изменялись взгляды на деятельность среди крестьян, хотя эта деятельность была почти незаметна. В 10 № «Народной Воли» высказываются такого рода взгляды на вред бунтарства. «Нет лучшего средства погубить партию даже во мнении самого народа, как

увлечь ее на путь какого-нибудь безнадежного или без'идейного, безрезультатного протеста, а тем более еще частного, по преимуществу необщеполезного, жестокого и несправедливого... Нам говорят даже о возбуждении аграрного и фабричного террора. Но это совсем не наше дело. Что касается таких проявлений озлобления народа, как поджоги, аграрные и фабричные убийства и т. п.—это не более как сырой материал, который может выработаться самой жизнью и в сыром виде не имеет никакого отношения ни к какой революционной программе». «Народная Воля» уже находит невозможной организацию масс. «Невозможность открытой легальной организации заставляет нас быть заговорщиками, «подпольными» деятелями. Тайное же общество, по существу дела, не может быть многочисленным, тем более не может охватывать массы»... «Поэтому мы считаем прямо вредными несбыточные мечты о широкой народной организации... Что касается самого крестьянства, то кроме непосредственных связей (через городских рабочих), мы должны по необходимости удовлетворяться выработкой в нем лишь отдельных личностей... способствующих планам партии». Как далеко дошла реакция народовольцев против пропаганды среди крестьян, можно судить по тому, что в программе подготовительной работы партии «Народной Воли» отдельный пункт посвящен агитации среди рабочих, другой пункт агитации среди войска, третий пункт посвящен интеллигенции и молодежи, о крестьянах же мимоходом говорится, что «в отношении крестьянства следует занимать места (вероятно, административные), где возможно близкое соприкосновение с массами, заслуживать их уважение своим поведением, помогать им, защищать их интересы, опираясь на чиновников и влиятельных лиц партии».

Во второй половине восьмидесятых годов, когда начинается разложение партии «Народной Воли», среди интеллигенции начинается такой разброд, что каждый новый кружок молодежи, прежде чем приступить «к практике», начинал с выработки «своей» программы. При таких условиях не может быть и речи о влиянии на крестьянство политических партий, прежде потому, что таковых не было. Среди революционной интеллигенции начинается искание новых путей. Наряду со старыми «народовольцами» и «народниками» появляются «новонародовольцы», «новонародники», «культурники» и т. д. Небольшие группы интеллигенции пытаются образовать колонии в деревне для культурного влияния на крестьян, но неспособность к физическому труду, неприспособленность к тяжелым условиям существова-

ния в деревне обыкновенно заставляли быстро удаляться из деревни людей, желавших опроститься. При этих условиях в колониях создавалась такая невозможная атмосфера среди людей неумелых, индивидуалистов, принужденных иметь общее хозяйство, что о «культурном» влиянии их на крестьян нечего и говорить.

Известная колония на Кавказе «Криница» внушала отвращение свежим людям, попавшим в эту колонию, и обыкновенно «практиканты», эксплоатировавшиеся в колонии, уходили оттуда с враждебным чувством к культуртрегерам [1]).

А это была наиболее прочная колония и, кажется, лучшая...

Наиболее культурное влияние на крестьянскую среду в эпоху 80—90 гг. имели служившие в земстве учителя, врачи, фельдшерицы и др., но это не было политическим влиянием какой-либо партии. после голодных 1891—2 г.г. интерес к крестьянству увеличился, делались попытки распространять среди крестьян прокламации и другую революционную литературу. В конце 90-х годов и в первые годы текущего столетия, с одной стороны, социалисты-революционеры, с другой стороны, социал-демократы (украинцы, литовцы, грузины), завязывают связи с деревней и начинают распространять революционную литературу.

Социалисты-революционеры в 1902 г. за границей образуют аграрную лигу, которая издает в большом количестве популярные брошюры, распространявшиеся, главным образом, в Поволжье и центральном черноземном районе. Украинские социал-демократы распространяют прокламации и брошюры в Малороссии и уже влияют в некоторой степени на крестьянское движение 1902 г. В Литве также образуется литовская социал-демократическая партия, старавшаяся завязать связи с деревней. В Грузии после крестьянского движения 1901 г. начинает все более и более упрочиваться влияние социал-демократов, которое накануне и во время революции играет уже руководящую роль в крестьянском движении.

Деятельность социалистов-революционеров к началу текущего столетия имела успех в черноземном районе, где преобладало продовольственное хозяйство и общинное землевладение было наиболее прочно. Хотя «крестьянские братства», организацию которых проповедывали социалисты-революционеры, играли ничтожную роль, но

---

[1]) При моем посещении „Криницы“ в 1902 г. колония производила впечатление небольшой секты, со своей „богородицей“, со своими старцами, против которых роптала молодежь, как против эксплуататоров, отбирающих лучший кусок себе

идейное влияние литературы социалистов-революционеров, несомненно, к началу революции все более и более расширялось.

Наконец влияние Р. С.-Д. Р. Партии накануне революции было значительным, не столько вследствие пропаганды в деревне, сколько через рабочих, которые еще не порвали связей с деревней. Рабочие из города заносили в деревню революционную литературу и те идеи, которые они усваивали в городе. Этому в значительной степени помогло правительство, которое энергично высылало «неблагонадежных» рабочих, стачечников и др. из городов в деревню на родину и таким образом укрепляло идейную связь города с деревней. Наибольшее влияние идеи социал-демократии имели на юге и западе России.

Кризис мелкого хозяйства настойчиво толкал крестьянство на искание выхода, и крестьяне хватались за те средства, которые им рекомендовались революционерами для борьбы за улучшение своего положения. Собственно политического воспитания широким народным массам революционные партии не давали и не могли дать; они лишь подталкивали на революционный путь борьбы. Политического опыта не было и не могло быть, и крестьянское недовольство могло проявляться только путем анархической борьбы или стихийного порыва, каким было движение 1902—1905 г.г. Только накануне и после 17 октября 1905 г. крестьянство переходит к планомерной экономической и политической борьбе и принимает руководство революционных политических партий.

Реакционные партии обратили внимание на крестьянство только перед революцией. Хотя реакционеры накануне и в начале революции еще не организовались в партии и были застигнуты ею врасплох, но пропаганда против освободительного течения отдельными добровольцами велась довольно энергично. Когда среди населения под влиянием войны стало замечаться недовольство, реакционеры пустили «патриотическую» клевету на людей, оппозиционно-настроенных, о подкупе их японцами. Ложь «об японских миллионах» распространялась с благословения духовных властей и местами вызвала на этой почве столкновения. В начале 1905 г. в Сарат. губ., в Елани, была разгромлена школа. Клевету распространяли вообще про интеллигенцию, живущую в деревне. Агитация поддерживалась деревенской буржуазией, лавочниками, кулаками и проч. и после 17 октября привела к некоторых местах к погромам. В эпоху революции агитация реак-

ционеров сыграла свою роль, толкнувши крестьянскую массу сначала против революционеров. Впоследствии, с ростом политического сознания среди широких масс, их борьба направилась в другую сторону и многие, громившие интеллигенцию и евреев, с такой же энергией стали бороться против реакционеров.

ГЛАВА VII.

Перелом крестьянского мировоззрения накануне революции.

1.

В развитии общества мы можем наблюдать два процесса, совершающихся одновременно и влияющих на всю совокупность общественных отношений каждого данного момента. Мы можем наблюдать или постепенное, или быстрое и резкое изменение тех правовых норм, в которых укладываются общественные отношения. Эти изменения всегда легче наблюдать, они сразу бросаются в глаза и на них обыкновенно останавливается внимание историков.

Одновременно с такого рода изменениями и причиной этих изменений является другой процесс, процесс хозяйственного равития общества, который никогда еще не делал быстрых скачков, который постепенно ломал старый уклад жизни и создавал новый.

Даже в такие моменты, когда юридические нормы терпели коренную ломку, хозяйственные отношения продолжали развиваться с неуклонной постепенностью, подготовляя новую ломку общественных отношений. Так, отмена крепостного права была коренною ломкой старых крепостнических отношений, между тем как в хозяйственной жизни старый уклад разлагался уже к концу крепостного права, но окончательно не разрушил крепостнических отношений и до настоящего времени.

Формы хозяйства и крупного, и мелкого изменялись с такой постепенностью, что мы не можем определить в истории момента, когда произошло более или менее резкое их изменение: постепенно натуральное хозяйство сменилось денежным; постепенно мелкое хозяйство сменилось крупным, иногда на более или менее продолжительный период оттесняя последнее; постепенно исчезла изолированность мелкого крестьянского хозяйства и крестьянину приходилось сталкиваться на почве товарного обмена и продажи своего труда с новыми об-

щественными отношениями, с новыми слоями буржуазного общества, прибегая к новым приемам борьбы за свое существование.

Таким образом постепенная смена хозяйственных отношений вносила ломку и в миросозерцание народной массы, которое определяется всей окружающей обстановкой.

Эволюция хозяйственных отношений неизбежно пересоздает и миросозерцание различных общественных слоев, толкая их на борьбу за изменения правовых отношений, когда эти отношения становятся в противоречие с вновь нарождающимися потребностями.

Это противоречие сначала чувствуется только отдельными личностями, но по мере того, как развитие общественной жизни расширяет пропасть между правовыми нормами и развивающимися общественными отношениями, противоречия общественной жизни начинают чувствоваться все более и более широкими слоями населения.

Как увидим далее, отдельные личности из среды крестьян давно, еще задолго до отмены крепостного права критически относились к сложившемуся среди народной массы миросозерцанию, создавали новую идеологию, стремились создать новые общественные отношения, но эти «новые» люди находили мало последователей. Широкие слои народа усваивали новое миросозерцание только тогда, когда общественные противоречия обострялись до последней степени, когда атмосфера общественной жизни сатновилась невыносимой для выросшей личности.

Точно так же и в буржуазных слоях общества после отмены крепостного права в течение десятилетий только незначительный слой из интеллигенции, по умственному развитию стовший выше других слоев, но по общественному положению находившийся в таком же угнетенном положении, только этот слой, представлявший численно ничтожную величину, стал критически относиться к сложившимся общественным отношениям, стал искать опоры в других классах общества и бороться за изменение общественных отношений.

Таким образом, идейная ломка, творчество нового миросозерцания после отмены крепостного права происходили с двух сторон: из среды народа—из деревни и из среды интеллигенции—из города. Но, как увидим, эти два течения не встречались между собой вплоть до начала текущего столетия накануне революции, несмотря на все неимоверные усилия революционной интеллигенции подойти к «народу». Создавалось трагическое положение, из которого вывела революционеров только революция: несмотря на то, что новые идейные течения в крестьянстве, так же, как и в интеллигенции, были вызваны

одними и теми же причинами—противоречием между развивавшимися хозяйственными отношениями и государственным укладом,—и то и другое течение шло своим путем, и революционеры не имели никакого влияния на развитие миросозерцания передовых слоев крестьянства.

Прекрасную характеристику одного из представителей революционного сектантства дает Вл. Короленко в рассказе «Яшка». За отрицание властей и за обличение их сектант посажен в тюрьму и всю свою огромную энергию употребляет на то, чтобы и там обличать начальство и выражать свой протест хотя бы стуком. Сектант неутомимо «стучит во славу Божию», неутомимо изобличает всяческое «начальство», несмотря на всевозможные мучения. Он такой же протестант, как и те «политические», которые сидят в той же тюрьме, но они так же далеки друг от друга, как и от обличаемого начальства.

Между тем источник протеста и сектанта и революционера был один и тот же—сама жизнь. Но для сектанта «священное писание служит только высшим критерием, законодательным актом, к которому можно приурочивать обыкновенные жизненые случаи, которым можно клеймить существующие несправедливости и утвердить основные положения (штунды). Проанализировавши какое нибудь явление из своей жизни, с нехитрой житейской точки зрения, штундист обыкновенно обращается к более компетентному «брату» с просьбой: «а ну, брат, пошукай, що там написано в писаниях». И затем подыскивается в священном писании подходящее место, бросающее тот или другой свет на замеченное явление. Если такого места не окажется, штундисты, не стесняясь, делают самые рискованные соглашения между замеченым фактом и каким нибудь местом священного писания или же просто об'ясняют отсутствие необходимого места искажением «писаний», происшедшим от времени, переписки перепечаток. Таким образом, в развитии и формировании штундистских возрений в одинаковой мере принимают участие, как священное писание, так и факты и явления самой жизни. Последние дают по преимуществу сырой материал для отрицательных выводов штунды, первое санкционирует эти выводы». Для рядового интеллиента также в большинстве случаев необходима санкция какого нибудь ученого авторитета, не имеющего в глазах сектанта никакого значения, тем не менее миросозерцание у интеллигента и сектанта было настолько различно, что они долго не могли подойти друг к другу и шли различными путями...

Прилагая западноевропейскую мерку к идейным течениям среди крестьян, мы можем сказать, что крестьянство идейно жило в

XV—XVI столетии, между тем как городская интеллигенция жила в XIX столетии. Крестьянство начинало с пересмотра религиозного миросозерцания и на почве религии стремилось создать новый идеальный общественный строй,—интеллигенция не интересовалась небесными делами и, как будто, не имела ничего общего с сектантами, хотя исходила из того же пункта, из критики сложившихся общественных отношений. Только накануне революции город и деревня встретились и дружными усилиями начали борьбу со старым порядком..

2.

Уже в XVIII столетии и даже раньше появляются сектанты, которые, исходя из критики господствовавших религиозных возрений, приходят к отрицанию существующих духовных и светских властей.

Основатель духоборства Колесников не признает московских властей, считает царя и архиереев обыкновенными людьми, духовенство не нужным и признает равноправность людей перед гражданским законом.

Отдельные личности из среды народа то там, то здесь проникаются опасной для правительства ересью, хотя она и не захватывает широких народных масс. Наибольшим успехом пользовалось учение духоборов и молокан в Новороссии, где скоплялось наиболее свободолюбивое население.

Сущность учения духоборов, как выяснилось из допроса арестованных и сосланных в Сибирь в 1792 году 36 духоборов, сводилась к следующему: «крещение от попов за важное и святое не признают и через поповское крещение крещеный христианином быть не может. Кто же придет в возраст и уразумеет, тот сам окрестится словом Господним... В супружеской жизни основываются на слове закона вольном с двух сторон и любви, не принимая никаких обрядов рукотворенной церкви. Умирающие погребаются, где кому случится без всяких обрядов... По обряду рукотворенной церкви не исповедуются... постов рукотворенной церкви не признают, а постятся перед господом, когда кому желательно духом чистым и усердным; праздников не признают, а признают праздники так: кто делает доброе перед богом, тот имеет и праздник; во время отправления, по их мыслям, богослужения, нет никакого у них начальствующего, а все равны и все одним занимаются. Крестного знамения не изображают, иконам и мощам, которые в рукотворенных церквах, не кланяются, потому что они не

могут дать помощи. Какое есть в рукотворенной церкви духовенство, они считают не нужным для себя. Прочих же человек по образу равными и одинаковыми считают и, кто имеет в обществе службу и отличие, по отличию признают.

Уже в половине XVIII стол. правительство вело ожесточенную борьбу с духоборами, хотя это учение исповедывали тогда очень немногие. Так, екатеринославская верхняя расправа приговорила духоборов казнить смертию, сжечь. «Но до точного о том рассмотрения... наказав их кнутом, вырезав ноздри и поставя указанные знаки, сослать всех их на каторжную работу». К началу XIX столетия секта приняла более широкие размеры, и правительство еще в 1799 году многих сослало на рудничные работы.

В начале же XIX столетия правительство ссылает на окраины из центральных губерний молокан и субботников, учение которых оно признавало также опасным.

Самой характерной чертой зарождавшихся еще при крепостном праве сект является, несомненно, рост личности сектантов. Отрицание авторитета духовной иерархии и признание за собой права по своему толковать евангелие указывает на то, что сектанты старались разрушить самую крепкую цепь, которая связывает массы, разрушить те устои, на которые опиралась и духовная и светская власть вплоть до настоящего времени. Насколько высоко духоборы ставят человеческую личность, можно судить по тому, что они бога, как личное существо, не признают: он «неразделен с человеком». «Бог есть человек». «Мы есьмы бог». Воскресения тела, по мнению духоборов, не будет, и самая кончина мира ограничится только истреблением грешников, а мир останется. Души по разлучении с телом.. переселятся в тело других людей [1]).

Веротерпимость духоборов заходит так далеко, что, по их мнению, в состав церкви входят и турки, и иудеи, если они руководствуются внутренним светом и стараются засемениться добром.

Молоканство—более умеренная секта, но даже его критика вносит глубокий переворот в существующие воззрения. Военную службу они находят желательным избегать. Платить податей они считают себя необязаными, хотя, уступая необходимости, платят. Правительственная власть, как источник закона, подвергается ими сомнению.

Гораздо дальше пошли в критике существующих воззрений и отношений штундисты, появившиеся после отмены крепостного права.

---

[1]) Юзов. Русские диссиденты, стр. 131.

Штундизм, говорит Юзов, можно считать последним проявлением народной рационалистической мысли. Основание ему положено только в 60-х годах XIX столетия. «Секта еще не установилась и быстро совершенствуется (говорится о 80-х годах XIX столетия), работая над своим миросозерцанием» [1]).

Из изложенного ниже учения штундистов видно, как далеко заходит их критическая мысль. Тем не менее, вплоть до последнего времени у них ничего общего с русской интеллигенцией, исключая толстовства, не было.

Самый процесс мышления у сектантов был иной,—чем у интеллигенции. Хотя и революционеры и сектанты приходили часто к одним и тем же выводам, но они вплоть до последнего времени были чужды и непонятны друг другу.

Демократизм учения духоборчества и молоканства не допускал возможности примкнуть к этим сектам представителей высших сословий, между тем, как более мистическое и менее демократическое учение хлыстов временами увлекало и представителей «высшего общества».

Тем не менее чисто демократическое учение духоборов, молокан и баптистов захватывало более зажиточные слои населения. Это об'ясняется тем, что рост личности, сознание своего человеческого достоинства и сознание одинакового с другими права на независимость раньше всего появляется у лиц, не забитых нуждою, не принужденных думать т о л ь к о о завтрашнем дне [2]).

Поскольку мне самому приходилось наблюдать, некоторая материальная независимость была в до-революционный период наиболее благоприятным условиям среди крестьян для усвоения новых идей как религиозных, так и политических. Среди сектантов относительная зажиточность, отчасти благодаря более воздержной жизни, была настолько обычной, что среди православных часто можно было услышать мнение, будто сектантам помогает «сам нечистый».

Разумеется относительная зажиточность не была необходимым условием для усвоения новых идей. Так, главными проводниками идей, усвоенных от менонитов, являлись те крестьяне, которые у них работали в качестве сельско-хозяйственных рабочих.

---

[1]) Ibid. Стр. 173.

[2]) То же можно сказать и о хлыстах. „Их гумна полны скирдами хлеба, в „леваде“ стоят стоги сена, в загонах худоба, под навесом сытые кони“. В. Бородаевская. Очерки из истории сектантских учений „Н. Сл.“ 1897 г. I.

Во всяком случае быстрое распространение рационалистических сект было результатом роста личности крестьянина, результатом усложнившейся жизни и несоответствия правовых норм общественной жизни с сложившимися общественными отношениями. Это несоответствие вначале, после отмены крепостного права, не так сильно чувствовалось. Поэтому сектантство в 80-х годах и в начале семидесятых не имело успеха.

Правда, количество сектантов и сект возросло сравнительно с эпохой крепостного права, но сектанты не увлекали за собой широких народных масс. «Бросив беглый взгляд на картину зачаточного религиозного движения в Екатеринославской губернии, мы видим, что еще не так давно приходилось считаться с единицами, десятками; теперь же сектантство захватывает хутора, деревни, села, почти сплошь целые уезды, увлекая старого и малого: растет штунда, растет хлыстовщина, прыгунство, молоканство, растет пробужденная мысль народная» [1]).

3.

Новая хозяйственная жизнь, которая вместе с железными дорогами, пароходами проникла во все углы обширной страны шевелила народную мысль, а тяготы этой жизни заставляли искать выхода из тяжелого экономического положения, которое все больше и больше чувствовалось в деревне.

Первоначально, в 60—70 годах, имели, повидимому, больший успех мистические секты, которые в ожидании небесного царства слишком мало интересовались существующими социальными отношениями. Но в половине 70 годов быстро развиваются более рационалистические секты прыгунов и штундистов, которые появляются почти одновременно в различных губерниях Европейской России.

Так, с 1876 года штундисты появляются в Киевской губернии в селах Вотвлеевке, Винограде и Боярке Звенигородского уезда; в 1878 г. в селах Шубиных Ставах, Моринцах, Каменном Броде, Репках и Яблоновке того же уезда; в 1879 г. в нескольких селах Таращанского и Звенигородского уездов. В эти же годы штунда появляется в Сквирском, Васильковском и Чигиринском уездах [2]).

---

[1]) В. Бородаевская-Ясевич. „Очерк из истории сектантских учений". „Н Слово" 1897 г. I.

[2]) А. Рождественский. „Южно-русский штундизм". Спб. 1887 г. „Вед. Киевск. Дух. Конс." 1887 г.

В 1877 г. штундизм появляется в Волынской губ.

В 1880 г. в Орловской и Полтавской губ.

В 1882 году распространяется в Екатеринославской губ., а в 1883 г. в Обл. Войска Донского. По сообщению «Черниговских Епарх. Вед.» уже в 1883 году штундизм насчитывал до 200 тыс. последователей.

В период до 80 годов секта распространилась в 6 уездах Херсонской губ., в 7 уездах Киевской губ., в 5—Волынской, в 3—Могилевской, и кроме того, в губерниях Подольской, Екатеринославской, Минской, Черниговской, Таврической, Бессарабской, Полтавской, Орловской и Обл. Войска Донского.

Такое быстрое распространение штундизма имеет большое значение, так как эта секта ближе всех других подходила к жизни и вносила коренную ломку в мировоззрение народа, приближаясь даже к социализму.

Штундизм явился дальнейшим развитием идей более ранних рационалистических сект молоканства, духоборчества и секты немоляков.

Все эти секты проникнуты более или менее демократическими идеями, а штундизм, в своем левом крыле, прибавил новые воззрения и на социально-экономические отношения.

Сущность учения штундистов сводится к следующему.

Они не находят ничего высшего и божественного в происхождении церкви, в установлении ее таинств, в учреждении иерархии и считают все это делом человеческим. «Церковь называют блудницей, сидящею на водах многих, дочерью Вавилона. Членов священной иерархии называют всевозможными оскорбительными именами». По их мнению, православный священник—«это жрец и самый ненавистный обманщик, который принадлежит к числу тех самых архиереев и священников, которые распяли Христа». Это «дармоеды, лентяи, народные обольстители, лже-пророки, ведущие свой род от Ирода» и т. д. Поэтому «следует давно отвергнуть их от себя», «расторгнуть узы их и сбросить с себя оковы их» (Псал. 2, ст. 31), т.-е. уничтожить все их постановления и законы». Паства православная, по их мнению, «бедные», «несчастные», «погибшие», «язычники» и т. д.

«Отвергая церковь земную, они отрицательно относятся и к достоинствам представителей церкви небесной: они хулят пресв. богородицу, не почитают ангелов, угодников божиих, отвергают мощи святых и не признают молитвы церкви за живых и усопших. По их мне

нию, святые выдумали веру, а попы ее поддерживают». «Святые — обыкновенные люди, ничем не отличающиеся от простых смертных».

Таинств никаких штундисты не признают, отвергая в них «самую существенную сторону, таинственное, благодатное воздействие св. духа на верующих». «Мало ли, говорят они, на свете таких, которые крестились в воде и каждый год приобщались по нескольку раз, но это нисколько не освобождает от грехов и они попрежнему исполнены пьянства, распутства и всякой мерзости». Брак сектанты считают простым договором, а о таинстве евхаристии говорят православным: «вы приобщаетесь не телом и кровью христовой в вашей хате (церкви), а паляницею и вином».

Отвергая таинства, «сектанты с особой злобой восстают против почитания храмов божиих, честного креста господня и св. икон».

Сектанты называют храмы «идольскими капищами, храмами Артемиды Ефесской, хлевом и проч.» О кресте говорят, что «христос пригвоздил ко кресту всего мира проклятие, которое и осталось на кресте».

Священники и начальники, носящие на себе кресты, являются, по их мнению, вторичными распинателями христа... «Посудите, говорят они, если бы вашего отца или мать повесили на плебенице (виселице), разве вы стали бы поклоняться ей и целовать ее?» Иконы отождествляются сектантами с идолами: «иконы дела рук человеческих, следовательно, поклонение им есть идолослужение». Иконы называют «идолами», «болванами» и т. д.

Клятву сектанты отвергают, посты и праздники считают выдумкой священников. «Посты—изнурение тела, а это грех». Как вол от недостатка корма слабеет, так и человек слабеет от поста и им легче управлять. «Чтобы легче было управлять людьми, попы выдумали пост».

«Власти православные, носящие на себе награды в виде крестов, по мнению штундистов, прокляты: они живые идолы, а почитающий их—идолопоклонник. «По их мнению, говорит о. Терлецкий, власть имеют те, которые побогаче и сильнее других; что никакого начальства, никаких наказаний, острогов не нужно». «А что это за образ зверя, как не их (начальства) (Откр. гл. 13—14)? Этот образ убивает людей, но и ему будет та же участь через людей, которым бог внушил эту мысль: «выйди народ мой, скажет господь, и воздайте им так, как они воздавали вам и вдвое воздайте по делам их». (Откр. 18 гл.). А как это произойдет,—читай восьмую и девятнадцатую главу их Откровения.

Сектанты говорят, что на земле нет другой власти, кроме божией. Совращая православных, штундист говорил: «царя не будет, а будет царь по выбору; на кого жребий падет, тот и будет царем, а все золото, которое идет на царский дом, будет у нас в руках».

Война, по мнению штундистов, запрещена евангелием.

Судьей должна быть совесть, а братья не то должны решить, виновен или нет совершивший преступление, а то, почему он это сделал».

Человечество достигло в настоящее время крайних пределов своего развращения. Бог родит хлеб и дает человеку всевозможные предметы, необходимые для его жизни, а человек торгует этой благодатью, торгует даже совестью, верою и человеческими существами. Бог разгневался за все это на человечество и попустил его в рабство. В настоящее время человечество находится во втором египетском рабстве. Человек теперь порабощен новыми египтянами—сильными мира сего. Эти египтяне пользуются нашим трудом, распоряжаются нашими силами. Вот почему в настоящее время так много несчастий на земле. На войне изливается невинно кровь человеческая, в обыденной жизни свирепствуют разбои, грабежи, насилия, взаимные неудовольствия, воровство и мошенничество. Железные дороги, пароходы, машины и телеграфы—все это признаки царствия сатаны и конца его царствия.

Рождественнский отмечает три течения в штундистком учении, «Чаплинцы верят в загробную жизнь,—в царство чистых духов, каковыми они явятся в царстве божием, но с другой стороны, они утверждают, что современем на всем земном шаре будут жить одни штундисты; штунда тогда будет общею религией для всех людей и земля будет общею. Торговли, эксплоатации и денег совершенно не будет, а в сфере экономических отношений будет господствовать исключительно обмен продуктов натурою. Обе эти идеи о будущей лучшей жизни штундисты часто смешивают и нередко подставляют одну вместо другой».

Таким образом, постепенно сектанты царство небесное спускают на землю и в учении новоштундистов подходят близко к воззрениям социалистов-утопистов [1]) на будущие социальные отношения. Но пока царство небесное окончательно не спустилось на землю, сектанты

---

[1]) Мечты о разделе земли и об экономическом равенстве имеют мало общего с современным социализмом, так как в основе идеалов штундизма того времени было мелкое индивидуальное хозяйство, избавленное от эксплоатации капитала. Правильнее было бы характеризовать эти идеалы как „мещанский социализм".

не могли принять более активного участия в борьбе за осуществление своего идеала, потому что для них еще не выяснилось, что он должен быть осуществлен на земле, и изложенные воззрения лишь подготовляли почву для более активных политических партий.

Другое течение штундистов (Сливки) формулирует будущее таким образом: «когда люди из тьмы неведения обратятся к истине, они воскреснут из мертвых».

Относясь отрицательно к существующему социально-политическому строю, отвергая существующие порядки в России, штундисты мечтают о наступлении новых форм жизни. Среди сектантов «бродят идеи о свободе, равенстве и разделе имуществ». О. Терлецкий говорит, что, по понятиям штундистов, «все люди должны быть свободными». О. Казакевич говорит, что «штундисты проповедуют равенство и свободу». Они находят возможным почитать только христа, как старшего брата, а остальные сектанты должны быть равны. «С наступлением ожидаемого сектантами нового государственного и общественного строя их новое сектантское начальство всю землю от православных помещиков поотбирает и п о д е л и т е е... И тогда уже нам, всему простонародию, которое только поступает в святые штунды и анабаптисты, будет великое добро: свобода на всю роскошь».

4.

Расслоение крестьянства, образование среди него пролетарских элементов привело в 80 годах к развитию из староштундизма новоштундизма, или «нового союза», который пошел дальше, как в критике существующих религиозных воззрений, так и в построении социального идеала.

Новоштундизм группировал около себя отчасти и полупролетарские элементы деревни, хотя резкого социального расслоения между старо и новоштундизмом не было, так как внешние условия социального гнета были и для того и для другого слоя деревни более или менее одинаковы.

Старо-штундизм «развивает свои положения на коренной протестантской почве». В своих конечных выводах он проповедует пантеизм, мало придавая значения вопросу о личности христа.

Младо-штундисты имеют подкладкой «острый рационализм и, при полном отрицании божественной природы спасителя... приходят к легальному безбожию». По их мнению, «христос—только человек»... «Проповедник правды»...

За четверть века развитие идей штунды далеко подвинулось вперед, пишет в 1891 году автор брошюры «О штунде и протестантстве в их вероучении» [1]). Подвинулось и дело пропаганды штундой коммунистических идей среди простого народа и самая их разработка. По общему отзыву миссионеров, современная штунда—секта, столько же антицерковная, сколько и антигосударственная с социально-немецкой (!) подкладкой. Теперь штундизм не скрывает в глубокой тайне, как в 70 годах, что в основе его лежит подкладка, выработанная социализмом (!), напротив, открыто повсюду, где только можно, это об'являет, не стесняясь даже присутствия представителей гражданской власти. Теперь идеи о свободе, равенстве и разделе имуществ не бродят в головах, как писал Терлецкий, Травинский и Казакевич, а настойчиво возвещаются и притом в самой резкой форме.

В августе 1888 года один штундист говорил священнику села Косяковки: «Попы проповедуют веру... эта вера не та... наша вера будет вот какова: свобода, равенство и братство».

«Все будете рабами, говорят агитаторы штунды православному населению, не получите при разделе земли ни клочка, если не сделаетесь святыми штундистами». Таким образом, раздел земли начинает все больше и больше занимать места в агитации штундистов. С неба, от обещаний царства небесного, которые дают все секты и религии, штундисты окончательно спускаются на землю и значение их пропаганды соответственно возрастает.

Хозяйственные условия,—малоземелье и все более и более обостряющийся кризис продовольственного хозяйства, все это заставляло обратить внимание на искание путей для выхода из невыносимого положения. И сектантство указывало этот выход. Хотя народничество того времени и даже в последствии пропагандировало почти то же самое, но успех имели сектанты, так как все их миросозерцание больше соответствовало миросозерцанию народных масс.

Мы уже упоминали о том, что среди наиболее забитого, наиболее разоренного населения новые идеи не пользовались таким успехом, каким они пользовались среди населения, где развитие хозяйства далеко подвинулось вперед. Центральный черноземный район с преобладающим продовольственным хозяйством, с экономическим равенством и с уравнительным землепользованием не так захватывался новым учением, как юг и восток, где расслоение крестьянства высту-

---

[1]) С. П. „О штунде и протестанстве“ Одесса 1891 г.

пало резче, где сильнее проявлялось развитие новых капиталистических отношений. Сектантство больше всего развивалось в тех районах, в которых данные конской переписи 80—90 годов констатировали наибольшее расслоение крестьянства, где развивалось капиталистическое земледельческое хозяйство. Напротив, в районах, где сохранились старые кабальные отношения, где сохранилось продовольственное хозяйство, секты имели меньший успех, потому что ломка старого строя происходила крайне медленно, а крестьянство угнеталось безысходной нуждой.

Штундисты активно не проявляли себя ничем. Они только пропагандировали. «Теперь молчим и подати платим и все казенные повинности исправно выполняем, а скоро наступит такая пора, когда и патлатым (духовенству) и тому, кто ими командует, скажем: «Молчать..» В Новомиргороде самые оживленные толки об уравнении сословий и разделе земель слышатся на базарах» [1]).

Противопоставляя эксплоататоров и эксплоатируемых, штундисты мечтают о создании общества, основой которого должен быть труд. Духовенство, по их мнению, «фарисеи», а чиновничество «саддукеи». «Фарисеи и саддукеи заодно распяли христа, заодно до наших дней имеют много земли, занимают высокие места и заодно многими способами обирают простой народ, который живет от труда и пота... Ныне воскрес дух христа в сердцах его братьев, открылось слово божие, сокровенное от веков и родов: ныне будет отнята сила у всякого начальства, оно будет подвергнуто позору; фарисеи и саддукеи—солома, солому эту сожгут, когда народ освободится от рабства и станет пшеницей божией», т.-е. когда поголовно перейдет в штундизм.

Штундизм проводит мысль, что и в настоящее время каждый должен проводить в жизнь свои идеалы, заботиться об общем благе, никому не приносить вреда или скорби. «Цель нового строя—доставить каждому возможно наибольшее количество материальных благ, а средство к достижению этой цели—труд. Штунда не против разносторонности и разумности труда, она даже указывает на необходимость знакомства с современной цивилизацией и наукой, чтобы создать настоящее братство» [2]).

Таким образом, в развитии идей штундизма мы видим огромный шаг вперед против идей духоборчества и штундизма 60—70 годов,

---

[1]) Ibid. стр. 32.
[2]) Ibid. стр. 34.

когда к продуктам цивилизации относились более или менее отрицательно.

Цитируемый автор утверждает, что «новый союз братьев», как он является в теории штунды, «есть союз семей и общин на началах коммунизма и социализма; только для властей предержащих они считают нужным прикрыть ничего серьезного и опасного не выражающими вывесками :«царство божие», «церковь вечная» и т. д. «Новый союз» не есть только отвлеченная идея, но факт, осуществляемый и отчасти осуществленный. Значение этого факта сказывается, прежде всего, на массе, исповедующей штунду. Эта масса идет наперекор существующей жизни, отрицает все ее формы, применяя к себе начала новые, противообщественные. Союз... сила разрушительная. Вожаки штунды—собственно вожаки громадной физической силы, которую они могут направлять всегда и против всего по своему усмотрению. Нам уже известно, как эту силу направляют против православной церкви, но очевидный расчет направить ее и против государства, так как государственная, главным образом, власть поддерживает церковь». «Существующие законы, уложения, новые указы, распоряжения, словом каждое проявление системы управления,—достаточный предлог для штундизма, чтобы осмеять всех вообще властей.

Беспорядки общественного устройства рассматриваются при этом как иллюстрация обветшалой власти... В своем настроении против власти штунда доходит до фанатизма.. Попытки противодействия официальной власти, причем играет непременную роль «святое соединение братьев», не подлежат никакому сомнению».

Эта прокурорская характеристика, несомненно, слишком сгущает краски, так как противодействия власти, напр., являлись в исключительных случаях: штундисты прекрасно видели свою физическую слабость перед правительством и скептически относились к революционерам-утопистам 70-х годов, хотя и слушали их охотно.

Во всяком случае штундизму удалось создать прочную организацию. «Нельзя не притти к заключению, пишет другой автор [1]), что за истекшее 30-летие штунда успела широко раскинуть свою сеть и организоваться в строго сплоченную общину». Таким образом, в половине 90-х годов штунда еще более упрочилась.

Новые идеи перерождали неофитов и сплачивали их в тесную организацию. Глубокий переворот во всем мировоззрении крестьянина создавал совершенно новых людей, которые должны были импониро-

---

[1]) В. М. Скворцов. О штундизме и мерах борьбы с сектою. 1894. г

вать окружающим людям. «Я почувствовал полное сердце, когда вступил в секту и сделался другим человеком. Я раньше вел распутную жизнь» [1]), говорит на суде штундист, привлекаемый за принадлежность к секте. «Я был нехорошим человеком, пьянствовал, бесчинствовал и ругался, а потом почувствовал, что нужно жить в правде»,—говорит другой подсудимый.

Новая моральная связь прочно скрепляла организации штундистов, раскиданные по всей России. Штунда «зорко следит за тем, что происходит во всех её частных общинах... от внимания вожаков и даже рядовых братьев ни один факт из их общинной жизни не ускользает, ни одно известие о штунде (напр., газетное), ни одно распоряжение о ней не остается долго в секрете. По словам миссионеров, есть целая сеть тайных и явных агентов и миссионеров штундизма, благодаря которым все сведения, касающиеся штундистов, они получают одновременно повсюду, гораздо скорее православных и всегда почти оказываются наготове. Каждый «брат» должен, по секретному учению штунды, «родить в год двух детей, т.-е. совратить двух православных». Общины сектантов тесно сплочены и на собраниях «кроме религиозной жизни отражается и их общественная жизнь. Все вопросы и нужды обсуждаются на собраниях» [2]). Семья штундистов также представляет своеобразную общину: члены семьи называют друг друга братом, сестрою, все равно, обращается ли отец к дочери или мать к сыну.

Таким образом, к началу двадцатого столетия в России, особенно на юге, была обширная организация, глубоко пропитанная демократическими идеями, и когда политические партии, до этого времени не имевшие никакого успеха среди крестьян, столкнулись с широкими народными массами, то нашли там более подготовленный материал для политической организации, чем можно было полагать, основываясь на прежних неудачах этих партий.

Нужно, впрочем, принять во внимание, что критика сектантами современного строя исходила из понимания этого строя мелкими собственниками, которые говорили о разделе земли, популяризовали эту идею. Но, как было уже замечено, не только другие сектанты, но и новоштундисты никогда не доходили до социалистического идеала, как он понимается социал-демократией. Представления о широкой

---

[1]) „Дело" 1878 г. № 5. Процесс штундистов.
[2]) Св. Стрельбецкий. Краткий очерк штундизма. Стр. 41.

общественной организации производства мы не видим [1]),—штундизм привлекал более зажиточные слои деревенского населения, которые возмущались неравенством распределения земли и богатства, но многие из них эксплоатировали наемный труд.

Тем не менее, как течение глубоко демократическое, штундизм казался очень опасной сектой, как для правительства, так и для духовенства. Последнее всеми мерами старалось доказать опасность для правительства распространения этой секты. «Если одно привнесение штундизма, пишет св. Стрельбицкий, в коренное русское население, враждебного партийного духа делает эту секту небезопасной для спокойствия государства, то отрицательное и враждебное отношение ее к существующему строю сообщает ей положительно опасный социально-политический характер».

Эти запугивания, конечно, воздействовали на правительство, и в 1894 году министр вн. дел издал циркуляр, в котором секта штундистов признается о с о б е н н о вредною и собрания штундистов безусловно, воспрещаются. «Имея в виду, что по имеющимся, как в вверенном мне министерстве, так и в духовном ведомстве сведениям, последователи секты штунда, отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных сынов престола и отечества разбойникам, но и проповедуя социалистические принципы, как, например, общее равенство, раздел имуществ и т. д., учение их подрывает в корне основные начала православной веры и русской народности (!), я, согласно состоявшемуся и сообщенному мне ныне статс-секретарем Победоносцевым определению св. синода, и с своей стороны признаю штунду одною из наиболее опасных и вредных в церковном и государственном отношениях».

Как воздействовал этот циркуляр на распространение штунды, можно судить по тому, что, напр., один корреспондент «Миссион. Обозрения» сообщает [2]), что ревностные прихожане обращаются к нему из пункта в Курской губ., в котором никогда не было сектантства: «батюшка, забили шалапуты, помогите нам!»

В мае 1906 года состоялся с'езд штундистов, на котором было 100 представителей из 22 губерний и областей [3]).

---

[1]) Некоторые группы сектантов, напр., секта „общих", пытались завести коммунистическое хозяйство, но, обыкновенно, такие общины быстро распадались.

[2]) „Мисс. Обозр." 1905 г., № 4, 566 стр.

[3]) „Протоколы годового собрания русск. евангелич. христиан" „М. О." 1906 г.

После 17 октября 1905 года штундисты стали открыто проповедывать и распространять свое учение, и «Мисс. Обозр.» бьет тревогу. Но в эпоху революции социально-политическое значение сектантства уже исчезло. Социально-политическая борьба, обострившись, попала под руководство политических партий, и наиболее активные элементы ушли в эту борьбу, оставивши религиозные вопросы. С какой энергией и самоотверженностью раньше наиболее активные личности шли проповедывать «слово божие», с такой же энергией теперь они проповедуют в качестве представителей социал-демократии, крестьянского союза, социалистов-революционеров и трудовиков и в большем количестве, чем проповедники сектантства, сидят по тюрьмам и в ссылке...

Наряду с развитием штундизма в 80-х и 90-х годах прошлого столетия, развились мистические секты адвентистов и малеванцев, а также секта пашковцев, в которую вместе с дворниками и лакеями увлекались и их аристократические господа. Но эти секты не имели особенного значения. В 80—90-х г.г. развилось толстовство, особенно в Харьковской губернии, но и оно не имело такого значения, как штундизм.

Сравнивая учение штундистов с учениями крайних сектантов во время крестьянских восстаний и религиозных войн в Западной Европе, мы находим между ними много общего. Исследователи штундизма и духоборчества отмечают идейное влияние немцев-баптистов на содержание учения этих сект, особенно на староштундизм.

Социальные противоречия, расслоение крестьян повело к образованию новоштундизма, который шел дальше, чем староштундизм-анабаптизм, и подошел некоторыми сторонами близко к социализму. Тем не менее идейного влияния на развитие сектантства социалисты не имели.

Крестьянство черпало идеологию из идейной сокровищницы XVI века в Западной Европе, а не у русской интеллигенции, которая была дома и употребляла все усилия, чтобы подойти к народу. Этот факт лишний раз показывает, насколько бессильна сама по себе пропаганда и агитация тех или других идей, если условия данного момента благоприятствуют усвоению других идей, хотя и сходных по существу. Только толстовцам в 80-х годах удалось оказать идейное влияние на сектантское движение, благодаря тому, что Толстой сам заимствовал многое у сектантов, и, несомненно, сумел приспособиться к мировоззрению народных масс. Впрочем, трудно решить, кто на кого больше оказал влияния, Толстой ли на некоторую часть сектан-

гов, или ему только удалось формулировать уже выработанные сектантами положения. Нужно полагать, что правильнее последнее предположение.

5.

Пока мы рассматривали идейное содержание сектантства, мы находили много общего с западно-европейским сектантским движением и много заимствованного от него.

Новоштундизм пошел дальше западно-европейского сектантства и дал продукты огромной творческой работы народной мысли, но корни рационалистического сектантства, все-таки, нужно искать в Западной Европе (анабаптизм), влияние которого отмечается исследователями сектантского движения в России.

Любопытно, в даном случае, то, что в этом усвоении народом западно-европейских идей русская интеллигенция не играла никакой роли, хотя она всегда считала только себя тем посредником, который передает народу плоды духовной культуры...

Итак, влияние Западной Европы на зарождение рационализма в сектантском движении; несомненно Но практические результаты религиозного движения на Западе и у нас были совершенно различными. Там крестьянское движение было под непосредственным влиянием и руководством сектантов, между тем, как в России сектантство лишь подготовило идейную почву для крестьянского движения, а руководство этим движением взяли в свои руки политические партии. В момент революции город в лице революционной интеллигенции и рабочего класса подошел к деревне и захватил политическое руководство ею. Уже до революции появление социал-демократов и социалистов-революционеров стало отвлекать более передовые элементы деревни в политические организации. Социал-демократическая организация «спилки», напр., стала пополняться штундистами, которые уже в качестве социал-демократов должны были стремиться активно воздействовать на то, чтобы осуществить на земле социально-политические идеалы, не замыкаясь в сектантскую изолированную группу. Политические партии отчасти использовали ту готовую организацию, которая создана штундизмом.

Идейное влияние политических партий в это время еще недостаточно широко, но оно все расширяется и расширяется. Непосредственная борьба за политическое освобождение и за экономические классовые интересы захватила настолько широкие слои населения, что влияние политических партий можно считать упрочившимся.

Революционные партии от времени до времени пытались использовать сектантство в политических целях, но всегда неудачно. Революционеры 70-х годов пытались подойти и к староверам, и к штундистам (к староштундизму, но это ни к чему не приводило. Так, Е. Брешковская рассказывает в своих воспоминаниях о попытке подойти к штундистам. Там встретили ее очень приветливо, но не обнаружили никакой склонности к активной борьбе вместе с революционерами.

«Как в социально-революционных кружках с радостью встречают каждого, в ком чают найти, теперь или современем, поборника излюбленной идеи, так точно и в религиозных сектах одиномышленники спешат с приветом к каждому, в ком замечают способность или желание усвоить их понятия и верования» [1]).

Но оказалось, что беседы в течение одного-двух вечеров недостаточно для подчинения самостоятельного идейного народного течения пришедшему со стороны интеллигенту, и революционер отрясал прах от своих ног и уходил разочарованный. Только дальнейшая жизненная борьба столкнула эти два течения, и политические партии увлекли за собой наиболее живые элементы деревни.

Является вопрос, почему раньше, в 70-х годах, когда революционеры шли в деревню, они не имели там успеха? Прежде всего потому, что кризис продовольственного хозяйства, который впоследствии наступил, еще не давил так крестьянство, чтобы оно могло принять и осуществить ту бунтарскую программу, которая проповедывалась, которая могла проводиться массами стихийно т о л ь к о в моменты отчаяния и не могла осуществиться. Только тогда, когда массы дойдут до безвыходного положения, они хватаются за всякое средство, бросаются на каждый путь, который им кажется выходом.

Когда же в 80-х годах среди крестьянства начинается искание новых путей и появляются новые секты, тогда и в интеллигенции также начинается разброд и искание новых путей. Революционеры также теряют старую веру и сами не могли ничего дать крестьянству В эту эпоху больше всего можно было встретить «ищущих правды» и среди народа, и среди интеллигенции.

Далее, та в е р а, которая была у революционеров в 70-х годах, требовала от крестьян большего, чем они могли дать. И по личному опыту (в 80-х годах) и на основании опыта других можно заключить,

---

[1]) Е. Брешковская, „Воспоминания пропагандистки" „Былое", вып. 1903—4 г.

что крестьяне усваивали демократические идеи, но настолько были реалистами, что видели невозможность проводить в жизнь те идеалы, которые проповедывались социалистами. Мне лично удалось образовать относительно интеллигентный небольшой кружок среди казаков, но при общем индифферентизме это, скорее, был кружок замкнутой секты из зеленой молодежи, которая решила прежде всего религиозные и общественные вопросы, но проводить в жизнь могла очень немногое. Относительно высокий умственный уровень лишь помог членам этого кружка, впоследствии, отстаивать, несколько, свою самостоятельность в борьбе с местной бюрократией. Общая запашка для получения средств на книги и газеты, ничуть не привела к укреплению такой формы хозяйства .Напротив, сделавшись более сознательными людьми, члены кружка сделались в то же время индивидуалистами, пожалуй, в большей степени, чем другие.

80-е годы вообще отличаются усилением идейного движения среди сектанства. Приходилось встречать многих, переходивших из одной секты в другую в поисках «правды», и везде ищущий находил мертвые рамки секты, которые давили его. Молоканство уже тогда смертвело и только, повидимому, штундизм вносил некоторую струю свежести в народную мысль.

Появившиеся в 80-х годах колонии толстовцев и культурников, вносили затхлую атмосферу не только в среду крестьянства, но и в собственную среду, и не могли оказать никакого влияния на крестьянство. «Народ» вырабатывал свою демократическую идеологию. и теперь политические партии пожинают плоды той внутренней работы, которая происходила в глубине народной жизни незаметно для верхов. Демократический лозунг ««земли и воли» нашел готовую почву, но она не была подготовлена революционерами.

Во время революции 1905 г. многие крестьяне опирались на священное писание для доказательства необходимости экспроприации земли. В этом сказывается влияние сектанства.

«А не можете ли доказать сего от священного писания?»—так нередко спрашивают и кое-что даже доказывают. Можно, оказывается, доказать и национализацию земли. Вот, например, такой диалог одного крестьянина с священником сообщает сотрудник «Бирж. Вед.».

— Пророк Иезекиил, говорил он (глава 47, ст. 21, 22 и 23), именем господним приказал всю землю делить поровну и по жребию. Даже царям не приказал дарить землю (глава 46, ст. 18).

— То давно было...

— Мало ли, что давно-с. Законы божии вековечны-с и незыбле-

мы-с ныне и присно и во веки веков. Тоже в книге Левита (гл. 25, ст. 23) запрещено землю продавать навсегда, а только—отдавать на время (в аренду) на 6 лет.

— Что же из этого следует?

— А то-с, что, стало-быть, никакими мерами земель приобретать нельзя. А кто приказывает приобретать и дареными землями владеть, тот не слушается закона божия и через то равняется волшебнику и служителю идола (кн. Царств, гл. 15, ст. 23).

— Это все библейское!

— Есть и христианское-с все об этом же. Апостол Павел в послании к Коринфянам пишет: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тягость, но—чтобы была равномерность» (посл. к Коринф., гл. 8, ст. 13).

Я вопросительно посмотрел на батюшек, прислушивающихся к этому разговору.

—Он на этом помешан. У нас, впрочем, много таких, что так говорят, особенно среди молокан,—пояснил мне один из священников полушопотом.

— А во всем прочем достойнейший человек и к церкви православной усерден,—добавил он уже вслух.

— Ну, а эти мысли—как вы думаете, откуда? Заносные? Или...— спросил я, отведя его в сторону.

— Сами видите, из священного писания. В Петербурге не понимают смысла крестьянских стремлений. А вот граф Л. Н. Толстой, хоть и отторженный (он как-то деланно, неловко засмеялся, озираясь на своих же), а понимает... провидец.

Мы подошли опять к церковному старосте, продолжавшему свою речь, уже обращаясь ко всем священникам:

— Так же уравнительно надо платить и подати. Сам господь Иисус христос платил подать. Это зря говорят, чтобы не платить! А он был превыше всех чинов, ибо он—царь царей, царь славы и веков. Для чего же он платил? Он этим уложил закон такой, чтобы никто не избегал подати, которая есть для общей пользы, в роде складчины.

Он обвел всех вызывающим взглядом:

— Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как-будто вы одни поселены на земле!» Это говорил-с пророк Исаия, глава 5, ст. 8.

Один из священников сообщил корреспонденту, что за последнее

время появилось «много таких», которые прибегают к этой аргументации.

Так жизнь в своеобразной форме подготовила умы масс, которые активно проявили себя во время революции [1]). В дальнейшем народная мысль, повидимому, развивается уже в других формах.

---

[1]) О террористической секте иеговистов см. главу „Крестьянское движение на горнозаводском Урале".

Накануне революции.

ГЛАВА VIII.

Характеристика земледельческих районов.

В первой и второй главе мы старались дать теоретический анализ условий борьбы крупного и мелкого хозяйства. Из этого анализа мы заключили, что продовольственная рента должна была дольше сохраниться в тех хозяйствах, которые, обладая недостаточным количеством земли для ведения самостоятельного хозяйства, имеют, относительно, больше земли, чем хозяйства абсолютно малоземельные, с 1—2 дес. земли. Эти, наиболее малоземельные хозяйства получают слишком мало продукта со своей собственной земли и поэтому не могут платить такой высокой арендной платы, как хозяйства, имеющие 4, 6, 10 десятин на двор. Последние хозяйства принуждены были арендовать помещичьи земли, потому что хлеба со своей земли получается недостаточно для удовлетворения потребности крестьянской семьи. Безземельные и малоземельные, имеющие 1—2 десятины не могут конкурировать при аренде земли ни с капиталистическим хозяйством, ни с хозяйствами продовольственными, имеющими до 10 десятин на хозяйство. Поэтому в тех районах России, где преобладают безземельные и малоземельные крестьяне, должно было преобладать капиталистическое хозяйство, а в районах с средними наделами от 3 до 10 десятин должна была преобладать аренда продовольственная, которая могла бы при таких условиях повышаться и вытеснять аренду капиталистическую до тех пор, пока не наступил кризис и для этого типа продовольственных хозяйств.

Рассматривая крестьянское землевладение по районам, мы найдем,—по относительному количеству среднего крестьянского надельного землевладения,—районы, где должна была преобладать продо-

вольственная аренда и где должно преобладать хозяйство капиталистическое.

Крестьянское надельное землевладение в 1905 году было в районах:

	1 д. и менее. %	от 1 д.— 3 дес. %	от 3—5 д. %	свыше 10 д. %
Центрально-земледельческом районе	1,0	6,2	16,5	20,2
Средне-волжском	1,6	8.1	8,2	32,3
Нижне-волжском	2,3	1,9	1,6	85,4
Новороссийском	3,2	11,5	20,7	28,0
Юго-западном	2,2	21,7	33,7	9,5
Малороссийском	4,7	14,5	25,6	12,1
Промышленном	2,3	3,7	10,8	24,5
Белорусском	0,3	1,3	6,3	28,4
Литовском	1,0	1,5	1,5	77,0
Приозерном	0,7	1,8	2,6	51,4
Прибалтийском	0,2	0,2	0,3	97,8
Приуральском	1,9	3,8	4,3	78,4
Северном	0,7	8,1	11,0	55,4

Выделивши в этих районах группу малоземельных, среднеземельных и многоземельных, мы найдем:

	Мало-зем.	Средн. зем.	Много-зем
В центрально-земледельческом районе	23,7	56	20,2
Средне-волжском	17,9	50	32
Новороссийском	35,4	36,6	28
Юго-западном	57,6	33	9,5
Малороссийском	44,8	43	12,1
Промышленном	16,8	58,7	24,5
Белорусском	7,9	63,6	28,4
Литовском	4	19	77
Приозерном	5,1	43,5	51,4
Прибалтийском	1,5	0,7	97,8
Приуральском	10	11,6	78,4
Северном	19,9	24,7	55,4
Нижне-волжском	5,4	9,2	85,4

[1]) „Стат. св. по зем. вопр. в России", 1904 г.

Если рассматривать перечисленные районы по преобладанию в них той или другой группы хозяйств ,то мы увидим значительное различие хозяйственных условий.

Приведенные данные о землевладении в различных районах России еще не дают полной картины землевладения, так как в таблице не приведено количество безземельного населения, занятого в земледелии. Пользуясь переписью 1897 г., А. Лосицкий составил следующую таблицу, первый столбец которой можно принять за maximum, а второй за minimum сельско-хозяйственных рабочих.

Наибольшим % пролетариата в сельско-хозяйственном населении отличается Прибалтийский край с Ковенской губ.

Губернии.	% рабочих среди самодеятельного населения в сельском хозяйстве	% отношение рабочих к числу лиц старше 15 л., живущих сельским хозяйством
Курляндская . . .	72	36
Лифляндская .	66	34
Эстляндская . . .	49	22
Ковенская .	43	19
Виленская	22	7.2
Петербургская	18	6.1
Витебская . .	17	5,3
Гродненская	16	5,0
Минская . . .	15	4,7
Таврическая . . .	24	8.4
Астраханская . .	22	6,9
Полтавская . .	17	5,8
Черниговская .	14	4,5
Донская	14	4,3
Херсонская	14	5,1
Екатеринославская .	13	4,4
Самарская	14	4,3
Оренбургская . . .	14	4,4
Киевская	11	3,9

В западных, степных и малороссийских губерниях, а также в некоторых центральных промышленных, сельско-хозяйственные рабочие с семьями составляют от одной двадцать пятой до одной десятой уездного населения.

Все остальные губернии отличаются слабым развитием сельскохозяйственного пролетариата Особенно выделяются в этом отношении некоторые губернии земледельческого центра и северо-востока.

Принявши во внимание данные о безземельных крестьянах, мы заметим еще более резкую разницу между различными районами. Центральный земледельческий и средне-волжский районы отличаются не только меньшим количеством малоземельных, чем Новороссия, Малороссия и юго-западный край, но и меньшим процентом безземельных крестьян. Между тем именно в центральном земледельческом и средне-волжском районах шла наиболее интенсивная борба за землю и за понижение аренды.

В средне-земледельческих и средне-волжском районах наибольшую группу составляют хозяйства, которые на основании нашего теоретического анализа, должны давать преобладание продовольственной аренде над капиталистической [1]). Напротив, в Новороссийском районе преобладает малоземельная и многоземельная группы, отступающие перед конкуренцией капиталистического хозяйства. При анализе земельной ренты, мы доказывали, что преобладание многоземельных хозяйств должно вести к развитию капиталистического хозяйства потому, что многоземельные хозяйства не нуждаясь в земле, не могут поднять высоко продовольственную аренду, так же, как и безземельные и малоземельные. Поэтому в Новороссийском крае преобладание малоземельных и многоземельных дает большой простор развитию капитализма в земледелии и там должно было развиваться капиталистическое хозяйство.

В юго-западном районе преобладают малоземельные хозяйства, которые также должны отступить перед капиталистическим хозяйством, так как не могут поднять продовольственную аренду до высоты капиталистической ренты.

В Малороссийском районе продовольственная аренда должна занимать несколько большее место, так как малоземельная и многоземельная группы здесь малочисленнее, хотя и составляют больше половины всех хозяйств.

Промышленный район по условиям землевладения находится в таком же положении, как центральный земледельческий,

---

[1]) Напомним, что эта средняя группа, принужденная недостатком земли арендовать на кабальных условиях, может повышать арендную плату до высшей нормы, пока сокращение средств производства не приведет хозяйства этой группы к кризису.

но развитие промыслов здесь не дает возможности развитию кабальной аренды в настолько тяжелых формах, чтобы кризис продовольственного хозяйства мог так же тяжело отразиться на положении населения, как в центральном земледельческом или в Средне-Волжском районах.

Белорусский район находится в таком же положени, как центральный земледельческий и здесь также должна преобладать продовольственная аренда. но здесь имеется значительный процент безземельных. Тоже в меньшей степени должно быть и в прилозерном районе.

Наибольшее развитие капиталистического хозяйства должно быть в Прибалтийском и Литовском районах, где наибольший процент крестьян безземельных и ничтожный процент среднеземельных.

Наконец, в Нижневолжском, Прнуральском и Северном районах. при незначительном проценте безземельных и малоземельных, крестьянское движение должно было быть слабым.

Основываясь на этих данных о размерах землевладения. мы должны заключить, что в различных районах борьба земледельческого населения за улучшение своего положения должна была происходить в различных формах.

В Прибалтийском и юго-западном районах она должна была вестись, главным образом, за повышение заработной платы, так как там преобладало капиталистическое хозяйство. Литовский. малороссийский и новороссийский районы, имея больший процент хозяйств с продовольственной арендой, по хозяйственным отношениям занимают промежуточное положение между чисто капиталистическими районами и районами продовольственной аренды.

Напротив, в центральном земледельческом и средневолжском районах, с преобладанием средних хозяйств по размерам землевладения и с преобладанием продовольственной аренды. должна была занимать первое место борьба за понижение аренды; когда она поднялась и стала недоступной для крестьян, тогда наступил кризис продовольственного хозяйства.

Эти выводы о характере хозяйственных отношений, в связи с размерами землевладения подтверждаются данными всенародной переписи 1897 года о количестве сельско-хозяйственных рабочих.

По этим данным следующие губернии имели больше 25 тысяч наемных рабочих, занятых в земледельческих хозяйствах.

	Земледелие	Животноводство	Лесоводство	Проч. виды сел. хоз.	Рыболовство и охота.
Виленская .	39.096	10.649	526	361	67
Витебская . .	25.601	7.838	486	290	73
Волынская . .	36.266	5.297	2.167	608	62
Вятская	26.353	378	4.151	90	13
Гродненская . .	26.330	5.333	886	518	13
Донск. Войска.	40.739	6.538	282	714	1.394
Екатериносл. .	33.157	4.370	335	533	85
Киевская . . .	49.149	3.185	1.723	1.420	90
Ковенская . . .	107.082	16.948	564	734	45
Курляндская . .	87.238	7.600	1.591	606	161
Лифляндская .	144.715	18.761	2.195	1.478	304
Минская . . .	33.894	6.414	2.410	488	68
Оренбургская .	27.748	1.743	3.113	87	40
Пермская . . .	38.270	401	9.170	122	117
Подольская . .	37.600	3.313	680	958	18
Полтавская .	66.191	6.955	493	756	169
Самарская . .	54.865	5.388	818	346	39
Саратовская	34.588	4.141	928	643	211
Таврическая .	32.685	6.298	441	3.839	62
Херсонская .	42.199	6.115	231	1.425	420
Черниговская .	42.440	2 131	1.259	1.259	73
Эстляндская . .	30.939	3.308	723	588	208
Кубанская .	45.737	6.463	1.357	9.428	1.684
Тобольская . .	37.539	2.228	735	44	779
Томская . . .	32.217	2.623	1.309	295	192
Всего по Империи	2.132.899	411.817	84.714	57.990	35.203

Таким образом, наемный труд распространен в прибалтийских и литовских губерниях, малороссийских и юго-западных губерниях самых малоземельных; с другой стороны, в сравнительно многоземельных губерниях, в которых не должно бы, казалось, быть места наемному сельско-хозяйственному труду, имеется наибольшее количество наемных сельско-хозяйственных рабочих. В районах многоземельных и в районах малоземельных мы находим развитие капиталистического хозяйства. В тех губерниях, куда идет поток переселенцев, где, следовательно, каждый крестьянин может иметь земельный надел (Томская, Тобольская, Оренбургская губ.), при отсутствии крупных землевладельцев, ведется капиталистическое земледельческое хозяйство, и в широких размерах применяется наемный труд в сельском хозяйстве.

Напротив, в губерниях «среднеземельных» в центральном черноземном районе с наиболее отсталой земледельческой культурой и техникой капиталистическое хозяйство ведется в ничтожных размерах.

Нужно заметить, что всеобщая перепись 97 года производилась зимой, при наибольшем сокращении сельско-хозяйственных рабочих. Как известно, масса рабочих только с весны отправляется в сельскохозяйственный наем на окраины, на юг и на восток. Поэтому приведенные цифры показывают minimum постоянных сельскохозяйственных рабочих южного и восточного районов.

Губернии, имеющие наемных сельско-хозяйственных рабочих, кольцом охватывают центральную Россию, в которой сельско-хозяйственных рабочих, сравнительно, немного. Между тем, центральный чернозем является наиболее разоренным. Эти данные лишний раз показывают, что пролетаризация крестьянства не находится в тесной связи с пауперизацией населения.

Существование большого количества наемных рабочих указывает на дифференциацию крестьянства в этих районах.

Но расслоение деревни не одинаково и в областях с большим количеством наемных рабочих. Между тем, как в южных и восточных губерниях в капиталистических хозяйствах работает большею частью пришлый элемент, в юго-западном и северо-западном районах (Малороссия, Юго-Западный край, Литва, Прибалтийский край) работают местные, более оседлые жители. Следовательно, в южном и юго-восточном районах эксплоатируются больше рабочие других районов, между тем на юго-западе и западе классовое расслоение резче внутри района.

Пришлые рабочие (сельско хозяйственные и промышленные) приходят или в промышлены губернии, или в южные и восточные губернии. В первых пришлые рабочие нанимаются, главным образом, в промышленных предприятиях, тогда как на юге и востоке почти исключительно в земледелии. Преобладание капиталистических отношений в земледелии должно было повлиять и на формы аграрного движения. В районах продовольственной аренды должна преобладать борьба за понижение аренды, а в районах с капиталистическими хозяйством,—стачечное движение за повышение заработной платы.

Форма стачечного движения находится в связи с развитием в земледелии капиталистического хозяйства, имеющего наемных рабочих. При этом на развитие стачечного движения имеет большое влияние состав сельско-хозяйственных рабочих. Рабочие пришлые из цен-

трального земледельческого района не могут быть так организованы для стачек, как местные. Собираясь из различных губерний, случайно попавши к тому или другому землевладельцу, приходя в ту или другую местность на короткое время, рабочие представляют случайную неорганизованную массу людей, совершенно незнакомых друг другу, часто вынужденных голодом наниматься на каких угодно условиях. Поэтому стачечное движение в больших размерах и более упорное должно было происходить в районах с капиталистическим земледельческим хозяйством и с большим числом местных сельско-хозяйственных рабочих.

В связи с приведенными в I томе данными о высоте заработной платы находится и распределение рабочих, уроженцев других губерний. Из районов с низкой заработной платой рабочие переходят в районы с более высокой заработной платой. Данные переписи 1897 года подтверждают все изложенные выше выводы. Рабочие уроженцы других губерний живут или в промышленном районе, или на многоземельных окраинах. Развитие капиталистического хозяйства происходит в этих же районах.

Рабочих, уроженцев других губерний, имеют более 10 тыс. следующие губернии (см. картограмму № 1):

Астраханская	12.479
Владимирская	15.897
Донского Войска	46.521
Екатеринославская	58.902
Киевская	19.559
Лифляндская	17.230
Московская	181.699
Оренбургская	12 402
Орловская	10.910
Пермская	21 489
Самарская	11.474
С.-Петербургская	186.219
Саратовская	11.868
Таврическая	22.774
Харьковская	14.602
Херсонская	38.327
Ярославская	13.931
Варшавская	28.260
Петроковская	38.687
Бакинская	12.126
Кубанская область	15.422
Енисейская	13.884
Томская	12.261

Из этих губерний больше 20 тыс. имеют пять губерний промышленных, три губернии земледельческих и одна губерния (Екатеринославская), которая привлекает и промышленных, и земледельческих рабочих.

Если исключить промышленные губернии, в которых пришлые рабоче работают, главным образом, в городах, то мы найдем, что в южном и восточном районах работают пришлые рабочие, а в юго-западном, литовском и прибалтийском местные сельско-хозяйственные рабочие. Хотя в Лифляндской, Киевской и Харьковской губ. также много пришлых рабочих, но значительная часть из них живет в городах, а остальные составляют ничтожный процент общего числа сельско-хозяйственных рабочих (напр. в Лифляндской губ. сел.-хоз. рабочих 144 тыс. а **всех** пришлых рабочих 17 тыс.).

Как увидим, характер аграрного движения вполне соответствует априорным выводам, которые были сделаны на основании анализа теории ренты, и приведенным данным о размерах землевладения и о количестве сельско-хозяйственных наемных рабочих. Во всех перечисленных районах существуют **все** типы хозяйства, и поэтому могли явиться различные формы движения, но преобладание того или другого типа хозяйства, тех или других хозяйственных отношений должно было повлиять и на форму аграрного движения.

Поэтому в районах с развитым капиталистическим хозяйством развивались **преимущественно** стачки сельско-хозяйственных рабочих, а в районах среднего крестьянского землевладения и продовольственной аренды,—пред'являлись требования понижения арендной платы, и обнаружилось стремление совсем уничтожить крупное хозяйство.

В юго-западном районе и в губерниях, к нему прилегающих, развито свекло-сахарное производство, которое требует много наемных рабочих не только на свекловичных плантациях, но и на самых заводах. По данным минист. фин. рабочих на свекло-сахарных заводах было: [1])

в Волынской	губ. . .	5.186
„ Воронежской	„	3.042
„ Киевской	„ .	**40.020**
„ Курской	„	9.950
„ Подольской	„	**23.229**
„ Полтавской	„	1.350

[1]) Вычислено по данным, приведенным в книге В. А. Погожева „Учет численности и состава рабочих в России", СПБ. 1906 г

„ Тамбовской „ 1.657
„ Харьковской „ **14.207**
„ Херсонской „ 2.654
„ Черниговской „ 4.811

Эти рабочие на заводах, расположенных в уездах, должны были также толкать на борьбу за повышение заработной платы, а не за аренду.

Условия землевладения и связанные с ними хозяйственные отношения в каждом районе имели влияние не только на характер крестьянского движения, но и на роль той или другой политической партии. Из приведенного нами анализа уже можно заключить, что в районах с более развитыми хозяйственными отношениями народнические партии, проповедывавшие уравнительное землепользование, не могли иметь значительного успеха: здесь развивались капиталистические отношения, а кабальная аренда имела меньше места, чем в районах с преобладанием среднего надельного землевладения и кабальной аренды. Напротив, в последних районах должна была иметь успех пропаганда «уравнительного землепользования», так как там оно преобладало, так как там продовольственное хозяйство наиболее энергично конкурировало с капиталистическим.

И действительно, влияние политических партий в различных районах находилось в соответствии с характером хозяйственных отношений: в районах преобладания среднего крестьянского землевладения и продовольственной аренды имели больший успех или социалисты-революционеры, или крестьянский союз; в районах преобладания мелкого землевладения (юго-зап. край, Малороссия, Новороссия, Гурия) и с большим количеством безземельных (Прибалтийский край, Литва), пользовалась успехом социал-дем. раб. партия. Кроме того, социал-демократы пользовались успехом и там, где необходимость введения более интенсивного хозяйства толкала крестьян к разрушению общинного землевладения (в нечерноземном районе).

Разумеется, эти выводы можно принимать в соображение только для определения общих стремлений крестьянства к созданию тех или других хозяйственных условий и, в связи с этим, к принятию той или другой программы. При мало развитом сознании народными массами своих классовых интересов, часто крестьяне принимали ту программу, которая им предлагалась впервые, лишь бы она давала надежду улучшить положение. Поэтому крестьяне принимали не только программу социал-революционеров или социал-демократов, потому что агитатор

ее предлагал, а других программ они не знали, но принималась и программа конст.-демократов в тех редких случаях, когда крестьянам предлагалась т о л ь к о их программа.

Мы ограничимся изложенной краткой характеристикой различных районов России, так как при изложении и анализе крестьянского движения выяснятся те особенности каждого района, которые толкали крестьян на борьбу в той или другой форме. Кроме того дополнением приведенной нами характеристики является «Об'яснительная записка социал-демократической фракции 2-й государственной думы по аграрному вопросу».

ГЛАВА IX.

Крестьянское движение 1900—1902 гг.

Характеризуя условия борьбы крупного и мелкого хозяйства (гл. I и II) до революции, мы пришли к заключению, что кризис продольственного хозяйства при существовавших условиях был неизбежен. Население не могло остаться совершенно без инвентаря, а между тем с каждым годом количество скота уменьшалось, с каждым годом безвыходность положения чувствовалась сильнее; чувствовалась сильнее и потребность в земле.

Конфликты с землевладельцами в начале текущего столетия происходили, как и раньше, главным образом, из-за старых земель, отрезанных у крестьян при отмене крепостного права.

Еще в 1900—1901 году некоторые помещики продолжают вести агрессивную «политику»: встречаются случаи захвата крестьянских земель. Так, в Смоленской губ., в Бельском уезде, в 1900 году «граф Келлер пожелал (!) лес, принадлежащий деревне Власово, причислить к своим обширным поместьям, результатом чего явилась судебная волокита с крестьянами» [1]). Процесс велся и в то время, когда вышло столкновение с лесной стражей, которое кончилось убийством управляющего и двух крестьян деревни Власово.

Хотя крестьяне пользовались лесом с момента их освобождения от крепостного права, но сиятельный помещик поставил в лесу свою стражу, которая, при столкновении с крестьянами, убила двух человек. При столкновении был убит управляющий, и в результате 7 чело-

---

[1]) „Право" № 41, 1901 г.

век крестьян было привлечено к ответственности «за вооруженное сопротивление лесной страже и убийство управляющего».

Покушения со стороны помещиков даже на те ничтожные «законные права», которые крестьяне имели, не прекращались и тогда, когда опасность широкого крестьянского движения уже сознавалась правительством, но еще не сознавалась графами Келлерами и другими землевладельцами, которые были заняты с в о и м делом—эксплоатацией крестьян. Поэтому в 1902 году киевский губернатор, в виду усиливавшихся крестьянских беспорядков, принужден был написать следующее письмо помещице Шкляревой, у которой в имении в 1901 году произошло столкновение с крестьянами:

«М. Г. Феофила Евграфовна!—По поводу аграрных беспорядков среди крестьян д. Голубятина, имевших место осенью прошлого года на землях вашего владения при названной дер., мною тогда же был командирован на место, в д. Голубятино, для выяснения причины беспорядков, член киевского губернск. по крестьянским делам присутствия, стат. сов. Вакар.

Данные произведенного г. Вакаром расследования были представлены мною на благоусмотрение г. начальника края, и его высокопревосходительство, найдя, что означенные выше беспорядки при д. Голубятино произошли по вашей собственной вине, так как вы стремитесь к стеснению крестьян нарушением их законных прав на выпасы, просит меня ныне повлиять на вас в том смысле, чтобы вы прекратили свои домогательства на крестьянские выпасы и имели бы в виду, что в противном случае, при возобновлении беспорядков, могут произойти серьезные последствия, которые весьма печально отразятся на ваших же интересах. Во исполнение приведенного предложения г. ген.губернатора, имею честь покорнейше просить вас, м. г., охраняя свою имущественную собственность в вашем голубятинском имении, н е н а р у ш а т ь п р и э т о м и м у щ е с т в е н н ы х п р а в м е с т н ы х к р е с т ь я н, не стеснять прав их на выпасы скота» и т.д.

Письмо характерно в том отношении, что администрация уже находит нужным несколько умерять аппетиты слишком предприимчивых землевладельцев, опасаясь крестьянских волнений. Это было уже в 1902 году, а в 1900 и 1901 г.г. крестьянские беспорядки не беспокоили правительство. Как и в прежние годы, недоразумения оканчивались наказанием «виновных» крестьян, и начальству не было никаких оснований беспокоиться.

Большая часть конфликтов происходила из-за спорных прав на землю.

Эпоха отмены крепостного права оставила наследство, которое было главным поводом для конфликтов крестьян с помещиками.

Крестьяне твердо помнят, какая земля была у них в распоряжении при крепостном праве, какие земли у них были отрезаны, и пользовались всяким поводом и всякими средствами для борьбы, прежде всего, за эту землю.

Столкновение крестьян с графом Орловым-Давыдовым из-за земли в Самарской губ., Ставропольского уезда, которое привело в 1900 году 18 крестьян на скамью подсудимых, также произошло из-за спорной земли, которую обе стороны считали своею.

Хотя в 1900 году, кроме упомянутых случаев, происходили конфликты крестьян и по другим поводам [1]), то с землевладельцами, то с полицией, но эти конфликты имели такой же характер, как и в предыдущие десятилетия. Такого настроения в широких слоях крестьян, которое служило бы признаком приближающейся грозы, еще не было. Недовольство открыто не проявлялось.

В 1901 году положение уже меняется. Из Воронежской губернии в августе 1901 года писали: «у нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожара; по земле стелется кровавый туман,—дышится и живется трудно, точно перед грозой. Мужик угрюмо молчит, а если и заговаривает иногда, то так, что мороз по коже подирает».

Конфликты с помещиками и с администрацией принимают более острый характер и становятся чаще.

Крестьяне села Оксаниной, Уманского у., Киевской губ., в числе 50-ти человек, вооружившись кольями, палками и камнями, самоуправно загнали пастись своих лошадей на экономические сенокосы, принадлежащие наследникам землевладельца Павловского. Когда служащие в экономии вздумали захватить лошадей, крестьяне оказали вооруженное сопротивление, причем один из крестьян произвел выстрел из револьвера. Видя опасность, управляющий экономией Соколовский, в свою очередь, выстрелил. Скоро прибыла полиция, и крестьяне были прогнаны с сенокоса. Несколько человек задержаны.

В апреле 1901 г. в Валуйском уезде, в слоб. Уразовой, происходит сопротивление властям из-за межевания. Столкновение закончилось поркой крестьян.

---

[1]) В Костромской губ., в Макарьевском уезде, произошло столкновение из-за леса, которым в течение многих лет пользовались крестьяне. В Ахтырском уезде—столкновение из-за спорного луга, признанного судом принадлежащим помещику и т. д., и т. д.

В сентябре того же года, в Петер. губ., в Гдовском уезде, в деревне Оголихе, происходит «сопротивление властям» при сборе недоимок.

В Верхотурском уезде, Пермской губ., в дер. Бучининой, происходит сопротивление властям при аресте порубщиков леса, причем собралась толпа до 500 человек, ружьями, палками и камнями прогнала полицию, после чего были вызваны две роты солдат. По этому делу было привлечено 39 человек, из которых 8 человек осуждено на каторгу, остальные в арестанские роты и тюрьму.

Тем не менее правительство еще и не подозревало приближения грозы.

Насколько в то время правительство спокойно смотрело на положение дел в деревне, можно заключить из того, что оно еще преследовало судебным порядком крестьян, желавших переселиться.

20-го мая выездной сессией в Сороках слушалось дело по обвинению 18-ти жителей Сорокского уезда в неисполнении законного требования властей и приготовлении к недозволенному законами переселению в другое место жительства и двух человек в подговоре к недозволенному переселению.

Вскоре правительство должно было изменить свое отношение к аграрному вопросу, так как в 1902 году началось уже более широкое крестьянское движение.

2.

Уже в конце 1901 года и в начале 1902 года крестьянские волнения становятся чаще и чаще, и начинает чувствоваться приближение крупных событий. Неурожай и последовавший за ним голод, цынга и пр. бедствия, связанные с голодовкой, создали невыносимую атмосферу. В Воронежской губернии, в с. Курлаке, начались волнения крестьян еще в 1901 году из-за спорного леса. В феврале 1902 г. волнение заканчивается столкновением с администрацией, экзекуцией и судом [1]). Драли зверски, и помещик Станкевич (владетель спорной земли) распорядился даже намочить предварительно розги в соленой воде. Высеченные крестьяне говорили: «а все-таки земля наша, и судиться мы будем»...

Уже весной движение принимает новый характер. Крестьяне начинают заявлять претензии и на помещичьи земли, на которые они раньше притязаний не заявляли.

[1]) „Право“ 1902 г. № 27

В конце марта и в апреле по селам появилось много прокламаций, которые крестьяне называют волшебными бумажками и читают на улицах и по избам. Из Бобровского у. брожение перешло в Валуйский, Нижнедевицкий и Воронежский уезды. Крестьяне являются к помещикам и требуют добровольно отдать им землю, хлеб и скот, говоря, что все это принадлежит им, что об этом пишут даже в книжках, и угрожают, в случае отказа, сжечь усадьбы и поделить землю по своему. Такой участи, между прочим, подвергся помещик Паренаго Ворон. уезда, у которого мужики подряд несколько лет жгут сено и хлеб. Ему было предложено отдать землю, и он поспешил уехать из имения, прислав вместо себя станового и урядника...

Некоторым монастырям, владеющим довольно значительными угодьями в Вор. у., были сделаны такие же предложения. Губернатор успокоил крестьян обещанием, что он разберет их претензии...

То же самое происходит и в Тамбовской губ. Один управляющий сообщает: «Должно быть скоро нам придется собирать свои пожитки и удирать с насиженных мест... Голод у нас отчаянный и на урожай нет надежды. Каждый день в усадьбу являются толпы мужиков и требуют хлеба. Все, что было можно, они уже забрали под работу, и положение их поистине безнадежное. Они прямо заявляют: «или давайте, или мы сами возьмем». Недавно один крестьянин повесился с голода. По селам идет говор: «прежде хоть столовые были, кормили нас, а теперь ничего нет, хоть умирай». В 20 верстах от нас крестьяне явились всем обществом с телегами и мешками, отперли общественный магазин и увезли хлеб. То же было в других местах... Жить в деревне становится невыносимо: и их жаль, и себя жаль»... Другой помещик пишет: «Надо бежать, пока не сожгли или не повесили на воротах. Происходит какая-то пугачевщина. По деревне нельзя пройти, не услышав вслед угрозы. По соседству на-днях сожгли весь хлеб у земского начальника. Говорят, что надеяться нечего, надо итти самим и отбирать землю у богачей. Над теми, которые все еще надеются и чего-то ждут, открыто насмехаются и говорят: «Да, жди»!..

В описанных районах изменилось лишь настроение крестьян, но активных проявлений движения, кроме исключительных случаев, еще не было.

Одновременно в Малороссии, в Харьковской и Полтавской губерниях крестьянское движение приняло стихийный характер, и в несколько дней в Полтавской губернии были разгромлены 54 усадьбы. Из Полтавской губ. движение перешло в смежные уезды Харьковской

губернии,—в уезды Валкский и Богодуховский, причем в первом было «разобрано» 25 экономий, и две усадьбы сожжены.

Движение началось с того, что около половины марта многие крестьяне Константиноградского у. (Полтавской губ.) стали являться к помещикам и, ссылаясь на недостаток продовольствия, просили о даровой выдаче им хлеба и корма для скота. Просьбы их, конечно, не удовлетворялись. 28 марта крестьяне деревни Максимовки и других соседних прибыли на один из хуторов герцога Мекленбург-Стрелицкого и увезли несколько тысяч пудов картофеля.

Вслед затем подобному нашествию подверглись и многие усадьбы Константиноградского и Полтавского у.

Обычно крестьяне являлись группами, на подводах, брали корм для скота, сельско-хозяйственные орудия и скот. Причем нередко слышались возгласы: «берите, вы должны сделать, как в книжках написано».

30-го марта было отправлено 3 батальона и 2 роты солдат, которым удалось восстановить «порядок» лишь через несколько дней.

В Константиноградском у. движение началось с дер. Лисичей. Там были таинственные книжки, откуда крестьяне вычитывали о «новых законах», разрешающих отбирать от помещиков хлеб и скот. Туда приходили наиболее горячие и решительные крестьяне из соседних деревень почитать эти книжки и потолковать о новых законах, а затем, вернувшись домой, становились агитаторами, побуждавшими своих односельчан к нападению на соседние экономии...

В других случаях крестьяне дер. Лисичей сами выступали в роли агитаторов. 29-го марта крестьянин этой деревни Д. Левенко принес в Федоровку записку от имени крестьянского общества дер. Лисичей, причем в этой записке, по удостоверению двух свидетелей, было написано: «Федоряне! подбирайтесь на бунт, а если не будете, то мы вас спалим». Записка эта «была оглашена на сходке крестьян, бывшей утром 30-го марта перед ограблением экономии Чеботарева». Наконец, когда среди нападавших на экономию крестьян замечалось колебание, на выручку опять призывались лисичане...

Крестьяне не допускали и мысли, чтобы солдаты могли стрелять «в своих». «Мы не китайцы». Даже когда в соседних экономиях хозяйничали казаки, крестьяне воображали, что они присланы для порядка, чтобы между крестьянами не было драки. О характере движения крестьян можно судить по данным, которые выяснились судебным разбирательством о беспорядках в деревне, и сообщению корресп. «Р. Р.».

Дело было первого апреля. Кругом уже пылали одна экономия за другой; тревожные слухи волновали всю округу. Но в деревне Ковалевке и на мельнице В. Трепке все было спокойно. Утро первого апреля началось, как всякое рабочее утро. Паровая мельница подавала в обычные часы гудки, дымила и с мягким шумом поглощала один мешок за другим. Рабочие поднимались и спускались; в контору приходили люди за расчетом; к амбарам под'езжали пустые подводы и отъезжали нагруженные мукой. Ничто не предвещало трагического конца этого дня. Но зловещие слухи посеяли уже во всех тревогу и волнение. Все знали, что в Константиноградском у., а также в Чутовской и Васильевской волостях Полтавского у. крестьяне уже разбирают экономии помещиков; прошел слух, что на 1-е апреля назначено и разграбление экономии Трепке.

Утром, при нагрузке муки на подводы, между подводчиками и заведующим мельницей происходит такой разговор. Один из подводчиков, Трофим Шанда, впоследствии убитый при столкновении с войсками, уже после погрузки пшеницы просит заведующего Пастернадского прибавить на каждую из его двух подвод по мешку, чтобы больше заработать за извоз. Пастернадский отказал. Шанда ответил ему: «ну бог с вами! Если теперь не дадите, то, должно быть, вечером больше дадите».

— «Почему это так?»

— «Вот увидите».

Зная о зловещих слухах, Пастернадский спрашивает подводчиков, не собираются ли они грабить, и уговаривает их «не делать вообще никакого зла, так как все за это будут наказаны». Кто-то из толпы отвечает, что «это пустяки, и что ничего не будет». Пастернадский упоминает о войсках и получает ответ Трофима Шанды:

— «Пускай меня убьют! Я и так уже убит, у меня есть нечего».

А Иван Мирошниченко, запасный солдат, убежденно доказывает, что солдаты не будут стрелять в крестьян. Подводчики, получив накладные, уезжают. Но тревога растет. Часа через полтора приезжает из Полтавы совладелец мельницы помещик М. Попов и, сообщив о слухах, советует остановить мельницу, по незаметно, под предлогом какой-нибудь поломки, и запереть ее.

В. Трепке скачет в Полтаву «просить у губернатора помощи», или, как он сам показал, «за войсками».

Пастернадский, встревоженный за целость муки, отпущенной утром с подводчиками, едет на станцию и убеждается, что мука доставлена в целости и ссыпана в амбары владельца,—ссыпана теми

самыми подводчиками, которые через несколько часов приедут разбирать экономию и мельницу.

Около часу дня управляющий имением Баранович вместе с казенным лесничим поехал садить сосну. Скоро туда же приехали подводах на 30 крестьяне д. Ковалевки и соседних деревень и стали забирать из стоявших там стогов сено.

Просьбы управляющего не делать этого не имели успеха. В третьем часу из с. Ковалевки приехали человек двадцать мельничных рабочих за расчетом, обычно происходившим первого числа. Получив рассчет, они стали просить выдать им и те три рубля, которые остаются в экономии у каждого рабочего в виде залога на случай самовольного ухода или поломки инструмента, причем высказывали опасение, что деньги могут пропасть (после разгрома).

Не получив этих денег, они нерешительно переминались, посматривая в сторону с. Ковалевки. Скоро, оттуда стали выходить кучки народа, большей частью из детей и баб, человек по 15—20. Эти кучки вошли во двор экономии и прямо направились к погребу, бывшему в то время открытым. Оттуда они стали забирать картофель: дети принялись ловить птиц, бабы забирали поросят в свинарне.

Заведующий Пастернадский все время стоял на крыльце, наблюдал все эти сцены и некоторых спрашивал, зачем это они делают. Ответы были однообразны: «нам тоже есть хочется, у панов много, а у нас нет ничего» и т. п. Увидя у одной бабы 3—4-дневного поросенка, Пастернадский крикнул ей: «зачем ты берешь его? Ведь он издохнет».

— «Ну и пусть издохнет, лишь бы не панам».

Скоро стали под'езжать подводы. Одним из первых приехал Антон Пазенко. У него происходит такой разговор с Пастернадским:

— «Ну-ка, управляющий, а где ключики?»

— «Какие ключики?»

— «От мельницы».

— «Зачем тебе?»

— «Видишь ли, говорили, что будут давать муку к празднику».

— «Никакой муки я давать не буду».

— «Мы сами возьмем. Давай ключи-то».

Получив ответ Пастернадского, что ключи увезены в Полтаву М. Поповым, Пазенко крикнул:—«Ну и не надо. Ай-да, хлопцы, замки ломать».

Скоро замок у одной двери был сломан, и начался разбор муки. Но не успели первые подводы от'ехать от мельницы, как явились

войска. Увидав их, Пастернадский соскочил с крыльца и задержал подводу Пазенко. Солдаты заворачивали другие подводы. Многие крестьяне, побросав добычу, стали разбегаться. Но другая рота солдат (их было две роты) старательно перехватывала грабителей и заворачивала их с дороги назад на мельницу. У мельницы образовалась толпа, которая все увеличивалась подходившими и под'езжавшими на подводах из с. Ковалевки крестьянами. По крайней мере, некоторые из них были весьма мало смущены появлением войска и начальства. На вопрос Пастернадского: «зачем приехали?» один из вновь прибывших ответил вызывающе:

— «Приехали ломать».

Повидимому, крестьяне вообще не допускали мысли, что солдаты могут стрелять в них, и были глубоко убеждены в правоте своего дела. Войска прибыли под командой подполковника Переймы. Вместе с ним явились и владельцы В. и Э.Трепке и М.Попов, земский начальник Кованько и вол. старшина Полтавской волости Марченко. Марченко стал переписывать перехваченных солдатами грабителей, а Кованько стал об'ясняться с толпой. На его вопросы, чего они хотят, и на его увещание разойтись и оставить разграбление, из толпы раздавались крики: «У нас нет ступни земли, пусть дадут нам есть, а то возьмем все сами, дайте нам по пять пудов хлеба и столько же земли!» (по 5 дес.). «Тебе Трепке заплатил 25 руб., ты и пришел с войсками защищать его» и т. п. А Трофим Шанда кричал: «Режьте нас, бейте нас, все равно приходится умирать без земли». В то же время из толпы слышались требования не снимать шапки перед земским начальником. К солдатам держались речи, что они не должны стрелять в крестьян, так как им есть нечего и у них нет земли. Скоро толпа прорвала цепи солдат и освободила крестьян, задержанных вначале.

Тогда солдаты прикладами очистили двор мельницы и оттеснили крестьян за ворота на дорогу.

Часть крестьян разобрала забор и, вооружившись кольями, стала напирать на солдат. Из-за амбара полетели в них камни и палки, причем кидавшие, очевидно, метили в офицеров.

Подполковник Перейма, получивши от земского начальника распоряжение действовать, обратился к толпе с предостережением, что солдаты будут стрелять, если они не разойдутся.

Из толпы послышались:—«брешешь», «стрелять не смеешь!» «Царь не велел!» и т. п.

Раздалась команда: раз, два, три. Из толпы кричат:

— «Кажи еще четыре»—«Не робей, ребята, стрелять не будут!»

Раздался первый залп на воздух. Дрогнувшая толпа тотчас оправилась и с криком «ура» начала опять «подвигаться на войско». Новая команда. Новые залпы второй, третий... Толпа в ужасе разбегается. На месте остаются двое убитых и несколько раненых...

Вся драма разыгралась, повидимому, очень быстро. Солдаты с начальством прибыли в 6 часов вечера.

Все переговоры с толпой носили чисто формальный характер: начальство выполняло все условия, которые требуются русскими законами для того, чтобы стрелять в мирную толпу. Оно увещевало, предупреждало, чего же больше? После этого оно имеет право стрелять, хотя бы в том не было ни малейшей нужды.

В толпе, по показаниям свидетелей, было не более 500 чел., в том числе много женщин и детей. Таким образом, на одного вооруженного солдата вряд приходилось по 2, по 3 безоруженных мужика, не обнаруживших при том никакого желания вступать в драку, ничего не грабивших, а только кричавших и не расходившихся.

Эта расправа не «успокоила» крестьян. На следующий день толпа, еще большая, чем накануне, двинулась от села Ковалевки к мельнице Трепке. Земский начальник послал Марченко и урядника уговорить толпу, но крестьяне встретили их бранью, и они должны были вернуться.

Тогда навстречу толпе выступил военный отряд с подполковником Перейма и земским начальником Кованько. Перейма потребовал, чтобы толпа остановилась на расстоянии 500—600 шагов, угрожая в противном случае стрелять. Повидимому, опыт предыдущего дня заставлял его не допускать соприкосновения крестьян с солдатами.

Тогда от толпы отделились два «уполномоченных», которые, с согласия г. Кованько, приблизились к нему и в ответ на его предложение уговорить толпу разойтись, ответили: «крестьяне расходиться не хотят и требуют, чтобы ушло войско» и что «Кованько и офицеры за происшедшее накануне будут строго отвечать перед государем императором».

Кованько опять грозил стрелять, если толпа не разойдется.

Уполномоченные, поговорив с толпой, опять подошли к г. Кованько и заявили, что крестьяне настаивают на том, чтобы Трепке дал каждому из них по 5 пуд. хлеба. Один из уполномоченных, Ив. Мирошниченко, по словам г. Кованько, «вел себя вызывающе, говоря, что крестьяне хотят поделить между собой землю богатых, по повелению государя».

Когда власти отказались от переговоров с крестьянами, из толпы раздались крики: «идем разбивать Крайника, Эристова и Кованька», т.-е., поясняет земский начальник, «уничтожать и расхищать мое имущество». «Не оставим у Кованька камня на камне, все сожжем!» После этого толпа разделилась на две части. Одна разбила экономию Божко, в 7 вер. от Ковалевки и от экономии Трепке, где начальство сидело под охраною 2 рот солдат. Другая часть толпы, повидимому, пыталась разбить экономию Кованька, но встретила там отряд казаков.

В таком же роде были волнения и в других местах. Мы привели подробное описание одного погрома, чтобы ознакомить читателя с характером движения 1902 года. Из этого описания ясно, при безвыходном положении, к которому пришли постепенно крестьяне, достаточно было самых ничтожных поводов, чтобы крестьяне пошли громить экономии. «Носились какие-то слухи»... Кто-то сказал, что разгром назначен на 1-е апреля и т. п., и крестьяне шли под пули из-за 5 пудов хлеба. Даже после убийства двух человек, на другой день крестьяне снова идут за этими пятью пудами хлеба...

Волнения крестьян в Полтавской и Харьковской губ. были быстро подавлены высланными войсками. Начальство учинило над крестьянами жестокую расправу. После бесчеловечной экзекуции было предано суду 1.098 человек. Порки не отрицает сама бюрократия и даже уверяет, что только она сделала излишним употребление оружия.

Но что это была за порка!

На суде сила и значение аграрного движения, которое готово было охватить всю Малороссию, удачно были замаскированы разделением подсудимых на 71 группу и приурочиванием отдельных обвинительных актов к разграблению отдельных экономий,—так что, вместо дела об одном целом и весьма внушительном движении, получилось 71 мелкое дело,—захват помещичьего хлеба окрестными крестьянами. Обвинение формулировано, как участие в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилия над личностью, хищения и повреждения имущества вследствие побуждений, проистекших от экономических отношений. (Ст. 269 Улож. о нак.).

Из многих десятков тысяч волновавшихся крестьян совершенно произвольно было выхвачено 1.098 человек и предано суду особого присутствия Харьковской и Киевской судебных палат, а на население наложена огромная контрибуция в 800 тысяч рублей.

Какие причины вызвали движение крестьян? На это следствие дает следующие указания. Служащие в экономии уверяют, что крестьяне не очень бедны, что казенная лавка в с Ковалевке торгует на

15 тысяч, что в течение 7 лет особенной нужды у крестьян не видали. Но свидетели, ближе стоящие к крестьянам, хотя и не принимавшие участия в движении (староста с. Ковалевки), рисуют такую картину: «Земельные наделы крестьян с. Ковалевки и соседних деревень не превышают 2 десятин. Прошлое лето был недород на хлеб и траву, и к весне чувствовался недостаток в хлебе для прокормления семейств. Кормить скот также было нечем. Ссуд хлебом из запасных общественных магазинов и от земства никто не получал. Арендная плата с каждым годом повышалась, и та земля, за которую 8—9 лет тому назад платили 6—8 рублей, теперь стоит 12—19 рублей. Большая часть земли песчаная. Десятина же ее под капусту и баштаны нанимается по 60 рублей и дороже». Не столь определенны, но сходны по смыслу и другие показания крестьян, удостоенных доверия обвинительной власти. Другую причину волнений почти все свидетели видят в прокламациях, «штемпелеванных» (гектографированных) бумажках, распространявшихся в Полтавском уезде за месяц до беспорядков. По словам сотского Ягодки, «в них говорилось о необходимости увеличения земельных наделов и о распределении между крестьянами излишнего запаса хлеба у богатых землевладельцев». Поверив тому, что бумаги эти исходят от самого царя и что паны противятся его воле и не хотят давать бедным крестьянам ни хлеба, ни земли, эти последние сами, нуждаясь весной в хлебе и корме для скота, стали забирать их из экономии.

Таково положение было в деревне Ковалевке. Не лучше было и в других деревнях, захваченных аграрным движением.

Из судебного следствия выяснилось, что местные крестьяне, имея в большинстве случаев незначительный земельный надел (в среднем около одной десятины на душу), связаны постоянными имущественными отношениями с окружающими их экономиями.

Нуждаясь в сенокосах, выгонах и пахатной земле, крестьяне нанимают землю в соседних экономиях и настолько свыклись с пользованием этой землей, что начали питать мысль о завладении ею; среди крестьян ходили даже толки о том, что, еще при уничтожении крепостной зависимости, земля подлежала разделу между крестьянами, но манифест не был тогда исполнен в точности, и что до Пасхи (1902 г.) крестьяне завладеют экономиями, а после Пасхи поделят землю и заберут экономические посевы.

Стремление завладеть землей частных собственников проглядывает во всех случаях нападения крестьян на экономии. Обыкновенно, перед началом расхищения, в толпе, окружавшей экономию, слыша-

лись заявления о недостатке земли у крестьян и обилии ее у помещиков и о том, что землю отберут у лиц, имеющих ее более 10 десятин и разделят ее между крестьянами.

Далее из дела усматривается, что минувший 1901 г. был неурожайным для Валкского уезда.

В опубликованном сообщении о харьковских и полтавских событиях 1902 г. главная причина «беспорядков» усматривается в «противоправительственной пропаганде», которая «свила себе гнездо» потому, что «хозяйственное положение крестьян, переживших за последние годы несколько недородов, «не вполне удовлетворительно».

Итак, арендные цены накануне крестьянского движения все более и более повышались. Это повышение, как мы заметили, почти повсеместно происходило на счет сокращения крестьянского инвентаря.

При таком положении первый неурожайный год становится для крестьян критическим, и они готовы верить первой прочитанной бумажке и итти на экономии, хотя те же слухи, которым они теперь своим голодом принуждены поверить, носились и раньше. Если эти слухи и прокламации раньше не вызывали движения, а теперь вызвали, то только потому, что наступил общий кризис продовольственной аренды, потому, что на почве конкуренции для продовольственного хозяйства борьба стала невозможной.

Когда народная масса попадает в такое безвыходное положение, становится понятным то легковерие, с которым крестьяне, люди чрезвычайно осторожные и практические, относятся к самым нелепым и невероятным слухам.

Перед отменой крепостного права достаточно было помещику сказать, что крестьяне ему надоели и он рад бы отвязаться от них, чтобы эти крестьяне стали бунтовать, предполагая, что они свободны и ими владеют противозаконно (бунт у кн. Голицына). То же самое повторилось через 50 лет, в начале XX века, когда положение крестьян стало безвыходным...

Так как хозяйственные условия а р е н д у ю щ и х крестьянских хозяйств центрального черноземного района, Малороссии и других черноземных губерний приблизительно одинаковы, так как процесс разорения развивался параллельно в большей части Европейской России, то и кризис мелкого крестьянского хозяйства назрел одновременно в разных местах, и движение вспыхнуло одновременно в различных губерниях, в тех именно пунктах, где положение крестьян было наиболее безысходным.

Движение 1902 года и отличается тем, что оно не было всеобщим, а лишь охватывало те пункты, где назрел экономический кризис. Между тем, как революционное движение 1905—6 годов захватывало и деревни, более обеспеченные землей.

Волнения в Полтавской и Харьковской губ. отозвались и в других районах юга России. В Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской губ. началось глухое брожение. Так, в Хотинском и Аккерманском уездах, Бессарабской губ., начались стихийные волнения, кончившиеся, однако, весьма быстро. В самом Кишиневском уезде местами крестьяне обращались к своим излюбленным лицам с вопросом, скоро ли им следует начать делить землю и имущество по душам по примеру полтавских крестьян. Население настроено так, писали корреспонденты «Р. Р.» из Бессарабии, что не будет ничего удивительного, если возникнут крупные волнения и даже восстание, помимо влияния каких бы то ни было организаций.

Другой корреспондент из Екатеринославской губернии сообщает, что уже в прошлом (1901) году особенно часто слышались вопросы, правда ли, что земля от помещиков отойдет. «Состояние деревни вообще было очень тревожное, напряженное. К осени, после крайне сухого лета во множестве деревень началась настоящая эпидемия поджогов. Главнейшая причина—недоразумения из-за выпасов, штрафов за потраву и т. п. Вблизи ст. Дебальцево, Зверевской линии, почти нет деревни, где бы не были подожжены постройки экономий или скирды сена и соломы».

Со всех концов, пишет корреспондент Тамбовской губернии, доносятся известия о глухом брожении среди крестьянства. Страшно оживились толки о прирезке земли, об отобрании ее у помещиков.

Стремление крестьян к земле выражается в разнообразных формах. Так, в Козловском уезде, в деревнях, прилегающих к огромному имению кн. Белосельских-Белозерских, по поводу распланировки господских полей крестьяне заявили, что распланировка делается по приказу царя, для передачи земли крестьянам.

«Исправнику крестьяне, между прочим, показали в календаре предсказание Брюса об открытии новых земель, из которых они заключили, что им должна быть прирезана земля. Аграрное движение крестьян Тамбовской губ. выразилось в ряде аграрных беспорядков в селах Уварове, Шибряй, д. Федоровке и в постоянной мелкой партизанской войне с помещиками в виде потрав, поджогов, а местами и побоев помещичьих служащих и урядников. В виду бесправного положения крестьян аграрный террор в большом ходу»...

Местами крестьяне обнаруживали необычайную наивную веру в помощь «начальства». Так, крестьяне с. Борщовки, Араповской вол., Тамб. у., составили такой приговор: «просят «казначейство» отобрать от помещицы Никитиной и наследников Лебедевой принадлежащие им земли, передать эти участки названному обществу крестьян, оставив для помещиков столько земли, сколько им будет нужно. За отобранную и переданную землю, сказано в приговоре, заплатить должен крестьянский поземельный банк. Понятно, такого приговора земский начальник не утвердил, но крестьяне были уверены и ждали, что вскоре «придут нарезать для них землю»...

В Черниговской губ., пишет корреспондент, местная администрация не на шутку встревожена все учащающимися фактами аграрных преступлений, главным образом поджогов—в губернии. В некоторых деревнях Козелецкого, Остерского, Кролевецкого, Борзенского и Конотопского уу. этим летом почти ежедневно приходилось наблюдать зарево пожаров от горевшего помещичьего хлеба или хозяйственных построек. У помещицы Маркович, в Кролевец. у., особенно ненавидимой крестьянами, уже в течение 4 лет регулярно сгорает весь урожай хлеба и сена, так что теперь все страховые общества отказались страховать ее имущество. Нередки и все учащаются случаи отказа в приеме на страх помещичьего имущества и в других местностях. «Мы не будем, як у Полтаві, робыти: воны (т.-е. паны) самы повтикают», уверяют себя и других крестьяне и действуют «своими средствіями».

В мае месяце 1902 года в 3-х деревнях Суражского у. Черниговской губ. происходит усмирение крестьянских беспорядков. Волнения вызваны, как это было и в других местах, земельной неурядицей, страшной теснотой от недостатка лугов и пахотных угодий. В одном из селений—Синем-Колодезе— был собственно не бунт, не беспорядки, а желание добиться увеличения земельных наделов строго законным путем, хотя и с недостаточно основательной мотивировкой...

В 2-х других селах—Ущельи и Теремошках, волнения приняли «явно незаконную» форму. «В Ущельи крестьяне отрезали от владений помещика Листовского 200 с лишним десятин пахоты, ссылаясь на то, что прежний помещик при освобождении крестьян обещал отдать им эту землю в собственность. Но когда явились войска, мужички принесли повинную и просили прощения. В виду поспешного и чистосердечного раскаяния власти здесь ограничились грозными речами и грозными обещаниями». Беспорядки, усмиренные войсками в имении черниговского губернского предводителя дворянства, согласно

донесению губернатора министру внутр. дел, произошли на почве непомерной эксплоатации крестьян при сдаче им в аренду необходимых угодий.

В Хованщине, близ с. Бековo, Саратовской губ., произошли серьезные беспорядки из-за спорной земли. Для усмирения приезжал губернатор Энгельгардт с пехотою и казаками. Крестьяне не расходились, и казаки разгоняли толпу силой.

Другие, довольно серьезные беспорядки произошли в с. Владыкине, где крестьяне потребовали от землевладелицы Олсуфьевой передачи им земли по определенной в мирском приговоре арендной цене. Сюда опять-таки явился губернатор с казаками. После предварительной порки губернатор раз'яснил крестьянам на сходе, что их подбивают на бунт враги России, ее завистники.

Беспорядки происходили, кроме Сердобского, в Аткарском, в северной части Балашевского у.у., в волостях: Ключевской, Сестринской, Макаровской и Турковской, т.-е. преимущественно в тех, где крестьяне большею частью страдают от малоземелья, находясь на дарственных наделах.

«Тут с ранней весны между крестьянами шли толки о том, что земля отойдет от помещиков к ним. Нелегальная литература, в которой выяснялось положение крестьян и причины их бедствий, появилась в таком изобилии, что не было глухого уголка, где бы крестьяне не читали ее. Читали они иногда, не скрываясь, а собираясь толпами в ригах и сараях. Слухи о движении в Полтавской и Харьковской губ. глубоко интересовали их, но еще до этих слухов крестьяне ранней весной начали самовольно разбирать хлеб из запасных магазинов. Крестьяне являлись по приговору всем миром, привязывали веревку к замку и засовам и тянули веревку все, чтобы в с е м быть в ответе. Составлялись приговоры о том, чтобы запахивать помещичьи земли и косить в свою пользу их луга, и во многих местах это приводилось тотчас же в исполнение. Частновладельческие же стога сена и хозяйственные постройки поджигались. У особенно ненавистных помещиков поджоги повторялись по нескольку раз. В Глебове, под Турками, у местного помещика и земского начальника Сафонова вырублен сад и в доме переломана мебель».

Движение и открытые сходки и совещания начались в окружающей местности с осени 1901 г., сообщают из села Бауманова. Первоначально было решено весной пахать самовольно у помещиков землю, но после некоторых убеждений это намерение крестьяне согласились пока отложить, а вместо него, в виду неурожайного года, с 1/II 1902 г.

по 8/II был разобран самовольно хлеб из запасных общественных магазинов; в течение 8 дней было разобрано хлеба более, чем из 15 амбаров. Когда же старшина вызвал крестьян в волостное правление и стал упрекать их за это, крестьяне ему сообщили, что, когда этот хлеб поедят, то поедут разбирать у помещиков...

В начале июня крестьяне начали по ночам косить у помещиков зеленый хлеб: в с. Григорьевке у помещицы Кожевниковой скосили 12 дес. зеленого проса, у другого Кожевникова в с. Студенке несколько десятин проса и подсолнушек, 8 дес. подсолнушек и проса в Чирикове и т. д. [1]); в Макаровке, Ключах и Глебовке делали то же, а в июле более чем в 10 имениях пожгли сено в лугах, гумна с хлебами, амбары и все надворные постройки; пожары продолжались до самой зимы.

В июле, в с. Трубетчине крестьяне спаяли из железа трубу вроде пушки, набили ее порохом и железными пулями, принесли ее в сад помещицы Суровцевой ночью, привязали пушку к яблоне и выпалили в окно спальни помещицы. В результате всех этих действий были присланы казаки. Казаков из Балашева тут же разместили по несколько человек в имениях помещиков, но крестьяне продолжали свое дело; пожары изредка все-вспыхивали. Потом начали по ночам возить снопы с земли, снятой у помещиков, но еще не оплаченной деньгами.

В других губерниях черноземного района крестьянское движение было слабее, но постепенно развивалось. Крестьянские волнения, пишут из Волынской губ., повторяются здесь все чаще и чаще (особенно за последний 1902 год), вспыхивая то там, то здесь, почти не прекращаясь.

Достоверно известно, что на Рождество были крупные волнения в с. Андрушевке (Жит. у.), очень много крестьян было арестовано. Весною возле к. Кременца и почти одновременно в Новоградволынс. уезде. Во всех этих случаях прибегали к содействию военных сил и порки.

Крестьянское движение не ограничилось черноземной полосой России. И в нечерноземном районе местами происходили аграрные беспорядки.

В Псковской губ произошло столкновение крестьян Сонинской вол., Островского у езда, с помещиком Боговским, земли которого вытягиваются длинной полосой через два уезда... Дело кончилось раз-

[1]) Впоследствии, в 1905 году в этом районе движение возобновилось.

громом одной деревни, без суда, без следствия... Второе столкновение было в Мясовской вол., того же уезда, из-за клочка луга, которым крестьяне владели давно, но который помещик по праву признал своим.

В Ильинской волости Пермской губ. крестьяне, лишенные всякой возможности пользоваться лесом для насущной потребности, так как своего леса они не имеют, пришли к заключению, что надо брать его из лесной дачи Строганова. А так как лес бдительно сторожат и строго взыскивают за порубку, то несколько деревень решили ездить в лес человек по 100 и более, чтобы в случае надобности оказать сопротивление страже. Начались такие действия с февраля, и, в конце концов, произошла битва в лесу. Управление послало за приставом, который обратился к старшине и вообще местным властям за содействием, но старшина отказался помогать. Арестовано было около 100 человек.

Кроме перечисленных случаев, в 1902 году крестьянские беспорядки и конфликты происходили в Мензелинском у., Уфимской губ., в деревне Николаевке и Стар. Мелькесе, из которых крестьяне привлекались за самовольный разбор хлеба.

Крестьяне м. Мотыжино, Киевского уезда, привлекались к суду за сопротивление властям и препятствие межеванию помещичьей земли.

В Одесском уезде крестьяне дер. Б. Кореники привлекались к суду за то, что препятствовали помещику пахать на его собственной земле.

В Екатеринбургском у. крестьяне дер. Бучиной оказали вооруженное сопротивление властям, пытавшимся отобрать нарубленный лес, и т. д., и т. д.

Движение крестьян в 1902 г. не ограничилось Европейской Россией. В Закавказье, главным образом в Гурии, еще в конце 1901 г. под влиянием неурожая этого года возникло сильное крестьянское движение, которое продолжалось до 1903 г.

На крестьянском движении в Гурии мы останавливаться здесь не будем, мы лишь отметим его, как один из симптомов подготовлявшегося жизнью революционного движения. Движение в Гурии, как и в Европейской России, еще носило чисто-экономический характер и происходило на той же почве, как и здесь. Одне и те же причины вызвали и одинаковые следствия и даже одинаковые формы движения...

Наибольшее значение имели, разумеется, беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях, не только потому, что они заставили и правительство и землевладельцев обратить внимание на настроение крестьян, но и потому, что они вызвали брожение среди крестьян других губерний.

ГЛАВА X.

Борьба с крестьянским движением.

Выше было указано, что во многих местностях стало замечаться изменение настроения крестьян, обострение отношений к помещикам и администрации. Несомненно, события в Полтавской и Харьковской губерниях в значительной степени повлияли на это.

Администрация, как и следовало ожидать, увидела в крестьянском движении «пропски злонамеренных людей». Для борьбы с аграрным движением она не ограничилась экзекуциями, преданием суду крестьян принимавших участие в движении, но и обратила внимание «на корень зла», который она видела в агитации и пропаганде революционных партий. В этом она видела причину волнений, и стала бороться с пропагандой...—циркулярами и агитацией земских начальников.

Департамент полиции разослал г.г. губернаторам следующий циркуляр:

«Из поступивших в Д. П. сведений усматривается, что распространение среди сельского населения империи революционных изданий осуществляется в большинстве случаев следующим образом: в том или другом районе появляются неизвестные молодые люди, которые, проезжая в железнодорожных поездах и в экипажах или верхом по проселочным дорогам, а равно из вагонов и экипажей, или проходя пешком по селам и деревням, разбрасывают имеющиеся у них книжки и брошюры революционного содержания, или раздают таковые встречным крестьянам, рекомендуя их читать и передавать для чтения другим. Нередко издания эти тайно подбрасываются во дворы и постройки крестьянских усадеб и явно на ярмарках и базарах в крестьянские телеги, а затем развозятся самим населением по отдаленнейшим и наиболее глухим местам. Упомянутые книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и по прочтении передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, причем наблюдались

даже случаи публичного чтения таких изданий среди целой толпы крестьян.

По ознакомлении крестьян с содержанием означенной литературы, среди них возникли толки о предстоящем разделе помещичьей земли и более или менее натянутые отношения с местными землевладельцами, и лишь по прошествии значительного промежутка времени уездная полиция, встревожившись сведениями о происходившем среди крестьян брожении, прибывает на место, где узнает лишь, что проходившие или проезжавшие неизвестные люди раздавали встречным крестьянам книги. Означенные книжки и брошюры отбираются, конечно, далеко не все, а по делу об обнаружении их среди крестьян производят дознание, оказывающееся обыкновенно безрезультатным, так как виновные в распространении революционных изданий остаются не обнаруженными и, вероятно, лишь переносят свою деятельность в другие местности.

Из вышеизложенного не трудно усмотреть, что в борьбе с такого рода пропагандой административным исследованием и отобранием революционных изданий нельзя достигнуть успеха, и что все усилия администрации в борьбе со злом должны быть направлены прежде всего на обнаружение и задержание агитаторов и распространителей подпольных изданий, а также на изыскание мер к предупреждению их преступной деятельности.

Для достижения этой цели местные жандармские и полицейские силы, в виду их сравнительной малочисленности и обширности районов наблюдения, оказались, конечно, недостаточными, вследствие чего необходимо, казалось бы, принять меры к вразумлению самих крестьян, чтобы они собственными средствами задерживали и предоставляли в распоряжение властей агитаторов и содействовали этим уничтожению зла в самом его корне»... Далее циркуляр надеется, что из числа крестьян найдутся благоразумные, которые сами будут помогать изловить агитаторов, и предлагает объявить земским начальникам, мировым посредникам и уездным исправникам, чтобы они лично на сходках раз'яснили крестьянам всю несостоятельность революционных учений.

Руководясь этим циркуляром, некоторые губернаторы стали упражняться в красноречии перед крестьянами, указывая на зловредность людей, ведущих среди крестьян агитацию, и печатали свои речи в местных «Губернских Ведомостях».

Губернаторы, в свою очередь, разослали циркуляры земским начальникам.

Так, например, черниговский губернатор разослал следующий циркуляр:

«Из полученных мною сведений выяснилось, что распространившиеся слухи о бывших в соседних Полтавской и Харьковской губ. беспорядках рядом с распространяемыми в сельском населении злонамеренными людьми всевозможными нелепыми слухами о предстоящем разделе помещичьих земель, о командировании для этого в близком будущем генералов, чиновников и даже студентов,—причем лица, именующие себя таковыми, появлялись уже в некоторых селах,—вызвали в высшей степени напряженное и какое-то выжидательное настроение среди сельского населения, и, хотя, по предложению некоторых исправников, нельзя ожидать возникновения беспорядков по собственной инициативе местных крестьян, но нельзя ручаться за то, чтобы в случае появления агитаторов и руководителей извне крестьяне не последовали бы за ними и не произвели бы беспорядков по примеру крестьян Полтавской и Харьковской губ.».

Далее в циркуляре излагаются различные средства, к которым прибегают агитаторы: чтение Евангелия и вставление в текст слов о земле, прибытие чиновников, будто бы от царя для отобрания земли от помещиков и раздела и пр., и в конце предлагается усиленно следить и наблюдать за крестьянами и за появляющимися между ними посторонними лицами.

Разумеется, тот же черниговский губернатор понимал, что виноваты в аграрных беспорядках не агитаторы, а сами помещики, но он не хотел и не мог этого сказать в своем циркуляре. И из цитированного выше письма киевского губернатора к помещице Шкляревой и из доклада черниговского губернатора министру внутр. дел видно, что высшая администрация понимала, в чем дело. В своем докладе губернатор указывает, что беспорядки в имении губернского предводителя дворянства Муханова произошли «по причине полной экономической зависимости от него крестьян, стесненных выпасом и водопоем для скота, а также вследствие установившихся в управлении правил относительно пользования водопоем, пастбищем и пр.».

Так переписывалась высшая администрация между собой, а земским начальникам рекомендовали бороться с агитаторами.

Земские начальники, в свою очередь, занялись агитацией и этим в значительной степени помогли крестьянскому населению познакомиться с событиями в Полтавской и Харьковской губ. и многих натолкнули на мысль об отобрании помещичьих земель

Агитация администрации не ограничивалась этим. Для целей агитации было использовано и духовенство.

Правительствующий синод разослал со своей стороны епархиальной администрации такого рода циркуляр:

«По указу е. и. в. св. п. синод имел суждение о мерах к предупреждению смут, производимых злоумышленниками в простом народе. Приказали: принимая во внимание, что в некоторых местностях дорогого нашего отечества злонамеренные люди—противники законной власти—возмущают народ и нарушают мирное течение гражданской жизни, св. синод признает необходимым: поручить епарх. преосвященным приглашать священников всех приходов, в коих по сведениям есть опасность возникновения смут, к принятию всех зависящих от них пастырских мер к предупреждению оных и раз'яснять пастве на основании слова божия всю лживость уверения злоумышленников, склоняющих к неповиновению властям, от царя установленным, и покушению на чужое добро. Для сей цели преосвященные должны поручить священникам, известным своим благоразумием, как можно чаще говорить на эту тему слово».

В свою очередь высшая губернская и уездная духовная администрация разослала по епархиям циркуляры священникам. Так, чембарское уездное отделение пензенского епархиального училищного совета разослало священникам следующий циркуляр.

«Носятся слухи, что по селам Чемб. у. ходят неблагонамеренные люди, разносят брошюры нехорошего содержания, вручают их жителям и учащимся в школах. В видах предупреждения, чтобы подобные люди не проникли в церковные школы уезда и не вручали бы детям дурных книжек, уезд. отд. покорнейше просит вас принять все зависящие меры к ограждению вверенной вам школы от таких крайне нежелательных и вредных явлений, внушить то же и учительнице. В случае же, если сказанные брошюры появятся в вашей школе, потрудитесь тотчас же отобрать их и представить в отделение».

При том положении, в каком находилась крестьянская масса, многочисленная армия агитаторов из земских начальников, священников и др. должна была гораздо больше популяризовать те идеи, какие проповедывались в листках и брошюрах революционных партий, потому что по самому своему положению крестьяне усваивали новые идеи таким образом, как заставляло их усвоить то положение, в котором находились крестьяне. Чем убедительнее говорил земский начальник о том, что собственность землевладельцев должна быть священна и неприкосновенна, тем сильнее он побуждал крестьян остановиться

на мысли об этой собственности. Слухи о прирезке и отобрании земель стали распространяться все шире и шире.

«Среди наших крестьян, пишут из Тимского у., Курской губ., не прекращаются толки о крестьянских и рабочих волнениях, о прирезке земли. Оживление отчасти поддерживается начальством, которое, получив губернаторские циркуляры, просвещает крестьян относительно агитаторов».

«В наших местах, сообщают в конце 1902 г. из Малмыжа, неспокойно. Среди крестьян ходит множество самых разнообразных слухов—о переделах, прирезке земли, отобрании земель у помещиков и т. п. Слухи эти начали циркулировать еще с весны. Исправник усиленно просил статистиков сообщить крестьянам о цели производимых ими работ во избежание новых предположений и догадок со стороны крестьян на счет «прирезок».

В связи со всеми этими событиями в настроении крестьян замечается все больший и больший поворот. Происходит местами ломка всего миросозерцания. Революционная пропаганда находит все более и более благоприятную почву. В этом отношении впереди стоит Саратовская губ. «За последнее время, пишут в конце 1902 г. из Саратовской губ., настроение деревни совершенно изменилось. Революционная литература и пропаганда, в связи прежде всего с влиянием самой жизни, возбуждающей мысль крестьянства и наталкивающей его на массу различных вопросов, сделали свое дело... Повидимому, наступила пора, когда большей части русского крестьянства предстоит пройти ту же эволюцию, которую уже прошел рабочий класс».

«Земли и хлеба»—такова краткая формула, в которой на первой стадии развития выражается тенденция современного крестьянского движения.

«Подчас несознательное и неоформленное—это движение принимает первоначально бунтарский характер. Систематические поджоги то в одном, то в другом месте в буквальном смысле терроризируют окрестность, наводя панику на помещиков и властей.

«За один минувший октябрь в с. Спасском и Чернышах, Петровского у., было 12 поджогов; жгли, главным образом, известного земского деятеля, помещика Е. Крестьяне добиваются такими действиями продажи им арендной земли. В соседних селах настроение крестьян также приподнято. После известного случая, выстрела в местного арендатора А. П. Угарова, который поспешил уехать из злополучных мест, крестьяне решили продолжать свою тактику и отбить у кулаков всякую охоту арендовать соседние участки.

Угроза «поджечь» направлялась по адресу некоторых помещиков в Сарат., Сердобск. и пр. уездах. После известного циркуляра Энгельгардта к земским начальникам—сыск и розыск в деревнях усилились, причем многие из охранителей порядка вследствие чрезмерного усердия попадали в неудобное положение... Так, священник села Б—я, во время обряда с молебнами, имеет обыкновение спрашивать крестьян, какие книги они читают... Упомянутого священника крестьяне на одном публичном собрании освистали, несмотря на его тщетные обращения к своему сану и угрозы геенной. Крестьяне так и не дали докончить ему речи».

Так, движение 1902 года подготовляло почву для грядущего революционного движения...

ГЛАВА XI.

Крестьянское движение 1903—4 г.г.

1.

Крестьянские волнения 1902 года были усмирены, и массовое движение крестьян в 1903—4 годах не проявлялось. Но атмосфера напряженной глухой борьбы в деревне не только не разрядилась, но еще более сгустилась. Наученные опытом, крестьяне уже не выступают сплошным районом на разборку усадеб помещиков, и только в отдельных случаях еще проявляется такая форма движения. Но борьба проявляется в новых формах, более разнообразных, и иногда, более целесообразных. Так, распространяется новая форма борьбы—бойкот помещиков, которых вынуждают итти на уступки, отказываясь арендовать землю и работать; стачка, с помощью которой повышают заработную плату и понижают аренду и т. д. Наряду с этим становятся более употребительными поджоги усадеб, хлеба и проч.; случаются убийства помещиков и т. д. Все более и более усадьба и деревня начинают напоминать два враждебных лагеря, занятых постоянной мыслью о том, чтобы «насолить», навредить противнику. В усадьбах появляется вооруженная охрана, которая, разумеется, не церемонится с крестьянами и еще более озлобляет их.

Движение 1902 года ничего не дало крестьянам, а циркуляры губернаторов и красноречие земских начальников менее всего могли удовлетворить крестьян.

Вследствие такого положения вещей, хотя в 1903—4 годах крестьянское движение казалось слабее движения 1902 года, так как не захватывало какого-либо сплошного района, но по разнообразию форм борьбы и по упорству крестьян в борьбе оно сделало значительный шаг вперед. Стачка и бойкот требуют уже выдержки и не могут закончиться в несколько дней, как это случилось с харьковским и полтавским движением. В случаях удачного исхода такая борьба поднимает настроение и соседних крестьян, между тем, как поджоги и разборка экономий не могли, разумеется, дать положительных результатов. Таким образом, в 1903—4 годах уже встречаются почти все формы борьбы, которые в более широких размерах развились в 1905—6 годах. Но в большинстве случаев крестьяне все-таки прибегают к поджогам. Напряжённое настроение отмечается в самых отдаленных друг от друга местах.

«Тревожное время переживают наши деревни, пишут «Р. Р.» из Пензенской губ. Крестьянское озлобление начинает явно пробиваться наружу и заявлять о себе трудно сдерживаемыми порывами. Нынешним летом поджоги стали чуть ли не ежедневными событиями у нас. Жизнь в деревне стала до крайности напряженной. Деревенская тишина почти каждую ночь нарушалась тревожным звоном набата. Горят молотильные сараи, стоги сена, клади ржи и даже хлеба на полях. Помещики так напуганы, что предсказывают революцию... На-днях в селе Матвеевке, Пензен. у., крестьяне сожгли усадьбу крупного помещика, купца Михайлова. У него сгорели в одну ночь дом, в котором он жил, паровая мельница, дранка, три амбара... В соседнем селе Михайловке, которое покрыто целой сетью магазинов кулака Михайлова, в эту же ночь были сожжены все эти магазины. Убытки, понесенные им, оцениваются сотнею тысяч, так как большая часть его имущества была незастрахованной».

В других селах пожары начались еще с весны. Сожгли местного помещика за то, что он ввел отработки, которые были отменены в 92 г. Эти отработки были очень тяжелы для крестьян, так как были назначены за испольную аренду очень плохой земли, которая давала самые несчастные сборы. Отсюда понятное недовольство таким положением дела. И наиболее интеллигентная и энергичная часть крестьянства решила бороться, чтобы добиться хотя бы отмены отработок.

У соседнего помещика горят ежегодно сено, хлеб, молотильный сарай. «Причиной служит жестокое обращение управляющего, разъезжающего с нагайкой по полям и нередко прибегающего к ней». Не-

довольство крестьян против помещика и его управляющего достигло крайней степени. Пожара крестьяне не тушили, хотя толпой стояли вокруг горящего гумна...

В другом селе все крестьяне сговорились между собой не итти к местному помещику молотить хлеб. Решение было приведено в исполнение с большим единодушием: никто молотить не пошел, и даже бабы, народ податливый, сумели устоять перед соблазном, хотя помещик обещал платить ежедневно вдвое большую плату (50 к. вместо 25 к.). Он пытался было взять крестьян соседнего села, но местные мужики, выяснив положение дела, пригрозили им, и те не рискнули итти против своего брата и принуждены были отказаться. Благодаря всему этому помещику пришлось своими силами молотить хлеба...

«Враждебные отношения между крестьянами, с одной стороны, и экономиями с их администрацией, с другой, достигли своего апогея, пишут из Херсон. губ. Это буквально два враждебных лагеря, сознательно стремящихся нанести друг другу возможно больше зла... Борясь с крестьянами, экономия, охраняемая целым штатом об'ездчиков, приказчиков, вооруженных револьверами, ночных сторожей, снабженных огнестрельным оружием и подкупленных, как крестьяне выражаются, «экономических урядников и стражников», в ответ на каждое проявление ненависти, мстит систематическими репрессиями. С другой стороны, крестьяне борются всеми средствами, исключая поджогов, которые, хотя и бывают, но редко. Способы борьбы у херсонцев следующие: на первом плане избиение, особенно камнями, всей администрации усадьбы. Конечно, при удобном случае не пропустят и «панив». Бывали случаи, а за последнее время довольно часто нападения с кольями и вилами в руках, но производились они не группами, а отдельными лицами. Был случай, когда на несправедливый рассчет и удар «по морде», помещик получал два удара топором... Ненависть к «панам» такова, что буквально никто из живущих или даже служащих в экономии не решается показываться в некоторых деревнях по улицам... Кроме того систематическое вытаптывание «рассады» на экономических огородах, порча фруктовых деревьев и др. насаждений, убийство или отравление собак никого не поражают. Бывали случаи отравления свиней и скота... Фраза: «Бачили, що вам було у Полтави» стала ходячей...»

«Не лишнее будет заметить, что помещики за последнее время стали «смирнее» и обыкновенно, в случае потравы, весьма скоро возвращают скот, не взимая штрафов... Теперь, даже разговаривая с па-

ном; редкий хохол скинет шапку, да и то из стариков. Молодежь даже за обязанность считает быть грубой с панами и не давать им спуску. Даже совсем маленькие дети привыкают ненавидеть панов». Одно и то же настроение отмечается и в черноземном центре и на юге России. Общие условия создали и одинаковую атмосферу и для великоросса, и для малоросса...

Отношения между помещиками и крестьянами крайне обострились, сообщают из Киевской губернии. Аграрные преступления очень часты. Порубка и потравы—обычные вещи. «Потравы—как выразился один помещик—это даже одна из статей нашего дохода» (за худобу, которая поймана около или на засеянном поле, уплачивается от 2 до 5 р.). В д. Большая-Рига крестьяне подожгли помещичий амбар, наполненный хлебом, и собранное сено.

При таких отношениях борьба в той или иной форме неизбежна.

Забастовки сельско-хозяйственных рабочих и крестьян стали происходить или под влиянием революционной агитации или по примеру городских рабочих.

В Сквирском уезде, Киевской губернии, появилось сильное брожение, отголоски которого долетали и до легальной печати. После всеобщей забастовки на юге, отчасти под ее влиянием, отчасти по примеру соседних селений Селезеновки, Цаповки, Кривошейницы и Верховни, организована чисто стихийно стачка в с. Кривом. Участились случаи аграрных преступлений, сведения о которых также проникли в легальную прессу.

В четырех деревнях—Селезеновке, Цаповке, Кривошейнице и Верховне—1 мая сельские рабочие устроили забастовку, выставив требование увеличения заработной платы. Исправник сначала арестовал чуть не целую деревню, но сейчас же вынужден был выпустить всех, за исключением 2-х, просидевших целый месяц. Стачка продолжалась две недели и требования крестьян удовлетворены. Во время стачки крестьяне помогали друг другу, кто чем мог. Успех стачки сильно ободрил крестьян.

В селе Шепелевке (около с. Турков), Сарат. губ., арестовано 14 чел. крестьян. Все они обвинялись в целом ряде поджогов у местного кулака-арендатора. Он перебил у крестьян помещичью землю, которой они раньше пользовались и, затем, зная их безвыходное положение, предложил им землю от себя в очень ограниченном количестве, да еще по очень высоким ценам (20—25 руб. за десятину на один посев). Тогда крестьяне применили к кулаку бойкот: они отказались почти всем селом наниматься к нему на какую бы то ни

было работу. В горячую страдную пору, когда дорог каждый час, арендатор, таким образом, оказался в безвыходном положении: арендатор жаловался властям, но ничего нельзя было сделать—противозаконного ничего не делалось. К довершению беды и то, что удалось кое-как собрать, в течение нескольких ночей погорело... Губернатор явился в сопровождении 100 казаков, которых сейчас же и разместили на постой по избам...

В селе Дьяковке, Гайсинского уезда, Подольской губернии, крестьяне упорно б о й к о т и р о в а л и соседнего помещика. В течение 2—3 лет они категорически отказывались выходить на работу на помещичьи поля, несмотря на повышенную плату. Бойкот заставил помещика расстаться с своим имением и сдать купцу-арендатору. Но арендатор оказался в таком же положении и через 2 года был вынужден, под давлением продолжавшегося бойкота, передать свою арендованную землю в аренду крестьянам с. Дьяковки, и это значительно улучшило их экономическое положение. Население этой деревни, как и большинство окружающих, состоит из ш т у н д и с т о в, чрезвычайно охотно вступающих в беседу и еще охотнее читающих «хорошую книжку»... Соседи дьяковцев поражены успехом их борьбы и, повидимому, система бойкотирования крупных помещиков и арендаторов стала популярной...

В Тульской губернии крестьяне все чаще о т к а з ы в а ю т с я р а б о т а т ь на помещиков. Никакие уговоры не помогают. Не помогают и кабальные задатки. Зимой крестьяне их берут, но весной все-таки на работу не идут... и уходят в заработки на юг.

Но такие способы мирной борьбы встречаются еще редко. Влияние социал-демократической организации, которая стремится организовать стачечную борьбу рабочих, было еще незначительно. Наряду с мирными способами борьбы встречаются чрезвычайно острые столкновения и нападения на личность помещика.

Так, в Черниговской губернии крестьяне высекли князя Урусова.

В Рязанской губернии, в Михайловском уезде, был убит крестьянами князь Гагарин. Благодаря неприязненным отношениям к крестьянам, князь Гагарин, предводитель дворянства Мих. у., обратил свою экономию во враждебный им лагерь и, чтобы лучше держать крестьян в страхе, выписал специально с Кавказа черкесов на должности стражей, об'ездчиков и т. п. Выстрелом из револьвера об'ездчик-черкес кладет на месте крестьянина, косившего помещичью рожь (крестьяне утверждают, что это неверно—он косил свою собственную рожь, граничавшую с помещичьей). Как бы то ни было, по

весть об этом убийстве всполошила все село; тотчас же собралась толпа и отправилась к князю. Тот встретил ее очень недружелюбно. Тон разговора все повышался и повышался и, наконец, в ответ на слова одного мужика—«так, ведь, пожалуй, нас всех перестреляют», раздраженный князь разразился грубой бранью: «всех вас, с...ных детей, и надо перестрелять!» Это было каплей, переполнившей чашу. Произошло то, чего и следовало ожидать. Через несколько времени князь лежал с пробитым черепом; был убит также один из бывших при нем черкесов, а часть усадьбы была об'ята пламенем. Когда явились войска, было уже поздно.

«В Остерском уезде, Черниговской губернии, крестьянами убит помещик Н. П. Владимиров. Этот помещик уже давно возбудил к себе ненависть крестьян своим кулачеством, донжуанством и грубостью Уже 10 лет назад в него стреляли. В здешнем крестьянстве, замечает корреспондент, вообще замечается сильное возбуждение. Не хотят покупать земель: «все равно—будет наша»...

Гораздо чаще крестьяне, наученные опытом, не выступая открыто, стараются повредить помещикам тайно, главным образом, поджогами. После экзекуции 1902 года, этот прием борьбы с помещиками становится самым распространенным.

«Аграрный террор все больше проникает в деревни нашей губ., пишут из Саратова. То и дело доходят сведения о «своих средствиях», пускаемых в ход крестьянами, чтобы добиться понижения арендных плат и т. д. На днях в селе Ольховке были сожжены восемь помещичьих домов крестьянами. Такое массовое применение «своих средствий» обеспокоило губернскую администрацию. В с. Ольховку прибыл губернатор в сопровождении казаков».

В других местах Сарат. губ. и смежной Донской области происходит то же самое. «Особенно свирепствуют крестьяне в Балашевском уезде. В с. Турках расквартированы были войска, но и это не помогает. Весною крестьяне успели уже сжечь имения нескольких помещиков, в том числе и балашовского предводителя дворянства, у которого много сгорело хлеба от «неизвестной причины». На границе Бал. у. и Усть-Медведицкого округа, Обл. В. Д., в апреле месяце у помещика Щуки, мало того, что сожжена была вся усадьба со всем добром, но и сам владелец еле спасся, хотя все-таки был избит...

В Петровском уезде, Сарат. губ., в экономии генерала Устинова, несколько раз повторялись поджоги. Ни уберечься от них, ни открыть тех, кто их делал, не было возможности. Встревоженный помещик, подозревая, что это дело рук соседних крестьян, решивших таким пу-

тем выжить его и завладеть его землей,—обращается за защитой к властям и просит принять меры. Губернатор об'ясняет Устинову, что он ничем ему помочь не в силах—разве только командировать сыщика, который выследит и откроет поджигателя. Но при этом губернатор ставит условием, что Устинов должен содержать сыщика на свой счет. Условие принято.

В Киевской губ. среди крестьян отмечается сильное брожение. Во многих местах крестьяне обращаются с новыми требованиями по поводу найма на летние работы. Помещики стараются обходиться при помощи годовых рабочих и машинной обработки. На этой почве разгорается ожесточенная борьба... Так, в одной деревне крестьяне подбросили помещику письмо следующего содержания: если он через три дня не об'явит посредством созыва общества, что согласен отдать уборку хлеба за пятый сноп, то хлеб будет уничтожен на корне. а если на корне не удастся, то пропадет затрата на уборку, потому что его уничтожат вместе с гумном, а то и со всей экономией. Прошло три дня, помещик ничего не об'являет крестьянам, но в деревню была прислана рота солдат, которых помещик расставил, где ему было нужно. Прошло еще два дня, крестьяне сожгли хлеб, а потом и экономию.

Наконец, можно отметить несколько случаев и открытых нападений на земли помещиков и столкновений с полицией. Впрочем, эти случаи являются более редкими и, пожалуй, исключительными.

Так, в селе Горячовке, Ольгопольского у., Подольской губ., имели место крупные аграрные беспорядки. Московский корреспондент английской газеты «Daily Telegraphe» сообщает, что беспорядки были гораздо более серьезные, чем можно судить по официальным сообщениям. Все крестьяне сел. Горячовки двинулись на усадьбу помещика и зажгли ее. Хотя помещик с семьей успел спастись, но усадьба сгорела вся, так как крестьяне не позволили усадебной прислуге тушить пожар. Корреспондент прибавляет, что правительство очень встревожено все чаще повторяющимися аграрными преступлениями, даже больше, чем беспорядками в фабричных центрах, так как оно сильно опасается движения среди совершенно обнищавшего крестьянского населения.

Крестьяне села Владыковой Девицы, Нежинского уезда, Черниговской губ., в течение последних лет стали снимать спорную с помещиком—кн. Голицыным—землю около 5.000 д. в аренду. Пока арендная плата была сравнительно невысока, они платили. Но в последнее время управляющий имением сильно возвысил арендную

плату, так что крестьяне перестали платить, хотя и продолжали пользоваться землей. Наконец, помещик, чтобы окончательно разделаться с крестьянами, надумал продавать землю отдельными участками. Тогда крестьяне решили протестовать, считая, что никто не в праве продавать их землю, вышли на спорное поле и запахали его Немедленно прибыл из Нежина исправник, но его приняли очень неприветливо. На другой день прибыл в село, под командой черниговского помощника полицеймейстера и нескольких становых, отряд стражников и урядников в 300 человек. При обыске крестьян произошло столкновение с полицией, после которого были приведены войска и началась экзекуция и аресты.

В Воронежском уезде такого же рода столкновение происходит из-за монастырской земли, которую крестьяне захватили. Столкновение также закончилось поркой 23 «зачинщиков».

Пробуждение крестьянской массы, и рост оппозиционного настроения отмечается и в других местах.

Так, в Новгородской губ.—брожение в деревнях по Белоозерскому уезду разросталось благодаря совпадению невыносимых реальных условий и идейному пробуждению крестьянской массы. «Когда весной явились сборщики податей и стали требовать платежей, то им пришлось натолкнуться на совершенно неожидный отпор: крестьяне деревень Орлово, Ковжа, Мегра, всей Талицкой волости наотрез отказалась платить какие бы то ни было подати. Никакие уговоры не подействовали. Тогда появились жандармы. Начались обыски и аресты. У многих крестьян найдена нелегальная литература.

Все эти явления, разумеется, привлекали усиленное внимание правительства, и оно боролось с ними.. преследованием интеллигенции и репрессиями по отношению к беспокойным крестьянам. Виновниками крестьянских беспорядков правительство считало революционных агитаторов, влияние которых, благодаря сложившимся условиям, действительно усиливалось.

В Киевской губернии, например, официальное донесение констатирует сильное возбуждение среди крестьян.. «С некоторого времени в Чигиринском, Черкасском и Звенигородском уездах, Киевской губ., стала обнаруживаться деятельность тайных агитаторов, возбуждающих население к беспорядкам, прекращению работ и насилиям, каковая деятельность имела во многих местах своим результатом неповиновения крестьян властям, а равно и поджоги. Уничтожены некоторые помещичьи и частновладельческие усадьбы, а также

лес и скот во многих имениях. При поджогах, злоумышленниками запираются заблаговременно конюшни и хлевы, так что скот сгорает живым, не имея выхода. Пожар свекло-сахарного завода Бродского не мог быть своевременно прекращен, несмотря на имеющуюся при заводе пожарную команду, ибо водопроводные трубы оказались залитыми свинцом...

Благодаря означенным опустошениям население во многих местах остается без заработка. Изложенное констатирует, как крайне тяжелое экономическое положение уездов, так и тревожное в них настроение».

К сожалению, цензурные условия того времени не давали возможности учесть действительные размеры крестьянского движения, и регистрация его производилась, главным образом, нелегальной литературой. Но и приведенные данные показывают в достаточной степени размеры и характер движения.

Итак, революционное движение крестьянства в 1905—7 годах не было неожиданным, не возникло внезапно. Некоторые помещики даже предвидели «революцию». Кризис продовольственного хозяйства должен был в той или иной форме разрешиться. Крестьянство избирало наиболее простой выход и наталкивалось на организованную силу правительства. Но эти столкновения не могли дать политического опыта. Крестьянство наружно успокаивалось, но достаточно было крестьянам дать малейший повод, что прежнего препятствия крестьянскому движению не будет, и оно вспыхнуло в 1905 году с небывалой силой. Если такого повода не являлось, то крестьяне его выдумывали, так как никакого выхода из тяжелого положения для них не было.

2.

Отмеченное нами обострение отношений между крестьянами и помещиками в 80-х годах прошлого столетия и особенно накануне революции об'ясняется теми причинами, которые изложены в I-й и II-й главе.

После отмены крепостного права крестьяне волновались только в то время, когда ликвидировались крепостные отношения. В первые десятилетия низкие арендные цены давали крестьянам возможность существования и волнений не было. Но дальнейшее развитие хозяйственных отношений неизбежно приводило мелкое хозяйство к кризису. Мы видели, что повышение арендных цен происходило на счет сокращения у крестьян средств производства, и рано или поздно

должен был наступить момент, когда масса мелких хозяйств уже не могла продолжать аренды. Настроение крестьян и отношения их к помещикам находятся в тесной связи с теми хозяйственными отношениями, которые выражаются в аренде.

Борьба крупного и мелкого хозяйства не прекращалась все время после реформы. Даже в конце крепостной эпохи, как мы видели, в черноземном районе помещичье хозяйство стремится стеснить крестьянство. В пореформенную эпоху успех борьбы мелкого хозяйства с крупным определялся арендными ценами. Пока продовольственное хозяйство могло платить более высокую аренду, чем хозяйство капиталистическое, оно удерживало в своих руках арендованные земли. Но лишь только такая возможность исчезла, борьба на почве рыночной конкуренции стала невозможна.

Итак, изложим вкратце различные стадии борьбы крупного и мелкого земледельческого хозяйства после отмены крепостного права до начала революции.

До 80-х годов повышение арендных цен тяжелее всего отражалось на наиболее слабых хозяйствах и в 80-х годах при резком дальнейшем повышении более слабые хозяйства должны были отойти в разряд беспосевных, главным образом в районах юго-западном и малороссийском, где больше всего малоземельных крестьян. Выпадение группы наиболее слабых хозяйств в то время не могло привести к общему кризису, потому что среднее крестьянство могло продолжать аренду. Но повышение аренды начало происходить уже на счет сокращения средств производства и все большая и большая часть крестьянских хозяйств, удерживая в своих руках аренду, вследствие ее высоты спускалась в разряд экономически с л а б ы х. Та часть арендаторов, которая в 70—80 годах состояла из «середняков», устойчивых хозяев, в 90-х годах представляет из себя уже группу двухлошадных, однолошадных и даже безлошадных хозяйств, которые, при дальнейшем повышении арендных цен, должны уже выйти из числа арендаторов, так как средства производства у них сократились до minimuma. Между тем повышение ренты и в 90-х годах происходило не только вследствие конкуренции продовольственных хозяйств, но и вследствие повышения ренты к а п и т а л и с т и ч е с к о й. Во многих местах перед революцией отмечается переход землевладельцев к более интенсивному капиталистическому хозяйству или к передаче земли в аренду капиталистам-арендаторам. Продовольственное хозяйство должно было отступить, так как не могло выдержать дальнейшего повышения арендных цен. Между тем та-

кое отступление широких слоев крестьян-арендаторов грозило им голодной смертью. Если бы продовольственное хозяйство могло и дальше конкурировать с капиталистическим и еще повысить арендную плату, то, разумеется, землевладельцы не переходили бы к расширению собственных запашек. Но, как мы заметили и то повышение арендных цен, которое произошло перед революцией, отрезало уже возможность широким слоям крестьянства продолжать аренду, так как доплачивать ее было уже не из чего.

ГЛАВА. XII.

Мероприятия правительства накануне революции.

Аграрные волнения 1902 года отразились не только на настроении крестьян, еще не захваченных движением, но и на деятельности правительства и на настроении землевладельцев.

Еще в январе 1902 года состоялось высочайшее повеление о пересмотре законодательства о крестьянах «на почве основных начал положения 19 февраля 1861 года». Этот пересмотр должен был «представлять собой дальнейшее развитие этих начал». «Редакционная комиссия», назначенная под председательством товарища министра внутренних дел Стишинского после полтавских и харьковских беспорядков, принялась за работу, решивши, что «главным одухотворяющими весь этот законодательный акт (реформу 19 февраля 1861 года) началами должны быть признаны обособленность крестьянского сословия и установленные сообразно с этим особый порядок управления крестьянами и неотчуждаемость крестьянских надельных земель, а также неприкосновенность основных реформ крестьянского землепользования от всякого коренного изменения».

Комиссия находила необходимым «охранение деревни от насильственного вторжения в ее состав отбросов от городской жизни», (которые уже в это время появлялись в большом числе с прокламациями) и усиление надзора земских начальников за ходом сельского общественного хозяйства.

Но, назначивши комиссию, во главе которой был поставлен один из самых диких реакционеров, правительство назначило другую комиссию «особое совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности», председателем которой назначен был слывший тогда «либералом» статс-секретарь Витте.

«Особое совещание» было учреждено для «выяснения нужд сельско-хозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с нею отраслей народного труда». В состав комиссии вошли три министра: финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ.

«Особым совещанием» были образованы губернские и уездные комитеты, причем председателями губернских комитетов были назначены губернаторы, а уездных—уездные предводители дворянства.

Так как председателям местных комитетов было предоставлено право приглашать в состав комитета и других лиц, кроме официально назначенных для участия в его работах, то либеральные земцы надеялись через эти комитеты оказать некоторое давление на правительство и, во всяком случае, высказать в них свои взгляды на необходимые реформы.

Нужно заметить, что работам комитетов предшествовал земский с'езд (в мае 1902 г.), правда, тогда еще малочисленный, но имевший большое значение для об'единения деятельности либеральных земцев. На с'езде выработана была платформа для агитации в обществе и для работ в уездных комитетах. Хотя в большей части уездов состав комитетов был малочисленный—большинство председателей не пользовалось своим правом приглашать сторонних лиц,—тем не менее либеральная оппозиция, поскольку это было возможно, использовала местные комитеты для своего укрепления в среде буржуазного общества. В некоторых, правда, очень немногих уездных комитетах, участвовали и представители крестьян. Так, в лохвицком комитете участвовало до 150 членов, в том числе и большое число казаков и крестьян из различных волостей уезда. В некоторых уездах вопросы о нуждах с.-х. промышленности обсуждались даже в волостных комиссиях. В Кубанской области было опрошено около 400 станичных и сельских сходов. Но в подавляющем большинстве случаев даже либеральные земцы, будущие лидеры к.-д. партии, боялись приглашать крестьян, основательно опасаясь, что это может вызвать у крестьян «неосновательные надежды».

Комитеты о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, не имея практического значения, представляют большой интерес, как выразители существовавших накануне революции настроений среди буржуазного общества и бюрократии, но главным образом среди землевладельцев.

Значительная группа комитетов явилась выразительницей ярко

окрашенных реакционных стремлений. Эти комитеты обратили усиленное внимание на нарушение крестьянами права земельной собственности помещиков и требовали усиленной помощи со стороны суда и администрации для ограждения своих прав, усиления наказаний за потравы, порубки, неисполнение договоров найма и т. д. и расширения прав сельских обществ ссылать своих «порочных» членов. Очевидно, «правонарушения» крестьянами в виде потрав и порубок сделались очень чувствительны для землевладельцев. Высказывались уже взгляды о «праве защиты собственности оружием», которое впоследствии широко применялось. Сергачевский комитет находит, что у крестьян даже больше прав, чем у других сословий [1]), а в мценском комитете предлагалось восстановить «то доброе, что было при крепостном праве».

Но большая часть комитетов все-таки высказывалась за целый ряд прогрессивных преобразований и особенно требовала законности в управлении. Бюрократический гнет чувствовался всеми классами населения и многие представители буржуазии и землевладения понимали, что этот раздражающий гнет, не удерживая крестьян от таких эксцессов, как разгромы экономий, потравы и т. д., лишь тормозит хозяйственную жизнь. Та враждебная атмосфера, которая уже создалась в деревне, лишь обострялась общим политическим гнетом. Экономический упадок деревни, кризис продовольственного хозяйства чувствовался всеми и землевладельцы причину этого видели в том гнете, в высоких налогах, «отсутствии законности», которое давило всех. Этим землевладельцы отчасти сваливали с себя часть ответственности, которая лежала на них за разорение деревни.

«Налоги из года в год высасывают из крестьянского населения огромную часть его дохода, не давая взамен почти ничего для улучшения культуры, для увеличения производительности труда», заявляет балашевский уездный комитет. Многие комитеты высказываются за отмену выкупных платежей. Разумеется, не с такой охотой высказываются члены комитетов за уменьшение эксплоатации крестьян землевладельцами. Напротив, многие комитеты, либеральные тогда, когда идеть речь о политическом строе, являются в области хозяй-

---

[1]) „Какую желательно еще дать свободу народу? Какое общество или сословие имеет *право* по своему приговору сослать вредного члена в Сибирь? Никакое кроме крестьянского, следовательно у крестьян больше прав, чем у всех других сословий". Комитет забыл еще об одном праве крестьян,— на „право" телесного наказания...

ственных отношений ярыми крепостниками. Тем не менее уже тогда, даже при обсуждении земельных отношений, проявилось то течение, которое впоследствии сформировалось в конституционно-демократическую партию: во многих комитетах раздавались голоса о государственной помощи расширению крестьянского землепользования.

Повидимому полтавские и харьковские события и тут сыграли роль. «Недавние печальные события в Полтавской, Харьковской, Саратовской и Воронежской губерниях заставляют серьезно подумать о применении к таким малоземельным крестьянам государственной прирезки наделов». Опасение, что «если крестьянам не прирезать земли, то они нас прирежут», уже и тогда заставляло более культурных землевладельцев не пугаться таких мероприятий. Впоследствии конституционно-демократическая партия более широко формулировала те требования в области земельных отношений, которые высказывались некоторыми либеральными уездными комитетами и отдельными их членами.

Нужно, впрочем, заметить, что в либеральных земствах большую роль играли служащие земства, которые, как единственные работники, фактически задавали тон всей деятельности земства и толкали его влево.

Работы уездных и губернских комитетов, так же как и «труды особого совещания» не имели никаких практических результатов и лишь послужили почвой для первых выступлений оживившегося либерализма.

Практические же мероприятия, вызванные, несомненно, аграрным движением, свелись к двум: к введению полицейских стражников и к отмене круговой поруки. В мае 1903 года был издан закон об учреждении по деревням полицейских стражников для усиления сельской полиции в 46 губерниях «в целях охранения благочиния, спокойствия и порядка». На это «мероприятие» требовалась затрата от казны в 10 милл. рублей. В первую очередь (1903—1904 г.г.) стражники вводились в наиболее «беспокойных» губерниях: в Полтавской, Харьковской, Саратовской, Пензенской, Черниговской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Нижегородской, Орловской, Херсонской, Екатеринославской, Киевской, Волынской и Вятской.

Высочайшее повеление 12 марта 1903 года об отмене круговой поруки снимало ответственность общества за недоимки отдельных домохозяев, как в селениях с общинным, так и с подворным владением землей. Окладные сборы должны были взиматься под руковод-

сном земского начальника и податного инспектора лицами волостного и сельского управления. Полиция же должна была оказывать лишь содействие.

Так как практически круговая порука уже не имела значения для фиска, то правительство приняло эту либеральную меру, ничем не поступаясь. Но и крестьянами по этой же причине эта «уступка» была незамечена, и на отношения в деревне она никакого влияния не имела.

Кризис крестьянского хозяйства так далеко зашел, что даже действительно либеральная политика правительства не могла бы умиротворить крестьян.

Во взглядах на средства умиротворения крестьян либеральные земцы в большинстве случаев были не меньшими утопистами, чем бюрократы. Если последние надеялись справиться с движением агитацией земских начальников и с помощью стражников, то либералы надеялись удовлетворить крестьян реформами, не изменяя сложившихся хозяйственных отношений...

Мы уже упоминали о циркулярах департамента полиции, губернаторов, синода, которыми рекомендовалось агитировать против покушений на земельную собственность. Наряду с этим губернаторы старались всеми силами ослабить и даже прекратить общение с населением служащих в земстве, «третьего элемента», особенно статистиков Губернаторы не утверждали массу лиц, принимаемых на службу земствами и местами статистические исследования на время прекращались вследствие препятствий, чинимых администрацией.

Все эти мероприятия нисколько не могли отразиться на отношениях в деревне, хотя и оживили толки о земле, особенно агитация земских начальников и священников. Введение же полицейской стражи в деревнях могло только раздражить сельское население, у которого сразу же начались столкновения со стражниками.

Итак, после аграрного движения 1902 года крестьянское население получило от правительства.. стражников.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
Предисловие	. . . . .	3
Введение.	. . . . .	5
ГЛАВА I.	Борьба крупного и мелкого хозяйства	5
ГЛАВА II	Кризис продовольственного хозяйства	10

Крестьянское движение в XIX веке.

ГЛАВА III.	Крестьянское движение до отмены крепостного права	23
ГЛАВА IV.	Крестьянское движение во время крепостной реформы	35
ГЛАВА V	Крестьянские волнения 70-х и 90-х годов . . .	43
ГЛАВА VI.	Политические партии и крестьянство до революции .	50
ГЛАВА VII.	Перелом крестьянского мировоззрения	68

Накануне революции.

ГЛАВА VIII.	Характеристика земледельческих районов	90
ГЛАВА IX.	Крестьянское движение 1900—1902 гг	102
ГЛАВА X.	Борьба с крестьянским движением	118
ГЛАВА XI.	Крестьянское движение 1903—4 гг.	123
ГЛАВА XII.	Мероприятия правительства накануне революции .	133

